

Эдвард ЭДИНГЕР

ОСМЫСЛЯ ЮНГА

- Семинар по книге Карла Густава Юнга «Символы трансформации»
- Введение в «Mysterium Coniunctionis» К. Г. Юнга. Алхимический образ индивидуации. Лекции
- Интервью с Эдвардом Эдингером

Эдвард Эдингер
ОСМЫСЛЯЯ ЮНГА

М.: Клуб Касталия. 2016. — 224 с.

Перевод: Ольга МУРАТОВА
Редактор: Victoria NARAYANA
Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА
Обложка: Ольга ИВАНОВА

Эдвард ЭДИНГЕР

ОСМЫСЛЯ ЮНГА

Москва
2015

Содержание

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБИДО. СЕМИНАР ПО КНИГЕ КАРЛА ГУСТАВА ЮНГА «СИМВОЛЫ ТРАНСФОРМАЦИИ»	7
ЛЕКЦИЯ I. ПАРАГРАФЫ 1–83.....	9
ЛЕКЦИЯ II. ПАРАГРАФЫ 84–124.....	19
ЛЕКЦИЯ III. ПАРАГРАФЫ 12–250.....	27
ЛЕКЦИЯ IV. ПАРАГРАФЫ 251–312.....	37
ЛЕКЦИЯ V. ПАРАГРАФЫ 313–414.....	47
ЛЕКЦИЯ VI. ПАРАГРАФЫ 415–522.....	57
ЛЕКЦИЯ VII. ПАРАГРАФЫ 523–612	67
ЛЕКЦИЯ VIII. ПАРАГРАФЫ 613–685	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	86
ВВЕДЕНИЕ В «MYSTERIUM CONIUNCTIONIS» К. Г. ЮНГА. АЛХИМИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ИНДИВИДУАЦИИ. ЛЕКЦИИ	87
ЛЕКЦИЯ 1	88
2. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ ROSARIUM	120
ИНТЕРВЬЮ С ЭДВАРДОМ ЭДИНГЕРОМ ЛОУРЕНС ДЖЕФФ, ИНТЕРВЬЮЕР.	201

Эдвард Эдингер

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБИДО
СЕМИНАР ПО КНИГЕ КАРЛА ГУСТАВА ЮНГА
«СИМВОЛЫ ТРАНСФОРМАЦИИ»

«В этом виде бог проявляет себя, и в этой форме он должен быть побежден. Сама борьба содержит в себе параллель в битве Иакова с ангелом у брода. Нападение инстинкта становится переживанием божественного, позволяя человеку не уступать ему и не следовать ему слепо, а защищать свое человеческое против животной природы божественной силы».

К. Г. Юнг, «СИМВОЛЫ ТРАНСФОРМАЦИИ»

Лекция I

ПАРАГРАФЫ 1–83

Сегодня мы приступаем к исследованию «Символов трансформации» Юнга, замечательной и богатой по содержанию книги. Хильда Киш¹ однажды сказала, что перечитывает ее от корки до корки не реже чем раз в год. Это книга, которую можно изучать бесконечно, а кроме того, с ней связана одна весьма интересная личная история. Написанная в 1912 году, книга предвещала схождение в бессознательное, предпринятое Юнгом в декабре 1913 года. Изложение этой работы вы можете найти в сборнике «Аналитическая психология. Семинары. 1925 г.»² Юнг приводит значимое сновидение, явленное ему до написания книги:

Во сне я оказался в средневековом доме: большом, запутанном доме со множеством комнат, проходов и лестниц. Я вошел с улицы и попал в сводчатую готическую комнату, а оттуда в погреб. Мне подумалось, что теперь я достиг самого дна. Вдруг я нашел квадратное отверстие. С фонарем в руке я посмотрел в дыру и увидел ступени, ведущие дальше вниз. Я начал спускаться. Ступени лестницы оказались покрытыми пылью и очень изношенными, а воздух был липким, — в целом, очень странная атмосфера. Я попал в другой погреб, очень древний по своему строению, вероятно,

¹ Jungian analyst. Founding member of the C. G. Jung Institute of Los Angeles.

² C. G. Jung, «Analytical Psychology: Notes of the Seminar Given in 1925», Edited by William McGuire, Princeton University Press, 1989.

римский, и нашел еще одно отверстие, через которое смог заглянуть вниз в могилу, заполненную древней глиняной посудой, костями и черепами. Так как пыль была нетронута, я решил, что сделал крупное открытие. Тут я проснулся.

Ниже Юнг продолжает:

Из всего этого медленно появилась «Психология Бессознательного»³ [название английского перевода книги, изданной несколько лет спустя], поскольку я столкнулся с фантазиями мисс Миллер, действовавшими словно катализатор на весь материал, собранный у меня в голове. Я видел в мисс Миллер человека, как и я, имевшего мифологические фантазии, грезы и сновидения полностью безличного характера. Я с готовностью признал их беспристрастность, а также тот факт, что они должны происходить из глубоких «погребов», хотя я не дал им названия коллективного бессознательного. Вот так выросла книга.

Юнг принялся изучать фантазии Миллер наряду с сопутствующим мифологическим материалом. Он пишет:

Мне потребовалось долгое время, чтобы понять, что живописец мог нарисовать картину и счесть этот вопрос закрытым, не имеющим ничего общего с ним самим. И точно также прошло несколько лет, прежде чем я понял, что «Психологию бессознательного» можно считать в какой-то мере мной, и что изучение этой книги неизбежно приводит к анализу моих собственных бессознательных процессов. Как бы ни было трудно уложиться в рамки лекции, я хочу обсудить этот аспект и проследить, как эта книга, в своем роде, предсказала будущее.

³ C. G. Jung, «Psychology of the Unconscious», CW. Vol. B, Princeton University Press, 1991.

Мне нравится начинать обсуждение любой книги с ее названия. Написанная в 1912 году, работа вышла под оригинальным названием, в переводе с немецкого звучащим как «Трансформация и символы либидо». В 1916 году был издан английский перевод Беатрис Хинкл «Психология бессознательного», причем название изменил не Юнг, а английский издатель. В 1952 году, когда Юнгу исполнилось 77 лет (на момент написания книги ему было 37), он подверг книгу всесторонней переработке и добавил значительный материал. Работая над первоначальным вариантом, Юнг все еще оставался примерно на треть фрейдистом. Исправленное и дополненное издание получило название «Символы трансформации», слово «либидо» автор опустил. Тем не менее, оно все еще витает как призрак. Если вы спросите себя: «Трансформации чего?», — ответ будет «Трансформации либидо». Это важный момент для понимания книги, поскольку концепция либидо является одним из ее главных вопросов. Именно по данной проблеме у Юнга и Фрейда возникло главное разногласие, а именно: что есть природа либидо и как следует понимать психическую энергию, движущую силу человеческой души. Юнг считал, что понимание должно быть более широким, нежели у Фрейда, и посвятил всю книгу исследованию этой идеи. В основном вопрос ставится об осмыслении человеческой психики как энергетического механизма. Мне хочется подчеркнуть эту особую концепцию.

Другая вещь, на которую я обращаю внимание, взяв книгу в руки, — первые несколько фраз. Как и первое сновидение в аналитической работе, первые предложения текста склонны содержать основные темы всего процесса. В данном случае начало действительно прекрасно. Юнг излагает свои впечатления от чтения «Толкования сновидений» и от открытия Фрейдом эдипова комплекса:

«Отклик, производимый этим простым указанием [касательно Эдипа], можно сравнить с тем особенным чувством, которое охватывает нас, когда мы среди шума и толчи современной городской улицы наталкиваемся на остатки древности: например, на коринфскую капитель давно замурованной колонны или на фрагмент надписи. Только что мы отдавались шумливой эфемерной жизни

современности, и вдруг пред нами появляется нечто весьма далекое и чуждое, отклоняющее наш взор к вещам иного порядка. Взгляд переводится с необозримого разнообразия действительности на высшую связь исторических явлений».

Далее в том же самом пространном параграфе:

«Проникая через заблокированные подземные проходы нашего собственного психического, мы овладеваем живым смыслом античной культуры, и только этим способом мы обретаем ту прочную точку вне нашей собственной культуры, с которой становится возможным объективное понимание ее течений».

Опыт обнаружения древней реликвии посреди оживленной современной улицы идентичен нашему опыту работы со сновидениями, содержащими архетипические образы коллективного, а не личного бессознательного. Познакомившись с этим измерением души, вы имеете возможность анализировать сны с точки зрения архетипов.

В главе 2 речь идет о двух видах мышления: направленном и фантазийном. Направленное мышление отличается линейностью, эго-мышлением, нацеленностью на решение проблем, а фантазийное мышление спонтанно, ему присуща естественная мечтательность и легкость без приложения усилий, если иметь в виду эго. Эти аспекты указывают на наличие двух центров волевой деятельности в психике. Эго представляет центр направленного мышления, а Самость, центр бессознательного, — волевой источник фантазийного мышления. Юнг использует слово «мышление» в весьма общем смысле: не как обозначение интеллектуальной функции, а скорее как функциональный аспект психического внимания. Он подразумевает относящееся к вниманию усилие мысли, вне зависимости от того, является ли оно направленным или фантазийным. Я считаю, что мы можем утверждать существование и третьего способа мышления, в котором сочетаются они оба. Есть два аспекта к этому третьему виду. Первый я хочу назвать «наблюдаемым воображением»,

в котором задействуется образный фантазийный процесс, однако он находится под наблюдением. Для контроля требуются некоторые усилия (если целиком погрузиться в грезы, то невозможно полностью вспомнить происходящее после пробуждения). Процесс все еще пассивный, его можно назвать «пассивным воображением», в отличие от более устойчивого состояния, которое мы называем «активным воображением». С этой техникой человек не только наблюдает процесс воображения, но и отвечает ему.

Процесс требует иного уровня внимания, поскольку диалог с бессознательным — тяжелая работа. Активное воображение представляет собой режим работы психической функции, устанавливающий компромисс между фантазийным и направленным мышлением. В параграфе 26 Юнг говорит:

«Все эти наблюдения невольно приводят нас к параллелизму между мифологическим мышлением древнего человека и весьма сходным мышлением, обнаруженным у детей, у первобытных племен и в сновидениях... Таким образом, предположение, что в психологии онтогенезис соответствует филогенезису, находит свое оправдание».

Онтогенез относится к процессу развития личности, в то время как филогенез — к процессу развития рода. Формула «онтогенез повторяет филогенез» используется в эмбриологии с тех пор, как было установлено точно, что определенные стадии развития человеческого эмбриона соответствуют стадиям эволюции. Например, у каждого эмбриона в определенный момент появляются жабры. Это — стадия рыбы. Данная формула весьма полезна при установлении связей между культурной и антропологической историей, с одной стороны, и психологическим развитием человека, с другой. Выдающимся примером служит работа Эриха Нойманна «Происхождение и история сознания»⁴, на которую Юнг ссылается в предисловии.

⁴ Erich Neumann, «The Origins and History of Consciousness», Princeton University Press, 1954.

Мисс Миллер несколько раз упоминает театр. В параграфе 48 Юнг пишет: «Можно было бы с точки зрения психоанализа описывать театр весьма неэстетично — как учреждение для публичной отработки индивидуальных комплексов». Очень метко сказано. У нас есть прекрасная возможность для усиления самоосознания с помощью наблюдений того, с чем мы себя отождествляем, и театр дает замечательный шанс произвести эти наблюдения. Далеко не все люди неизменно отождествляют себя с одним и тем же, и наиболее драматические события, берущие за душу большинство, на некоторых не произведут никакого впечатления, поскольку затрагивают различные комплексы. Я настаиваю, что к этому замечанию Юнга необходимо отнестись со всей серьезностью. Мы повсеместно окружены драматическими образами, мы видим их не только на сцене, но и в кино, и по телевизору. Каждый раз, когда мы отмечаем, что некая тема или драматическое событие нас трогают, мы собираем часть нашей собственной рассеянной психе. Наша душа берет начало не изнутри. Наша душа начинается с идентификации с миром, с окружающей средой; она распространена везде. Театр дает нам шанс заметить, на что мы реагируем. Будучи психологически мотивированными, мы сумеем распознать часть нашей собственной души и прекратить проецирование. И тогда данный момент уже не будет частью пьесы, а станет принадлежать себе. Юнг указывает, что мисс Миллер отождествляет себя с Кристианом, жертвой в пьесе «Сирано де Бержерак», что говорит нам о наличии у нее психологии жертвы, особенностью, которая проиграется при соответствующем ходе событий.

В параграфе 61, кратко рассказав о морском путешествии мисс Миллер, автор передает стихотворение, пришедшее к ней во сне. Я прочитаю «более точный» вариант:

Когда Предвечный создал звук, возникли мириады ушей, чтобы слышать, и через всю вселенную прогремело эхо глубоко и ясно: «Слава богу Звука!»

Когда Предвечный создал свет, возникли мириады глаз, чтобы видеть, и внимающие уши и зрящие глаза запели снова мощный хорал: «Слава богу Света!»

Когда Предвечный создал любовь, то в жизнь вступили мириады сердец, уши, исполненные звуков, и глаза — света, а сердца, исходящие любовью, воскликнули: «Слава богу Любви!»

Это стихотворение, по утверждению Юнга, представляет реакцию на бессознательную проекцию анимуса, т.е. поющего в ночи офицера.

Проецирование анимуса, действующей внешней осведомленности, проявляется как образ божественного создания, что представляет большой скачок. Юнг указывает на следующую психологическую последовательность: анимус, приводящий к отцу-имаго и ведущий к Богу, в параграфе 63:

«Нечто подобное можно предположить у мисс Миллер, ибо идея мужественного Бога-Творца и аналитически, и историко-психологически является производной от отцовского имаго и имеет своей целью, прежде всего, заменить отставленную инфантильную связь с отцом таким путем, чтобы индивиду был облегчен переход из тесного семейного круга в более широкий круг человеческого сообщества».

Параграф 64:

«На основании этих рассуждений мы усматриваем в стихотворении мисс Миллер и в «прелюдии» к нему религиозно-поэтически созданный продукт интроверсии, отступившей назад к суррогату отцовского имаго... Действительным впечатлением в данном случае был красивый офицер, поющий во время ночной стражи — «When the morning stars sang together»...

Юнг не использует здесь слово «анимус», потому что на тот момент он еще не открыл это явление, однако для нас имеет значение то, что он к нему обращается. Мы немедленно приходим к большому вопросу о том, как фигура анимуса связана с отцом-имаго и богообразом.

Прорабатывая тему эго, я различил четыре отдельных фигуры: анимус, отец-имаго, архетип отца и богообраз, который является синонимом Самости. Если бы я перечислял стадии их развития от младенчества до взрослой жизни, я бы полностью изменил последовательность: начать нужно с богообраза, затем идет архетип отца, отец-имаго и, наконец, анимус.

Позвольте кратко объяснить, что такое отец-имаго, потому что данный несколько старомодный термин мы используем не всегда. Термин «имаго», что по-латыни означает «образ», употреблялся в ранние годы психоанализа. Разумеется, существует также и имаго матери. Отец-имаго относится к психическому «осадку», отложившемуся в человеке в результате личного опыта взаимоотношений с отцом или фигурами, заменяющими отца. Имаго как термин не совсем идентичен образу отца, хотя когда-то он к нему приравнивался. Различие состоит в том, что отец-имаго является тем «отложившимся осадком». Мы можем столкнуться с определенными образами отца, которые «осадка» не оставляют. Если человек констеллирует архетип отца в ключевой момент чьей-либо жизни, то он становится агентом перевоплощения архетипа отца. В некоторой степени результат преодоления агента перевоплощения состоит в том, что он оставляет определенный «осадок» опыта отца в психике. Отец-имаго представляет собой своего рода персонализацию или воплощение архетипа отца, очеловеченную версию, которая принимает на себя определенные свойства. Если отец-имаго в сильной степени отрицателен, то будут подчеркнуты отрицательные качества; если наоборот — будут выделены положительные. Такой процесс является односторонним, поскольку все люди односторонние, и не способны отразить архетип полностью, а воплощают его лишь частично.

Для женщины, в основном, богообраз начинается с одного и того же, что медленно и постепенно дифференцируется сначала в мужчину и женщину, затем в личные компоненты, сдвигающиеся от богообраза к архетипу отца, и следом к отцу-имаго. С началом половой зрелости мужской элемент дифференцируется далее и начинает приближаться к ее собственному возрасту, забирая нечто близкое к ее собственной природе в противоположность родительской. Это развитие проходит через множество

сложных внутренних и внешних факторов, которым я и не могу надеяться отдать должное, однако, по крайней мере, мы можем дифференцировать компоненты опыта с четырьмя элементами. Если перед нами слабо коагулированная индивидуальность, как в случае мисс Миллер, констелляция сильного проецирования анимуса способна раскрываться на всем пути к богообразу. Тот факт, что она сочинила космогоническое стихотворение о творящем божестве, вполне уместен, поскольку ее проекция анимуса происходила в бессознательном. В этом и состоит существенная особенность всего материала. Начиная с бессознательного конstellирования проекции анимуса, психика полностью открывается примальному божеству. По мере раскрытия ее фантазии представляют нам тип трагической драмы анимуса. Трагической, потому что, судя по имеющемуся материалу, никакого осознания не возникает. Эта драма проигрывается исключительно на бессознательном уровне, куда сознание не способно ни проникнуть, ни внести изменения.

В сноске 18 к параграфу 78 мы находим важный момент, хороший пример различия между психологическим анализом и психологическим синтезом, которое проводил Юнг. Он отмечает, что анализ «разлагает эти комбинации на их исторические определители или детерминанты». Таков один из аспектов аналитического процесса, редуцирующий аспект, который в данной ситуации работает с историческим аспектом ребенка. Юнг продолжает:

«Если следы определенных воспоминаний, относительно которых доказано, что они уже очень давно перешли за порог сознания, уловимы в бессознательном, то могут быть подмечены и некоторые тончайшие сублимinalные сочетания, обращенные вперед и имеющие величайшее значение для будущих свершений, поскольку последние обуславливаются нашей психикой. Но подобно тому, как историческая наука мало озабочена будущими комбинациями событий, что скорее является предметом политики, так и психологическое комбинирование будущего не слишком обременяет анализ; возможные сочетания будущего являются уже предметом бесконечно

утонченной психологической синтетики,⁵ способной отслеживать естественные потоки либидо».

Выраженная здесь идея состоит в том, что скрытые движения либидо в бессознательном указывают на будущее. Когда мы изучаем бессознательное, будущее отбрасывает свою тень назад, и мы можем кинуть беглый взгляд на то, каково оно будет. Это один из важных аспектов анализа сновидений. Мы собираем намеки на будущее и подсказываем пациенту: похоже, что произойдет то-то и то-то, что слегка подталкивает будущее к осуществлению. Или наоборот, если будущее негативно, мы говорим: вот так все может пойти, если вы не проснетесь и не измените свое направление.

⁵ Psychological syntheticism — не самый удачный выбор слова при переводе на английский язык, дающий ошибочную коннотацию, его следует заменить на «синтез». «Синтез» и «синтетика» одинаковую коннотацию не предполагают.

ПАРАГРАФЫ 84–124

Спонтанное стихотворение мисс Миллер, «Гимн творению», родилось в результате мощного эротического притяжения, преобразованного в бессознательном в религиозный гимн. Если бы стихотворение вошло в сознание, оно могло создать проблему, поскольку эго пришлось бы что-то с ним сделать. Как говорит Юнг, в этом случае полная работа в психологическом отношении бесполезна, потому что она не сопровождается сознанием. Речь идет не о подавлении, а скорее о природном явлении. Я думаю, стихотворение вполне ярко иллюстрирует, — и в терапевтической работе у нас имеются широкие возможности наблюдать то же самое, — что, если сексуальность охватывает всю личность, она проникает в самые глубины души. Биологическая цель сексуальности — сохранение рода. Если эта цель работает, природа приносит человека в жертву в мгновение ока; важность рода неизмеримо превышает важность индивида. Однако сексуальность по своей сути является надличностным либидо. В этом и состояло одно из основных разногласий Юнга и Фрейда. Юнг не оспаривал глубокую важность сексуальности в ее психологической динамике. Он возражал против исключительно биологической интерпретации сексуальности, пренебрегающей ее духовным измерением. В сексуальности имеется глубоко духовное измерение, и именно это иллюстрирует сочиненный мисс Миллер «Гимн творению» — бессознательное спонтанно выражает образы того, что ее сексуальная реакция означает с точки зрения бессознательного. А означает она ни много ни мало сотворение мира.

Я хочу привести вам подобный пример, с которым я столкнулся в 1953 году, работая в больнице Рокленда недалеко

от Нью-Йорка. 64-летняя замужняя женщина вела тихую обычную жизнь с мужем и детьми. Ее муж никогда не задумывался, что в их сексуальных отношениях что-то шло в корне неправильно. Вместо этого он описывал свою жену как «обычно холодную». Приблизительно за три года до того, как ее поместили в психиатрическую больницу, она часто говорила о дантисте, который лечил ей зубы. В конечном счете, это развилось в полноценную систему бреда относительно врача. Женщина стала ждать от него весьма крупного наследства; она полагала, что он открыл удивительное лекарство, эликсир жизни; она рассчитывала принимать это лекарство сама, чтобы добавить не менее 25 лет к своему существованию. У пациентки были и другие бредовые идеи и откровенные параноидальные аспекты к ее системе бреда. Женщина страдала явным психозом.

Бред о дантисте и эликсире жизни стал центральным аспектом. Феноменологически то же самое произошло с мисс Миллер. Больная сделала своего дантиста предметом эротического обожания. В этом нет ничего необычного. Зубным врачам приходится работать с внутренней полостью, и находится довольно много сновидений, в которых аналитик, действуя в субъективности пациента, предстает как дантист. Давайте рассмотрим, что именно бессознательное спродуцировало в этой женщине: фантазию о богатом наследстве и продлении жизни. Если взглянуть со строго объективной точки зрения, бессознательное сообщало ей о глубоком значении эротического переноса на дантиста. Ее галлюцинация имела то же самое качество, что и «Гимн творению» для мисс Миллер. Именно это происходит снова и снова, если у человека есть возможность контролировать бессознательное при наличии значительного эротического опыта, — дается возможность одновременно наблюдать происходящее на разных уровнях психики.

В параграфе 92 есть замечание, на которое следует обратить внимание: «Конstellированные» (т. е., активированные) бессознательные содержания являются, насколько нам известно, всегда спроецированными». Вы знаете, что Юнг не часто делает утверждения, со словом «всегда». Фактически это довольно опасное слово, чтобы применять его к чему попало. Перефразируя, можно сказать, что индивид объединяет содержание

бессознательного через проецирование. Мы первоначально испытываем это содержание через экстериоризацию. Если не мыслить психологически, мы неизбежно окажемся в ловушке экстериоризации. Если не знать о явлении проецирования и его признаках, можно получить полную путаницу в собственных возникающих содержаниях, когда они проявятся вовне. Следует запомнить это хорошее эмпирическое правило.

Парой абзацев ниже мы переходим к великолепному параграфу под номером 95, который занимает три полные страницы. Помимо прочего, речь в нем идет о происхождении и природе богообраза. Юнг пишет: «Поскольку данный процесс естественный, он не может быть решен в контексте вопроса: то ли богообраз сотворен, то ли он сотворил себя сам». Применительно к психологическим проблемам это означает, что мы должны подвергнуть сомнению вопрос: происходит ли богообраз, который мы обнаруживаем в ходе личного анализа, исключительно из родительского имаго детства. Это — фрейдистская позиция, совпадающая также со взглядами персоналистской психологии. Другими словами, создается ли богообраз на основании опыта значимых событий детства человека? Или же сам опыт детства большей частью определяется врожденным архетипом богообраза, спроецированным на родителей? В этом и заключается различие двух полностью расходящихся школ терапии. Я должен признать, что в мире живет множество людей, неспособных постигнуть богообраз как нечто врожденное и априорное по отношению к индивидуальному опыту. Так как вы находитесь в юнгианской программе, я предполагаю, что вы в состоянии чувствовать то, что для меня очевидно. Хотя опыт детства глубоко важен для способа воплощения богообраза и способа его проявления, тем не менее этот опыт — отнюдь не источник. Первоисточник богообраза архетипический и врожденный. Далее, в том же самом параграфе, Юнг пишет:

«...божественная фигура прежде всего — психический образ, тот или иной комплекс архетипических идей, вера в который сравнима с метафизической сущностью. Наука не компетентна выносить суждения по данному вопросу, напротив, она должна искать свои ответы

без обращения к гипотезам подобного рода. Она может лишь устанавливать, что вместо объективного человеческого бытия со всей очевидностью предстает субъективная фигура, а именно, — комплекс идей. Этот комплекс, как показывает опыт, обладает определенной функциональной автономией и утверждает себя в качестве психически существующего».

Хочу подчеркнуть здесь два момента. Первый: основанный на опыте богообраз по мере изучения оказывается обладающим функциональной автономией. Весьма мягкое замечание, однако, оно относится к важнейшему опыту обнаружения того, что в своем собственном доме человек не одинок, что там обитает и другой элемент. Можете представить свое потрясение, если вдруг вы проснетесь среди ночи и обнаружите в доме незнакомца, причем узнаете, что он жил у вас все время. Мягкое высказывание Юнга об «определенной функциональной автономии» подразумевает именно это.

Второе наблюдение касается замечания Юнга: «Наука... должна искать свои ответы без обращения к гипотезам подобного рода». Ранее в параграфе он заявляет, что при столкновении с комплексом архетипических идей вера будет приравнивать его к метафизической сущности. Науке, однако, такое не дозволено. Юнг обращается к метафизической ипостаси любого религиозного богословия. Глубинная психология говорит о богообразе; всевозможные религиозные верования говорят о Боге как о метафизической реальности. Юнг сообщает нам, что, с эмпирической психологической точки зрения, когда религиозный верующий переводит опыт богообраза в систему взглядов, утверждающую особое метафизическое божество, он выполняет метафизическую ипостась. Слово «ипостась» означает, что человек конкретизирует понятие или идею и вносит ее в среду, отличающуюся от среды, из которой понятие или идея произошла. Как только у человека возникает понимание реальности психе, психологическое содержание и фигуры, такие как богообраз, становятся психологическими явлениями, и человек больше не может преобразовать их в метафизические ипостаси. Но, как мы говорили ранее, появляющееся из бессознательного содержание всегда

объединяется через проецирование с архетипическим содержанием. По мере их появления мы сталкиваемся с ними сначала в метафизическом проецировании и затем в метафизической ипостаси. Лишь теперь современный человек начинает отрывать проекции от царства метафизики и признавать, что содержание проекций принадлежит области психологии коллективного бессознательного. Вот что Юнг пытается донести в том параграфе. В параграфе 102 он говорит о *Heimarmene*:

«...те же самые влечения, которые до того бросали человека от одной страсти к другой, потому в них усматривали роковую принудительность, созданную злонамеренными созвездиями, *Heimarmene*, или то, что мы психологи называем навязчивостью либидо».

Проблема *Heimarmene* — психотерапевтическая, относящаяся к ситуации, когда эго становится жертвой аффектов, которые составляют архетипические факторы души. Одна из проблем психотерапевтического процесса, которая помогает пациенту избавиться от отождествления с аффектами. Пара звезд или планет, которые зачастую составляют *Heimarmene* или приговор звезд, — Афродита и Арес или Венера и Марс. Эти архетипические факторы соотносятся с желанием и силой. Если человек одержим страстями похоти или власти, то он оказывается в подчинении либидо или древней идее *Heimarmene*. Выходом, конечно, является большая степень осознанности.

Начиная с параграфа 111, Юнг затрагивает весьма важную проблему противостояния духа и природы, что является психологическим конфликтом, унаследованным нами с древнейших времен. Например, он описывает мощные порывы грубого либидо, бушевавшего на улицах древнего Рима. Он говорит об античности как о времени религиозного почитания Натуры, на контрасте с началом христианства, когда люди обратили свои взоры прочь от мира и природы. Как пишет Юнг (параграф 112): «Мира с его красотой следует избегать, и не только потому, что здесь все тщетно и преходяще, но и потому, что любовь творящей природы быстро делает человека ее рабом». В то время коллективная психе прошла длительный процесс

преобразования, когда был создан духовный противополож — дух — в оппозицию природе, материи и инстинкту. Мы имеем дело не строго с христианским явлением, оно также лежит в основе стоицизма, полностью греческой концепции. Развитие коллективной психе было абсолютно необходимо для появления большего осознания. В ходе этого развития человечеству пришлось стать ареной враждующих противоположностей: природы и духа. Так формируется осознание. Юнг обращается к данному явлению в приведенных параграфах.

В Главе V описывается новое проявление бессознательного, стихотворение «Мотылек Солнцу».

МОТЫЛЕК СОЛНЦУ

Я стремилась к тебе с первого пробуждения моей души; все мои мечты принадлежали тебе еще тогда, когда я лежала в куколке.

Часто теряют жизнь тысячи мне подобных от слабой искорки, от тебя исходящей.

Еще один час, и моя бедная жизнь отлетит; но мои последние силы, так же, как первое стремление моей мечты, должны принадлежать твоему великолепию.

Тогда, если мне удалось поймать короткий луч, удовлетворенная, я хочу умереть, так как я, хоть и однажды, но увидела в совершенном блеске источник красоты, тепла и жизни.

Юнг сопровождает стихотворение обширным примером процесса амплификации, на котором я хочу остановиться. Данный процесс, открытый Юнгом и используемый для определенной цели, назван словами «*amplis*» — «увеличивать» и «*facere*» — «делать». Я рассматриваю процесс как создание большего в двух смыслах. Во-первых, человек принимает особый образ — в данном случае Юнг выбирает образ Солнца — и, ради увеличения его значения, усиливает его, вводя аналогичный материал, в основном из мифологических источников. Также происходит и другой вид увеличения. Процесс амплификации расширяет нашу точку зрения на психику, поскольку показывает нам, что душа обладает архетипическим неличным измерением,

равно как и личным. Толкование сновидений мы начинаем с расспросов сновидца о его личных ассоциациях к отдельному образу сна, что дает личный контекст образа. Затем, вооружившись определенными образами, встречающимися чаще всего, аналитик может обеспечить архетипический или мифологический контекст через процесс амплификации. Именно этим занимается Юнг, и в более поздней работе он дает нам ряд примеров амплификации. Но, если не знать, что он делает, легко потеряться.

Амплификация представляет собой кластерное мышление, проиллюстрированное на Диаграмме Солнца, в которую Юнг поместил различные цитаты из своих работ. На диаграмме вы видите группу различных образов, помещенных вокруг центрального образа Солнца. Данный метод используется при амплификации любого сновидческого образа, и вам следует хорошо его изучить.

В параграфе 121 Юнг упоминает «Фауста» Гете. В начале трагедии Фауст высказывает свое фантастическое страстное желание: о, если бы он мог облететь Землю, подобно Солнцу. Вдруг появляется Мефистофель в облике черного пуделя. Юнг указывает, что Фауст переживает сначала светлый, а затем темный аспект либидо. (Можете прочитать мое собственное исследование «Фауста», если интересно.¹) Затем следует один из тех восхитительных моментов озарения, которые испытываешь снова и снова, читая Юнга:

«Глубокий смысл Фауста можно видеть и в том, что в нем найдены слова для обозначения проблемы, которая со времен эпохи Возрождения беспокойно дремлет в человеческой душе. Фауст совершил для нашей культуры то же, что Эдип для греческой. Где же исход между Сциллой мироотвержения и Харибдой мироприятия?»

Юнг однажды сказал, что у современной души имеются два родителя — церковь как мать и наука как отец. С одной

¹ Edward F. Edinger, «Goethe's Faust: Notes for a Jungian Commentary», Inner City Books, 1990.

стороны, от христианства мы унаследовали одностороннюю духовность и идею отказа от мира. С другой — приблизительно с начала XVI века, когда возникла легенда о Фаусте, возродилось ранее подавляемое либидо земли, материи и инстинкта. Это возрождение и показано в «Фаусте». Мы оказываемся в ловушке проблемы противостояния мироотвержения и мироприятия, единственным выходом из которой служит индивидуация, которая строит coniunctio, мост между двумя противоположностями. Юнг сумел выразить все буквально в одном предложении.

Лекция III

ПАРАГРАФЫ 125–250

В параграфе 125 Юнг цитирует латинскую фразу: *si duofaciunt idem, non est idem* («дважды сделанное то же, не есть то же»). В следующем параграфе он продолжает:

«Качество желания важно, поскольку оно наделяет объект моральными и эстетическими чертами добра и красоты, влияя самым решающим образом на наши отношения с другими людьми и с окружающим нас миром. Природа прекрасна только благодаря стремлению к любви, и добро есть все, что мои чувства оценивают как добро. Ценности создаются, главным образом, качеством субъективных реакций».

Такова психологическая точка зрения в противоположность обыденной внешней позиции. Опыт любви происходит из внутреннего события, а не из объекта, что выражается такими замечаниями, как: «Я тебя люблю, но какое это имеет к тебе отношение? Это мой собственный личный опыт». Подобный образ мыслей способствует психологическому пониманию. Акцент приходится на то, что испытывает психика, в противоположность положению жертвы внешнего объекта. Примем во внимание, что это более интровертированный способ взгляда на вещи.

В параграфе 129 Юнг говорит о том, что либидо определяет богообраз: «...психическая энергия или либидо творит Богообраз, используя архетипические паттерны, а человек, соответственно, поклоняется психической силе (действующей внутри него самого) как чему-то божественному». В параграфе 130:

«Для того, кто воспринимает либидо просто как психическую энергию, над которой он имеет сознательный контроль, религиозное отношение в том виде, как мы его определили, возникает как забавная игра в прятки с самим собой. Но вопрос скорее связан с энергией, принадлежащей архетипу, бессознательному, следовательно, с энергией, которая вовсе не оказывается в распоряжении сознания».

В более поздних работах Юнг более прямолинеен, утверждая, что у психики имеется два центра: эго и Самость. В Самости хранится большая доля либидо, нежели в эго, таким образом, Самость составляет богообраз. При обстоятельствах, когда эго устанавливает некоторую связь с более значимым центром, возникает идея превращения в бога, обожествления эго. В параграфе 130 Юнг продолжает: «Идея «стать Богом» еще более очевидна в языческих мистериальных культах, где неопит после инициации поднимает себя до божественного статуса. В завершении ритуалов посвящения в сан в синкретических мистериях Иисуса неопита увенчивали короной из пальмовых листьев, водружали на пьедестал и поклонялись ему как Гелиосу».

В параграфе 132 Юнг цитирует раннехристианского монаха, постулирующего ту же самую идею: «Ты станешь Богом, ты будешь спутником Богу и сонаследником во Христе». К этому важному символизму мы вновь вернемся при обсуждении темы божественного или бессмертного партнера. Подтверждено, что представление об обретающем божественность эго может быть довольно опасно, так как открывает возможность появления угрожающей инфляции, что и происходит в действительности при определенных психозах. Эго ввергается в нечто подобное языческой инициации, однако принимает происходящее буквально, и оказывается в крайне затруднительном положении. Источники либидо по мере исследования приводят индивида к внутреннему богообразу и к всеобъемлющей проблеме столкновения с божественной энергией. Вопрос состоит в том, как эго собирается соотноситься с данной божественной энергией, будет ли это общение сознательно или бессознательно по определению.

Теперь обратимся к следующей главе: «Понятие либидо». Позвольте немного рассказать об этом понятии, центральном для юнгианской психологии. Либидо относится к психической энергии, присущей человеку, объекту, идее, образу или деятельности. Применительно к юнгианской психологии, термин имеет отношение к понятию энергии в общем, а не ограниченном смысле, в котором его использовал Фрейд. Тема либидо ставится во главу угла во всех клинических работах. Занимаясь глубинной психологией, мы, прежде всего, интересуемся двумя проблемами: вопросом либидо и вопросом архетипических образов и паттернов. Нас волнуют содержание (либидо) и форма (особая психологическая структура или паттерн, который содержит либидо).

Либидо может проявлять себя в различной степени, в целом спектре этих степеней, основные из которых приведены на диаграмме внимания (см. рис.). Перечисленные от меньших до больших, эти условия включают внимание, интерес, желание, привязанность, энтузиазм, навязчивость и обожание. Всякий раз, работая с пациентом, мы задаемся вопросом: «Где находится его либидо на данной конкретной стадии?», — и можем определить местонахождение при помощи диаграммы. На что пациент обращает внимание? На что не обращает? Внимание — основное проявление либидо. Я могу определить, уделяете ли вы мне свое внимание, и если нет, то это значит, что ваше либидо находится где-то в другом месте, где для него отыскалось что-то более привлекательное. Внимание — один из самых низких уровней проявления либидо. Интерес — усиленное внимание. Надеюсь, что вы все проявляете не только внимание, но и интерес, что представляет ступеньку выше, более высокое проявление энергии. Следующим этапом выступает фактическое желание, когда интерес становится сильным желанием: «Я очень хочу то или другое».

Желание приводит к хроническому или перманентному состоянию привязанности, то есть привычное удовлетворение желаний встраивается в жизнь индивида как привязанность. Привязанность может быть видна не сразу, если она уже вошла в привычку. Однако если рассмотреть историю пациента, нетрудно заметить то, к чему он привязан, благодаря значительному количеству связанного с этим либидо. Следующий уровень

представляет откровенный энтузиазм, поистине примечательное слово с этимологией «бог внутри» (*en theos*). Приближаясь к богообразу, вы испытываете энтузиазм. Либи́до достигает высокого уровня проявления. Но компульсивность (принуждение) стоит все же выше. В этом случае индивида охватывает надличностная спешка либи́до, работающего бессознательно. Затем оно склонно проявляться различными симптомами. Само слово компульсия (навязчивость, принуждение) представляет собой психологический симптом. Когда мы говорим об обсессивно-компульсивном, такой симптом обозначает весьма интенсивное проявление либи́до. Фактически, богообраз скрывается позади столь бурного разгула либи́до.

ВНИМАНИЕ
ИНТЕРЕС
ЖЕЛАНИЕ
ПРИВЯЗАННОСТЬ
ЭНТУЗИАЗМ
КОМПУЛЬСИВНОСТЬ
ОБОЖАНИЕ

Заключительный термин «обожание», который я использую, обозначает компульсию, сознательно интегрированную и признанную. Таковы ситуативные и эмпирические определения, коим, возможно, недостает эlegantности. В мою задачу входит подчеркнуть важность поиска либи́до и его местоположения для вашей аналитической работы. Юнг пишет в параграфе 197: «Это наблюдение ведет нас к понятию либи́до, которое расширяется до понятия *намеренности (intentionality)* вообще». Термин приводит к вопросу: чье это намерение? Пока либи́до присоединено к эго, мы имеем дело с интенциональностью (намеренностью), или волей эго. Но каждый раз, наблюдая интенциональность либи́до, якобы не принадлежащую эго, задаешься вопросом: «Чье это намерение пересекает мой путь и заставляет меня делать нечто, чего я делать не собирался?» Тут-то и возникает компульсивность. Недостаточно спросить себя, где находится либи́до у пациента (а также и у вас), придется задать и вторичные вопросы.

Каково намерение либидо? Куда оно направляется? Какова цель данного намерения?

Хочу дать вам красивый маленький образ, вполне применимый к юнгианской психологии. В конце параграфа 194 Юнг пишет:

«Пусть нет никакого сомнения в сексуальном происхождении музыки, однако бессмыслицей и безвкусицей было бы позволить себе обобщить и подвести музыкальное искусство под категорию сексуальности. Подобный взгляд должен был бы привести к тому, что рассуждать о Кельнском соборе нужно в отделе минералогии на том основании, что он состоит из камней».

Этот короткий анекдот иллюстрирует тот факт, что юнгианская психология в особенности интересуется не обнаружением оригинальной структуры отдельного психического явления, а определением его цели, сокрытой в пределах структуры намерения. Гипотеза о наличии цели остается всего лишь гипотезой, не превращаясь в доктрину веры. Есть шанс проверить гипотезу на предмет ее доказуемости. Во многих случаях можно выяснить, существует ли цель. Когда цель раскрыта, пациент испытывает чувство облегчения и удовлетворения. В параграфе 203 Юнг говорит о создании аналогии:

«Очевидно, что эта тенденция изобретать аналогии вышла из чувственно-тонированных содержаний, имевших огромное значение для развития человеческого разума... Легко вообразить, что канализация (направление потока) либидо в создании аналогий была ответственна за некоторые наиболее важные открытия, сделанные первобытным человеком».

Я не думаю, что мы способны переоценить значение аналогий для нашей работы и для понимания психики. Мы постоянно используем метод аналогий в интерпретации всего психического содержания: снов, мифов и подобных вещей. Все они — аналогии.

Приведу личный пример того, какой катарсис способны доставить аналогии. Много лет тому назад я обзавелся своим

первым домом и решил купить несколько вечнозеленых деревьев, чтобы посадить перед фасадом. Я отправился в питомник; владелец провел меня на участок с саженцами и предложил выбрать. Я выбрал несколько. Владелец их выкопал и посадил у меня на лужайке перед домом. Вдруг я заметил, что одно дерево оказалось дефектным. Оно росло слишком близко к другому, и в нижней части кроны у него образовалась небольшая дыра. Это меня расстроило, но не только потому, что мне досталось некрасивое дерево, а потому, что я получил его в результате собственной ошибки. Мне это было нелегко принять. Мне некого было винить в совершенной глупости, кроме себя. Я был в достаточной степени выведен из душевного равновесия, чтобы применить активное воображение и обратиться к бракованному дереву: «Я очень тобой недоволен».

Дерево ответило: «Что же, ты должен понять, как это произошло. Вот что случается с человеком, когда он растет слишком близко к другому. Вот что происходит со всеми живыми существами, и я считаю, что ты должен проявить ко мне доброту и сочувствие за такой опыт, потому что человеческий тип, с которым ты постоянно имеешь дело, именно таков». Я сказал: «А знаешь, ты право. В самом деле, после того, как ты указало мне на этот факт, я люблю тебя еще сильнее и никогда не обменяю тебя на ровное дерево».

Что это, как не грандиозная аналогия? Если она несет глубокий смысл, что позволяет ассимилировать определенные затруднения, она представляет собой чистое расширение сознания. Именно так работают аналогии, когда они функционируют должным образом.

Перейдем к следующей главе, «Трансформация либидо», в ней Юнг говорит об основополагающем образе огня и о сотворении огня. Я составил диаграмму огня (см. рис.), как своего рода отвлеченную карту этой главы. В нее помещены образы, которые Юнг использовал в амплификациях по мере сбора аналогий символизма огня. Он начинает с получения огня.

Какое это было невероятное открытие для раннего человечества! Чтобы добыть огонь, первобытному человеку пришлось сперва взять кусок дерева с небольшой выемкой и поместить туда прут. Вращая прут вперед-назад между

ладонями, через некоторое время человек добивался высокой температуры в месте трения, что было тяжелой и достаточно трудной работой. В основе операции было соединение противоположностей — *coniunctio*. Юнг проводит некоторые аналогии с сексуальной функцией, и далее говорит также и о других формах ритмичной деятельности. Основная идея состоит в объединении противоположностей. Когда-то мне приснился впечатляющий сон на ту же тему. В сновидении возник простой образ кристаллической сферы, соединенной с чашевидным куском дерева, подчеркивающим напряженность между этими противоположностями.

В параграфе 213 Юнг говорит о том, что он называет примером магии плодородия, конкретным случаем проведения аналогии:

«Что подобное встречается у первобытных народов, мы знаем из сообщений об австралийском племени вачанди. Весною они совершают следующие оплодотворительные магические церемонии. Вырывается яма

в земле, ей придается такая форма и она так огораживается со всех сторон кустарником, что напоминает женский половой орган. Вокруг этой ямы пляшут всю ночь, причем держат перед собой копья таким образом, что последние имеют сходство с мужским органом в состоянии эрекции. Во время пляски они тычут копья в яму с криками: «*Pulli nira, pulli nira, wataka!*» («Не пронзай, не пронзай женский половой орган!»)» (Перевод неверен. Аборигены кричат: «Не в яму, не в яму, а в п...зду!»)

Страницей ниже, в сноске 22 приводится другая аналогия творения:

«Старинный обычай новобрачных проводить „первую ночь“ на пашне должен был сделать последнюю плодородной. Этот обычай заключает в себе первичную идею в ее элементарной форме. Аналогия здесь нашла наиболее ясное выражение: так как я оплодотворяю женщину, я оплодотворяю саму землю».

Эти примеры указывают на то, что бессознательное примитивного человека выделяет аналогии, которые помогают переместить либидо с уровня инстинктивной деятельности на уровень более сознательной работы. Земля, в которую фермер стародавних времен должен был вложить тяжкий труд, каждый раз наделялась значением, связанным с сексуальностью. В результате создавался психологический канал от отдельной сексуальности до задачи вспахивания земли. Мужчина, спавший со своей женой в поле, впоследствии сохранял радостное воспоминание об этом событии, выходя на пахоту. Его работа до некоторой степени сексуализировалась передачей либидо.

Ту же самую технику мы использовали в медицинской школе, где много приходилось запоминать. Студенты-медики быстро обнаружили, что если сопровождать сложный материал грязными припевками, материал легче усваивается. Если вы сможете установить некоторые связи либидо, ассоциированные с бессознательным, вы запомните необходимые факты. Тот же самый метод использовали с давних времен. Нечто подобное

инстинктивно применялось в старинных школах. В начальных школах XIX века, как пелось в песне, «чтение, чистописание и арифметика преподавались под мелодию розги». Идея состояла в соединении определенного количества боли и эмоционального опыта с процессом обучения, чтобы дети ничего не забывали. Это не потому, что все учителя были злыми. За этой идеей обучения стоит довольно сложная педагогическая теория. Возможно, она возникла бессознательно, но она работала, поскольку к учебному материалу добавлялся эмоциональный компонент, а в таком случае забыть выученное труднее. Либидо переводилось в другой режим функционирования.

В параграфе 223 Юнг обсуждает другой важный аспект психологии. С одной стороны, он говорит об энергии инстинктов, а с другой, — о появлении сопротивления или препятствий, блокирующих удовлетворение инстинктов:

«Исключая случаи мотивировки внешней необходимостью, воля к подавлению или вытеснению естественных влечений, или, скорее, к преодолению их господства (*superbia*) и недостатка координации (*concupiscentia*), исходит из духовного источника. Другими словами, определяющим фактором являются нуминозные изначальные образы. Эти образы, идеи, верования или идеалы действуют через специфическую энергию индивида, которую он не может постоянно утилизировать по своему желанию с той или иной целью, но которая является поставляемой образами. Даже авторитет отца редко оказывается достаточно мощным, чтобы сохранить дух сыновей в постоянном подчинении. Это может происходить только тогда, когда отец взывает непосредственно к некоему образу или выражает образ, который в людских глазах оказывается нуминозным или, во всяком случае, поддержан консенсусом мнений. Суггестивная сила окружающей среды сама по себе является следствием нуминозности образа и, в свою очередь, усиливает его».

Я хочу уточнить значение данного утверждения, поскольку Юнг, вопреки себе, не выразил его кристально ясно.

Он не соглашался с Фрейдом в том, что препятствие и сопротивление инстинктивному удовлетворению происходят из суперэго, которое является интроспекцией внешнего опыта во внешней окружающей среде. Вместо этого Юнг утверждает, что оппозиция инстинкту встроена в саму психику. Либи́до разделяется на пару противоположностей, мы можем назвать их природой и духом. Власть, которую мы предоставляем внешним фигурам, дабы сопротивляться удовлетворению естественного инстинкта, является властью, полученной из проецирования на них нашего духовного архетипа. Иными словами, источник сопротивления естественному инстинктивному либи́до прежде всего внутренний, а не внешний.

Как вы видите, идея во многом базовая. Не стоит говорить, что такой вещи как фрейдистское суперэго не существует. Конечно же, существует. Накоплен обширный клинический опыт, иллюстрирующий тот факт, что отец-имаго (ранний опыт отца) является интроецированным и оставляет постоянный след в психике. Внешний опыт детства дополнительно окрашивает и изменяет природу исконного архетипа, однако он не является основным источником. Это — вторичный фактор изменения, но не основной.

То, что называется суперэго или сознанием, в большинстве случаев будет иметь двойной источник. Основным источником выступает сам внутренний богообраз, а вторичный источник представляет интроецированная коллективная власть, накопленная благодаря родителям, учителям, полицейским и различным коллективным фигурам, с которыми человеку пришлось столкнуться в жизни.

Наконец, начиная с параграфа 229, Юнг обсуждает определенную связь аналогий: звук, речь, свет, огонь. Посмотрите на Диаграмму Огня (см. рис.), и обратите внимание на конечный термин последовательности — сознание. Сознание — самое высокое состояние в последовательности либи́до, это либи́до в своем наивысшем проявлении, к которому и ведет Последовательность аналогий. Когда первобытные люди добывали огонь трением кусков дерева, они воплощали в конкретной символике то, что мы все сегодня пытаемся сделать на другом уровне.

Лекция IV

ПАРАГРАФЫ 251–312

Глава 4 «Происхождение Героя» начинается с общих наблюдений касательно либидо и его тенденции к разделению. Об этом Юнг упоминает в параграфе 253. Образ, основной для психологического понимания: «Если нормальное либидо может быть уподоблено постоянно текущему потоку, широко изливающему свои воды в мир действительности, то сопротивление, рассматривая его динамически, можно уподобить не поднимающейся посреди русла скале, которую поток заливает или обтекает сбоку, а обратному течению, которое вместо устья направляется к истоку. Часть психического действительно жаждет внешнего объекта, но другая часть хочет уйти назад в субъективный мир, куда манят ее воздушно-легкие замки фантазии. Эту расщепленность человеческой воли, для которой Блейлер под психиатрическим углом зрения метко установил понятие «амбитенденции», можно было бы принять как нечто вездесущее... Изученный на наших пациентах в полном объеме, этот «основной комплекс» («*Kernkomplex*» у Фрейда) раскрывается перед нами как проблема инцеста, так как, согласно подходу Фрейда, либидо, регрессирующее к родителям, производит не только символы, но также симптомы и ситуации, которые могут рассматриваться только как инцестные. Это источник всех тех инцестных отношений, с которыми имеет дело мифология. Причина подобной регрессии, по всей видимости, заключена в том обстоятельстве, что либидо обладает также и необычайной косностью: оно не хочет выпускать ни одного объекта из своего прошлого, а, напротив, желает удержать каждый навеки за собой. Освобожденный от своего инцестного чехла, тот «святотатственный

прыжок назад», о котором говорит Ницше, — не более чем метафора реверсии к изначальному пассивному состоянию, в котором либидо застряло на объектах детства».

Инцест и то, что Фрейд описывал как эдипов комплекс, являются фундаментальными понятиями глубинной психологии. Вам следует досконально изучить символику инцеста, какой она дается и во фрейдистском, и в юнгианском контексте. Основной характеристикой табу на кровосмешение выступает то, что природа самостоятельно установила барьер между эго и источником, из которого оно явилось, а источником является материнское бессознательное. Если вышесказанное интерпретировать в персоналистическом, конкретистическом смысле, а также с точки зрения эксплицитного сексуального либидо, то можно принять описание этого явления по Фрейду: как барьер для стремления к половым сношениям с матерью. Такое буквальное понимание символа характерно для Фрейда. Юнгианская точка зрения трактует табу на инцест как барьер между эго и бессознательным, что составляет запрет на фантазию и все, что относится к взаимодействию с бессознательным. Именно так я понимаю, к примеру, запрет бога Яхве на создание любых изображений. Изображения формируют мощное искушающее возбуждение, возвращающее к бессознательному.

Табу на инцест и саму идею символизма кровосмешения следует толковать по-разному на двух разных стадиях жизни. В первой половине жизни перед эго стоит задача родиться из материнского бессознательного и достигнуть приспособленных отношений с внешним миром. Табу на кровосмешение служит очень важной функцией: оно закрывает материнскую утробу бессознательного и предотвращает уклонение от задачи адаптации к действительности. Об этом была предупреждена жена Лота: нельзя оглядываться назад. Вы не должны оглядываться назад, находясь в процессе рождения в реальный мир. На этом этапе развития человека табу на инцест несет значение приуменьшения феминного, поскольку феминное (женское) и есть мать. Маскулинное эго должно пройти фазу преувеличения мачо-мужественности и обесценивания всего, что связано с матерью, иначе возникает опасность не суметь высвободиться и остаться в бессознательном.

Для женщины этот паттерн немного отличается: инфантильная тенденция с большой вероятностью сработает через отца. Желание оставаться маленькой папиной дочкой, окруженной отцовской заботой, — то, что должно быть преодолено, если женщина желает достигнуть полного развития эго.

Во второй половине жизни ситуация меняется. Если предполагается полная индивидуация, то во второй половине жизни требуется психологический инцест. У эго есть потребность возвратиться к своему источнику, дабы омолодиться, преобразовать все свое поведение для иного способа функционирования. В этот период сам анализ провоцирует психологическое кровосмешение. Имейте в виду, что если вы анализируете кого-то в первой половине жизни, в большинстве случаев эта процедура отравляет. В параграфе 259 Юнг делает важное замечание:

«Конкретная реальность религиозных фигур помогает канализации либидо в эквивалентные символы, обеспечивая при этом то, что поклонение им не приведет к „заикливанью“ на внешнем объекте. Но, даже если это и произойдет, то оставит связь с репрезентативной человеческой фигурой и утратит свою первоначальную примитивную форму, хотя, возможно, и не получит желаемое символическое выражение».

Вышесказанное относится к динамической операции (о ней в ходе лекций мы будем говорить снова и снова), а именно, к методам, с помощью которых оригинальные инфантильные объекты либидо заменяются более зрелыми объектами. В этом отношении ортодоксальные религиозные структуры оказывают ценную услугу. Их символика, ритуалы и иерархия; их служители, папы и равнины, различные персонажи, которые составляют ортодоксальные религиозные структуры, обеспечивают для либидо объекты среднего уровня, первоначально связанные с настоящими родителями. Они дают суррогаты, в большей степени связанные с внешним миром, и, пока религия живет и функционирует, они обеспечивают каналы для либидо, помогая перейти с инфантильного на более зрелый уровень. К этому обращается Юнг. Работая с пациентами, вам всегда следует

иметь в виду, какую роль различные религиозные и социальные фигуры и структуры играют для каждого из них. Мы не хотим повредить канал либидо, функционирующий должным образом, только потому, что он не соответствует нашему предвзятому мнению о том, каков он должен быть.

В параграфе 261 описано следующее видение мисс Миллер: «голова сфинкса в египетском головном уборе». Это происходит из мифа об Эдипе, который, как я уже упоминал, был первым архетипом, обнаруженным глубинной психологией. Фрейд открыл архетип Эдипа, но, так как он не знал об архетипах, он дал описание в персоналистических терминах и назвал его комплексом. Конечно, это комплекс. Полагаю, вам всем известен основной сюжет мифа об Эдипе. О нем я писал в статье «Трагический герой, образ индивидуации».

Эдип по пути в Фивы встречает Сфинкса. Она предлагает разгадать загадку. Если на загадку будет дан неверный ответ, Эдипа бросят в пропасть, а если ответ правильный, Сфинкс сама прыгнет с утеса. Загадка звучит следующим образом: что ходит утром на четырех ногах, в полдень на двух ногах и вечером на трех ногах? Ответ — человек. Он ползает на четвереньках во младенчестве, ходит на двух ногах в расцвете жизни, а на склоне лет опирается на палку. За этой загадкой я вижу вторую загадку: что такое человек? Легенда не заходит столь далеко. Разгадав загадку Сфинкса, Эдип изгоняет чуму, терзающую Фивы. Его приветствуют в городе и дают в супруги вдову предыдущего царя, который загадочным образом исчез. Проходят долгие годы, и Фивы поражает новая чума. Пытаясь определить источник напасти, Эдип обнаруживает, что он виновен в отцеубийстве и кровосмешении. По этому вопросу в параграфе 264 Юнг делает важное утверждение:

«Одержав победу над сфинксом, представляющим не что иное, как страх перед матерью, Эдип должен добиваться руки своей матери, ибо трон и рука овдовевшей царицы Фив положены тому, кто освободит страну от сфинксовой напасти. Это привело к трагическим последствиям, коих можно было легко избежать, если бы Эдип был достаточно устрашен пугающим появлением

Ужасной или «пожирающей» Матери, которую персонафицировал сфинкс».

В параграфе 265 мы читаем:

«Очевидно, что фактор такого значения не может быть рассмотрен по типу детской загадки. Загадкой же, по сути, являлась ловушка, которую Сфинкс готовила для неосторожного странника. Переоценивая свой интеллект в типично мужской манере, Эдип двигался именно туда и, совершенно непостижимым образом, совершил преступление кровосмешения. Загадкой Сфинкс была *она сама* — ужасная мать-имаго, которую Эдип не смог разгадать как предупреждение».

Перед нами символическое изображение участи подвергнутого инфляции рационалистического эго. Кто-то из вас спросил меня, что миф об Эдипе означал в те времена. Мне кажется, в древности его значение было таким же, как и для современного человека. Древние греки не прошли мимо такого превосходного поклонения разуму — они слишком высоко ценили способность «типично маскулинного», в терминологии Юнга. Мы не вполне свободны от той же самой проблемы. В параграфе 265 Юнг говорит о происхождении Сфинкс:

«Сфинкс — дочь Ехидны, существа-монстра, его верхняя половина представляла прекрасную деву, а нижняя — отвратительную змею. Эта двойственность соответствует образу-имаго матери: вверху человеческая, привлекательная, достойная любви половина, а внизу — страшная, звериная часть, превращенная запретом кровосмешения в нагоняющего ужас зверя».

Двойной аспект близости с образом матери хорошо разработан Нойманном в книге «Происхождение и история сознания». Он показывает, как характер и природа матери, близость с матерью, изменяются в ходе развития эго. Самое раннее, незрелое эго находит интимную связь с матерью (о которой

Нойман говорит как об уроборической), дабы пребывать в состоянии блаженного рая. Все будет дано. Это — красивая верхняя половина матери-имаго. Однако по мере того, как эго начинает развиваться, признавать у себя наличие самостоятельного центра бытия и понимать драгоценность своей автономии, образ матери приобретает противоположное качество, т.е. черты пожирающего монстра. Причина в том, что, если либидо желает остаться в изначальном райском состоянии и получает позволение продолжать идти по кровосмесительному пути, возникнет эффект проглатывания недавно отвоёванной самостоятельности эго. Молодое мужское эго испытывает эту дихотомию более сильно, нежели женское. Женщина не обязана столь решительно откалываться от матери. Женщинам-аналитикам следует полностью это понять ради блага пациентов мужского пола. Если вы цените жизненную важность этого перехода, вы не будете поощрять рождающееся незрелое эго вернуться к тому, от чего оно так отчаянно ищет освобождения. Юнг говорит в параграфе 266: «...опасность для женщины исходит не от матери, а от отца».

Переходим к следующему аспекту видения: ацтек, совершенный в каждой детали, открытая ладонь, длинные пальцы, на голове шлем, напоминающий перьевые полумесяцы индейцев. Человек, оказывается, носит имя Чивантопель. Это приводит Юнга к ряду определенных персоналистических аспектов инфантильной души, которых я здесь касаться не буду. Я хочу сосредоточиться на ассоциации с Агасфером в параграфе 281:

«Миллер замечает, что наряду с именем «Ашурабама» ей пришло в голову еще имя Агасфера. Это влечет нас к совершенно другой стороне проблемы бессознательной личности. Если материалы, которыми мы до сих пор располагали, дали нам какое-то представление об инфантильной теории сотворения человека, то здесь перед нами открывается возможность заглянуть в динамизм бессознательного создания личности. Агасфер, как известно, — Вечный Жид. Его характеризует не знающее ни конца, ни покоя странствование до самой кончины мира. Тот факт, что мисс Миллер пришло в голову именно это имя, дает нам право пойти дальше по намеченному здесь следу».

Прошу очень серьезно отнестись к предложению: «...перед нами открывается возможность заглянуть в динамизм бессознательного создания личности». Агасфер и архетип, с которым он соотносится, являются ссылакой на Самость. Вот почему он имеет отношение к динамике бессознательного создания индивидуальности.

Вечный Жид — персонаж христианской легенды. Он принадлежит не еврейской, а христианской психологии. В основе истории лежит сюжет о том, как, неся крест к месту распятия, Христос встретил оскорбившего и осмеявшего его Агасфера. Тот сказал: «Поспеши, проходи поскорее». Христос ответил: «Я пройду, но ты будешь блуждать, пока я не вернусь». Это значило, что Агасфер осужден на бессмертие до второго пришествия. Легенда возникла не раньше XIII века, когда слухи о Вечном Жиде стали возникать тут и там. Основная черта Агасфера — бессмертие, и именно это устанавливает его связь с Самостью. Самость является бессмертным партнером смертного эго. Юнг продолжает усиливать образ Агасфера, Бессмертного. Я перечислил амплификации на диаграмме Бессмертных (см. рис.). Среди них Илия, для которого иудеи ставят стакан вина в каждый пасхальный седед. Он — Бессмертный, он постоянно присутствует или в любой момент ожидается. Другую фигуру мы обнаруживаем в Коране: Эль-Хидр, Зеленый. Я добавил персонажей, чтобы увеличить список: Старый Мореход Кольриджа, осужденный бесконечно скитаться и повторять свой рассказ, Летучий Голландец из оперы Вагнера. Мы сталкиваемся с одной и той же бессмертной фигурой в форме пары во многих легендах. Юнг обращается к Петру и Христу, Иоанну и Христу, Иоанну Крестителю и Христу, Митре и Гелиосу, Гильгамешу и Бессмертному. Все это амплификации одного и того же архетипического образа. Именно появление Бессмертного создает индивидуальность и отвечает за динамику бессознательного создания индивидуальности.

Я хочу привлечь ваше внимание к необычайно выразительному и точному утверждению феномена сознательного столкновения с Бессмертным. Оно находится в параграфе 217 тома 9.1¹, в эссе «О перерождении»:

¹ C. G. Jung, «Archetypes and the Collective Unconscious», C. W. Vol. 9.1, Princeton University Press, 1969.

«Когда достигается вершина жизни, когда бутон распускается и из малого рождается великое, тогда, как говорит Ницше, «один становится двумя» и более значимая фигура, которая всегда существовала, но оставалась невидимой, с силой раскрывается в личности меньшего масштаба. Тот, кто в действительности безнадежно мал, всегда проводит раскрытие большего, великого в той же мере, в какой сам он мал, не понимая, что пришел час суда над его ничтожностью. Но человек, который внутренне велик, узнает момент страшной потери, когда, наконец, приходит долгожданный бессмертный друг его души, «чтобы пленить плен» (Ефес 4:8), то есть уловить того, узником которого является этот бессмертный, и заставить свою жизнь влиться в более великую жизнь».

Опасность подобного столкновения представляет инфляция или отождествление с Самостью. Столкновение происходит вначале на уровне бессознательного. При сознательном отношении к этой динамике, т.е. от эго к Самости, формируется базис создания индивидуальности. В параграфе 302 мы узнаем о следующем видении мисс Миллер — «городе грез». Видение приводит к богатому усилению города, показанного ранее. Диаграмма Города помещает текст в визуальную форму, учитывая не все источники и включая лишь основные образы. Этот тип символических образов вы должны досконально изучить для толкования сновидений юнгианским методом.

Хочу подчеркнуть важность фрагмента путешествия по морю ночи из параграфа 309. Юнг воспроизводит образ солнечного героя из Фробениуса, пожранного морским чудовищем на западе и совершившего путешествие по обратной стороне земли в брюхе монстра. Герою удается спастись, и он появляется, рожденный заново, на востоке. В первую очередь это изображение солнца, но также и образ героического путешествия по морю ночи. В другом месте Юнг называет его *pekuia*, или путь по нижнему миру.

Книга пророка Ионы служит хорошим примером. Эта история дает образ для любого глубинного анализа, образ

нисхождения в бессознательное, представляющее акт преднамеренного инцеста ради возрождения, омоложения и открытия нового взгляда. В книге «„Моби Дик“ Мелвилла»² я говорю о таком случае. Все предприятие капитана Ахава означало подобное путешествие. Путь по морю ночи может обернуться либо катастрофой, либо спасением. Я приведу вам несколько клинических примеров со страниц моей книги.

Мне вспоминается пациент, страдавший периодическими приступами кататонической шизофрении. В период ремиссии (когда он был вполне нормален) ему приснился следующий сон:

«К нему приближается огромный кит. Он знает, что кит его проглотит, и что ничего нельзя сделать, дабы избежать этого. Он беспомощно ожидает своей судьбы и просыпается. Несколько дней спустя после этого сновидения шизофрения вернулась...»

² Edward F. Edinger, «Melville's Moby Dick: A Jungian Commentary», New Directions, 1978.

Мы видим, что означает путешествие по морю ночи, когда сознательное эго слишком слабо и регрессивно, чтобы выдержать этот опыт. В сновидении другого пациента эго приближается к монстру своим личным подходом, проявляя более героическое отношение:

«Он видит прекрасную соблазнительную женщину на кушетке. Она обнажена и просит его о близости. Но, когда он подходит к ней, она становится ужасающим монстром, похожим на хищного стервятника, чьи гениталии превращаются в пожирающую пасть. Чудовище разевает пасть и принимается поедать голову сновидца. Вместо того чтобы попытаться вырваться из ее челюстей, он ускоряет дело, в буквальном смысле проползая ей в глотку. Оказавшись внутри, он наносит ей удары и слышит, как она вопит от боли. Затем он выбирается из нее, проходя своеобразный процесс кошмарных родов. Он спасает из ее утробы маленькую белую фигурку — слабенького младенца, который начинает расти сразу же после освобождения. Младенец превращается в прелестного ребенка, сияющего и светоносного, вызывающего сильное чувство радости и веселья».

Эти два сновидения, отражающие один и тот же базовый образ, имеют совершенно разный итог из-за абсолютного неравенства отношения эго. В одном — кроткое эго пассивно позволяет самому себе быть поглощенным; во втором перед нами предстает более развитое эго, действующее целеустремленно. Соответственно, прогнозы весьма отличаются.

Лекция V

ПАРАГРАФЫ 313–414

В параграфе 313 Юнг говорит о процессе создания заменяющих мать символов: города, колодца, пещеры, церкви.

«Поскольку табу на инцест противостоит либидо и перекрывает путь к регрессии, то для либидо остается возможной канализация в материнские аналогии, предоставляемые бессознательным. На этом пути либидо вновь становится прогрессирующим, даже достигает большего уровня сознания, чем прежде. Значение и цель подобного направления проступают особенно очевидно, когда вместо матери на передний план помещается город. Инфантильная зацепка (первичная или вторичная) оказывается уродующим ограничением для взрослого, в то время как привязка к городу воспитывает его гражданские добродетели (ценности) и, по крайней мере, позволяет ему, как тамошнему жителю, вести осмысленно-полезное существование».

Здесь Юнг сообщает об изменении направления либидо, ранее обращенного к матери, когда либидо пыталось регрессировать к ней. Однако направление меняется также в ходе нормального психологического развития, когда маленький ребенок вполне естественно обнаруживает обращенное к матери либидо, оставляет мать и начинает движение в сторону символических заменителей. Иными словами, материнское либидо смещается к новым воплощениям архетипа матери. Одним из таких воплощений является сообщество. Даже небольшая группа, например банда, есть сообщество. Так заявляет о себе

архетип матери, который настаивает на самопроявлении, а если не получает положительного воплощения, то создаст для себя любое, на которое способен. Для маленьких детей крайне значимую роль играют группы сверстников в школе, церкви, команде, другом учреждении. Эти группы содействуют большей степени привязанности либидо к городу или к стране в целом. Таковы особенности развития материнского либидо, которое неуклонно находит все больше коллективных и связанных с действительностью объектов. При успешной передаче либидо вероятность регресса к более инфантильным разновидностям поведения уменьшается. Следующий пункт мы находим в параграфе 329:

«Разнообразные значения дерева-солнца, райского дерева, матери, фаллуса объясняются тем фактом, что это символы либидо, а не какая-то его аллегория или конкретный объект. Так что фаллический символ обозначает не половой орган, а само либидо, и, сколь бы явственно он как таковой не проявлялся, он обозначает не себя, а всегда символ либидо. Символы не являются знаками или аллегориями чего-то известного — скорее, они выражают малоизвестное или совершенно неведомое».

Нам приходится постоянно напоминать себе о том, что изображения, с которыми мы имеем дело во всех материалах сновидений, фантазий и бессознательного, являются символами, а не знаками. Знаки — всего лишь эмблемы чего-то другого нам знакомого, тогда как аллегории являются историями, составленными из целой последовательности связанных знаков. Символы указывают на нечто неизвестное, к чему мы можем только приблизиться, обходя и амплифицируя, постепенно получая намеки на различные грани его значения. Именно это помогает сохранить нашу работу с бессознательным живой, не сводя ее к формуле. Прочитаем параграф 340:

«Медицинский психотерапевт сегодня должен сделать ясным для своих более образованных пациентов

понимание основ религиозного переживания и указать им дорогу, на которой такое переживание может осуществиться. Соответственно, если я, как врач и ученый, анализирую неясные религиозные символы и пытаюсь проследить их до момента своего возникновения, то моей единственной целью является сохранить на пути понимания те ценности, которые они в себе несут, и обеспечить людей возможностью думать символически в еще большей степени...»

И далее параграф 343:

«Но тут перед нами возникает религиозный миф — одно из величайших и значительнейших созданий человечества. Он, хотя и обманчивыми символами, однако все же дает человеку уверенность и силу, чтобы противостоять чудовищу (которым является мир в целом) и не быть им раздавленным. Хотя символ с точки зрения реальной действительности и обманчив, однако психологически он верен, так как был и остается мостом, ведущим ко всем величайшим достижениям человеческого духа.»

Фактически Юнг говорит нам о том, что конечная задача юнгианского анализа заключается в том, чтобы пациент смог открыть свой собственный живой религиозный миф. Это — цель. Мы не можем добиться успеха с каждым пациентом, но мы должны, по крайней мере, знать, чего мы пытаемся достигнуть. Когда человек обнаруживает свой индивидуальный живой религиозный миф, он приобретает религиозное отношение к жизни, в чем и состоит феномен окончательного исцеления.

Среди следующих воображаемых образов пациентка упомянула необычное хвойное дерево (на нем росли шишки) с узловатыми ветками. Юнг усиливает для нас этот образ. Как я говорил ранее, одной из особенностей этой книги является изучение процесса амплификации, обнаруженного Юнгом в ходе написания работы. Диаграмма Дерева (см. рис.) изображает символичный кластер, сформулированный Юнгом при амплификации дерева — весьма богатого и основополагающего

архетипического образа. Юнг возвращается к нему спустя годы в эссе «Философское Древо».¹

Миф об Озирисе приходит Юнгу на ум в первую очередь. Этот один из центральных мифов развития особенно релевантен юнгианскому анализу, и я хочу кратко затронуть некоторые из его образов. В чистой форме он излагается так: у Озириса, мифического царя Египта и культурного героя, был злой брат или дядя Сет, известный грекам под именем Тифон. Сет заманил Озириса в сундук, проворно захлопнул крышку и сбросил сундук в море. Наконец, после долгого плавания по волнам, Озириса прибило к берегу у финикийского города Библоса, где вокруг сундука выросло дерево. Изиды (сестра-жена Озириса), отправившись на поиски супруга, обнаружила дерево и извлекла сундук. Затем вся история повторяется в другом ключе.

Перед нами своего рода двойное событие, происшедшее не в последовательности, а одновременно, если вы попробуете это представить. В альтернативном варианте мифа говорится о том, что Озирис был расчленен Сетом на четырнадцать частей. Его сестра-жена бродила по земле, как бродила Деметра в поисках Персефоны. Собирая различные части тела Озириса, Изиды нашла все, кроме фаллоса, который проглотила рыба. Изиды соединила тело супруга при помощи своего магического искусства и заменила недостающий фаллос деревянным. Именно при помощи деревянного фаллоса был зачат сын Озириса и Изиды Гор. Озирис стал богом и судьей нижнего мира, проводником в бессмертие. Усопший принимал его атрибуты и даже именовался «Озирисом». Если бы вдруг я умер, то в письменных упоминаниях меня должны были называть Озирис-Эдингер, чтобы указать на мою посмертную слитность с фигурой Озириса.

Здесь мы видим четыре центральных образа, которые крайне важны для аналитического процесса. Досконально ознакомившись с ними, вы сможете распознавать аллюзии, возникающие в сновидениях. В противном случае примеры могут оказаться прямо перед вашими глазами, а вы пройдете мимо.

¹ C. G. Jung, «Alchemical Studies», C. W. Vol. 13, Princeton University Press, 1967.

Вы не сумеете продвинуться дальше личного толкования сновидений, пока не получите некоторое представление о мифологических образах и не научитесь их распознавать, встретившись с ними. Вам не справиться с толкованием архетипов, пока в вашем инструментарии не окажется это знание.

Один образ связан с темой несчастья, и иллюстрирован встречей со злодеем Сетом. Это переживает эту встречу как своего рода поражение или неудачу. Следующий образ — сундук, ящик, дрейфующий среди волн, путешествие по морю ночи. Другая тема связана с вращением в дерево, с образами колонны или столпа. В Египте это называли бы столбом Джд. Египетский обелиск представляет собой разновидность этого символа. Еще один образ данного мифа — расчленение, *solutio*, когда Изиде пришлось собрать разрубленное тело супруга и сложить его воедино. Она выполнила первую на свете церемонию бальзамирования, создав бессмертное тело Озириса из его изуродованных бранных останков. В последовательности мифа передано таинство трансформации, символическое описание процесса преобразования, в котором Озирис сперва воссоздается телесно, а затем деревянным фаллосом зачинает сына. Это своеобразное выражение идеи перехода творческого либидо от конкретного физического биологического уровня функционирования к экстрасенсорному символическому уровню. Символический образ — вещь творческая, но не плоть и не кровь органа. Мы видим выражение архетипа смерти и возрождения, который, завершая сам себя, преобразует либидо с одного уровня на другой.

Время от времени все мы сталкиваемся с этими образами в различных вариантах в сновидениях. Во сне о расчленении, к примеру, нет ничего необычного. Каждый раз, когда это происходит, вам следует немедленно вспомнить миф об Озирисе. Данный сновидческий образ обнаруживается и в алхимии. Пример из алхимического трактата «*Splendor Solis*» воспроизведен в книге «Эго и Архетип».² На рисунке изображен

² Edward F. Edinger, «Ego and Archetype», Putnam, 1972, Reprinted Shambhala, 1992.

человек с мечом, только что расчленивший тело. Довольно уродливая картина, и весьма часто в сновидениях возникают такие же отталкивающие образы, как и этот. Однако в большинстве случаев они не соотносятся с ужасными убийственными импульсами бессознательного. Они, скорее, представляют собой бессознательное как часть природы, описывающей, что происходит с бессознательным комплексом: он расчленяется мечом сознания и подвергается процессу ассимиляции. Расчленение, как образ, обычно относится к процессу ассимиляции комплекса. Вам обязательно нужно обратить внимание на эмоциональный тон образа. В параграфе 351 Юнг отмечает:

«Кажется, что и поныне в человеке живет глубокое ожесточение против непреклонного закона, некогда лишившего его инстинктивной отдачи своим желаниям и непринужденности и отнявшего у него великую гармонию и красоту животной природы. Этот закон, между прочим, проявлялся и в запрете на инцест, и в его коррелятах (брачных законах, табу на пищу и так далее). Пока ребенок пребывает в состоянии бессознательной идентичности со своей матерью, он продолжает оставаться в животной психике, то есть в бессознательности. Развитие сознания неизбежно ведет не только к отделению от матери, но и к отделению от родителей, от всего семейного круга и, соответственно, к высвобождению из оков бессознательности и мира влечений. Однако страстное тяготение к этому потерянному миру продолжается, и, когда по жизни возникает необходимость в трудном приспособлении, всегда появляется искушение ускользнуть и отойти, уступить, регрессировать в инфантильное прошлое, которое незамедлительно изливает инцестную символику».

Юнг продолжает, что, хотя эта тоска представляет опасный регресс, в особенности для юного эго, в то же время архетип матери становится источником обновления, к которому эго будет возвращаться, исчерпав свой «капитал». Вы видите амбивалентность, проходящую через все психологическое. На

определенных этапах развития смертельно опасно оглядываться назад в тоске по материнской защите, однако, на другом этапе развития именно оттуда приходит возрождение.

Начиная с параграфа 370, Юнг пространно обсуждает происхождение слова «кошмар», не в первый раз углубляясь в долгий этимологический экскурс. Даже при том, что автор пытается проследить все подробности примеров, он дает нам крайне важный урок. Этимология слов, понимаемая в психологическом отношении, представляет собой бессознательное нашего языка. При должном внимании к этому вопросу этимологическое исследование становится значительной частью интерпретации сновидения. Каждый раз, когда во сне делается акцент на некоторое особое слово, следует обдумать его происхождение, и зачастую выяснение этимологии самым потрясающим образом подведет вас к значению сновидения. Вам следует завести этимологический словарь (или как можно более полный) как часть стандартного аналитического арсенала, и вам обязательно представится случай его использовать. Сам акт поиска слова совместно с пациентом в течение анализа преподает ему надлежащую установку относительно работы со сновидениями.

В параграфе 375 Юнг прорабатывает особый образ, начиная с упоминания «ночного дракона» и отсылая нас к египетской мифологии: «борьба с «ночным драконом» не что иное, как победа над матерью». Он знакомит нас с аналогичным изображением из вавилонского мифа творения, где рассказывается о поединке Мардука с Тиамат (изначальным материнским чудовищем), и ее последующем поражении. Мардук, как бог Весны, представляет победоносного сына. Он побеждает Тиамат, вспарывая ее тело и наполняя ее утробу ветрами, а потом разрубает ее пополам. Мы видим изображение нисхождения и проникновения духа, который преодолевает первоначальное мощное проявление материи — физическое. Так происходит, когда материнское либидо покидает защищающие объятия матери, и мальчик начинает устанавливать отношения с равной ему группой. Это соответствует Тиамат, побежденной проникновением ветров духа, и образу раннего, юного эго, преодолевающего первоначальное сдерживание в природе. Эго, буквально, конкретно, а также в психологическом отношении, преодолевающего собственное

страстное стремление оказаться захваченным. Когда Тиамат оказывается разрубленной на две части, из ее расчлененного тела создается мир.

Данный образ имеет большое сходство с тем, что разрабатывается в книге Эриха Нойманна «Происхождение и развитие сознания», где речь идет о разделении мировых прародителей³. Классический пример мы находим в египетской мифологии, когда земля и небо, находившиеся в непрерывном соитии, оказываются отделены друг от друга своими потомками. Тогда богиня неба Нут становится небесным сводом, бог земли Геб опускается под нее, а между божествами образуется своего рода шар, соответствующий пространству существования эго. В начале начал должно быть произведено разделение, прежде чем возникнет какое-то место для эго. Это глубочайшее таинственное явление — каким образом когда-то появилось отдельное эго. Чем больше вы думаете об этом, тем более загадочным оно кажется. Если же этот феномен вас не изумляет, вы еще не проснулись, ведь это самая большая тайна во всей вселенной. О ней сообщают мифы. Бессознательное творит эти мифы, а они изъясняются с нами языком символов, что происходит, когда сознательное эго пробуждается к жизни. Именно поэтому мифы столь важны; именно поэтому Юнг так подробно говорит о них в параграфе 388:

«Каждая отщепленная часть либидо и любой комплекс обладают (статусом) или являются (фрагментарной) личностью. По крайней мере, так выглядит картина с точки зрения наблюдателя. Но, когда мы погружаемся в суть вопроса, то обнаруживаем, что речь здесь идет об архетипических образованиях. Окончательных аргументов против самой гипотезы, что эти архетипические фигуры изначально наделены личностным статусом и не являются просто вторичными персонализациями, у нас нет. До той поры, пока архетипы не представляют просто функциональные установки, они проявляют себя

³ Neumann, op. cit., p. 102 ff.

как личностные факторы или посредники. В этой форме они переживаются как реальные чувственные состояния и не являются „фикциями воображения“, на чем мог бы настаивать рационализм».

Вот важное замечание относительно нашего отношения к комплексам, которые мы обнаруживаем в нас самих и в пациентах. Мы рассматриваем демонов как независимых личностей, причем столь влиятельных, что иногда они временно или даже постоянно завладевают эго. Как говорит Юнг, в сердцевине каждого комплекса лежит архетип: «когда мы погружаемся в суть вопроса, то обнаруживаем, что речь здесь идет об архетипических образованиях». Именно архетипическое ядро комплекса наделяет его властью. В то время как нам приходится анализировать комплекс, интерпретируя его и указывая на него, мы должны также отдать должное его динамизму, психической энергии, имеющейся в его распоряжении. В параграфах 396—398 Юнг обращает внимание читателя на Изображение XL, группу последовательных изображений чуть выше убивающего быка Митры:

«...мы пойдем и ряд изображений из мифа Митры на геддернгеймском барельефе. Прежде всего, там изображено рождение Митры из макушки дерева; на следующем изображении он несет на себе убитого им быка... На третьем изображении Митра касается рукой нимба на голове солнца-бога (*Sol*)... На четвертом изображении солнце-бог стоит на коленях перед Митрой».

Вам следует обратить особое внимание на этот ряд образов ради цели амплификации в вашей аналитической работе. В этой последовательности герой Митра появляется на свет из материнского древа. Здесь есть большое сходство со звездой, которой украшают верхушку рождественской елки, та же самая идея: солнце, рождающееся из дерева. Во второй сцене Митра несет уже побежденного быка; тема теперь называется *transitus* — «переносящий». Аналогичный образ возникает в библейской легенде о Самсоне, когда он выломал городские ворота и унес их из города. Перед нами описание преодоления примордиальных

мужских инстинктов — преодоление примитивного отца, маскулинных инстинктов быка — через сознание. Овладев собой, Митра задумывает снять с головы Солнца корону и возложить ее на собственную голову, после чего Солнце преклоняет колени перед Митрой. В психологических терминах, мы видим поразительное изображение обожествления эго-сознания, которое появляется в результате победы эго над инстинктами. Вам не придется копать слишком глубоко, чтобы узнать Митру, протягивающего руки к короне Солнца, и Солнце, становящееся на колени перед Митрой. Перед нами образ современного человека и его достижений, выросших из рациональной секулярной позиции. Рассудочный атеизм не знает никакого другого бога, кроме человеческого эго, что представлено изображением Солнца на коленях перед Митрой.

Лекция VI

ПАРАГРАФЫ 415–522

Я хочу привлечь ваше внимание к замечанию в параграфе 415. Книга об инцесте и табу на кровосмешение содержит большое обсуждение этого феномена и его символизма. Иногда Юнгу удается суммировать психологические значения с поразительной четкостью, что мы и видим в данном параграфе:

«Отделение сына от матери означает выход человека из животного бессознательного. Только благодаря беспощадности «кровосмесительного» запрета мог возникнуть осознавший самого себя индивид, до тех пор составлявший одно целое со своим племенем; и лишь так стала возможной идея индивидуальной и окончательной смерти. Итак, через грех Адама смерть вошла в мир. Невротик, который не в силах оставить свою мать, имеет на то веские причины: страх смерти приковывает его к ней. Кажется, нет достаточно сильного понятия, достаточно мощного слова, чтобы выразить значение этого конфликта. Слагались целые религиозные системы только для того, чтобы облечь в слова его силу, которая достаточно жестоко выражена в понятии „инцест“. И не может быть, чтобы источником столь упорной, тысячелетиями длящейся борьбы за надлежащее выражение являлась только фактическая данность, ограниченная узко-вульгарным понятием инцеста. Нет, очевидно, нужно понимать закон, первоначально и окончательно выраженный „запретом кровосмешения“, как побуждение к доместикации, и рассматривать религиозные системы как установления, прежде всего принимающие

в свое лоно влечения животной природы, организующие их и постепенно приспособляющие».

Я особо выделяю догадку Юнга о том, что когда человек, бессмысленно слитый воедино с племенем, теряет эту сдерживающую связь, он открывается возможности смерти. Эта мысль крайне важна, поскольку индивид ощущает себя бессмертным, отождествляясь с коллективной группой на бессознательном уровне. Индивидуация несет в себе большую угрозу из-за понимания огромного одиночества индивида, дифференцированного и отделенного от всех групп коллектива, ставшего уникальным, психологическим существом. Более не сдерживаемый идентификацией с бессмертными существами, индивид открывается осознанию смертности: каждый человек и вправду когда-нибудь умрет. Хорошо известно, что дети и молодежь считают себя бессмертными. У данного явления имеется гораздо больше психологических корней, нежели обычно подразумевается, что Юнг ясно дает понять в параграфе 420, описывая героя по имени Шивантопель верхом на коне:

«Шивантопель появляется с юга верхом на коне, окутанный в яркий плащ красного, синего и белого цвета. Индеец в одежде из осыпанной жемчугом оленьей кожи, украшенной перьями, крадучись подходит к нему, готовый пустить стрелу. Но Шивантопель подставляет свою грудь с вызывающим видом, и индеец, словно под влиянием чар, пятится назад и исчезает в лесу».

Такова прелюдия к смерти Шивантопеля. Он обречен, но в один момент избегает своей судьбы, вызываясь показывая грудь. (Мимоходом отмечу, что наличие лошади дает Юнгу возможность усилить данную символику.) Юнг рассуждает, что означает для Шивантопеля обнажить грудь перед врагом. Он упоминает ассоциацию с Юлием Цезарем из трагедии Шекспира, где происходит нечто подобное: Брут обнажает грудь перед Кассием.

Остановимся на этом театральном жесте. В определенных обстоятельствах раскрыть грудь перед врагом представляется

эффективной мерой. Наблюдая за двумя враждующими волками, возможно смертельными врагами, мы видим, что если один из них сдается и подставляет свою шею противнику, то его, как правило, не убивают. Второй волк признает это актом подчинения. То же самое происходит в человеческой психике. Если мы станем обсуждать лишь мотив власти, то при конфликте он удивительным образом исчезнет. Ищите его всякий раз, когда вступаете в конфликт. Если вам удастся избавиться от идентификации с охватившим вас мотивом власти и признать свою ошибку или слабость, каждый участник конфликта освободится от злых чар. Трюк состоит в том, чтобы достигнуть этого разотождествления, что требует работы сознания.

Однако с Шивантопелем случается другая история. За тем, что кажется театральным, почти истеричным движением анимы, обнаруживается инфантильная мотивация, что не является аутентичным голосом сознания. Напротив, это ближе к хорошо известному мотиву инфантильной анимы, на что Юнг ссылается в другом месте: «Вы все пожалеете, когда мне причинят боль, — так действует ребенок в отношении своей матери, принимая ее заботу как должное. — Если не дашь мне, что я хочу, то я сам себе причину боль». Что же, это может сработать с определенными типами матерей, но не со всем миром. Когда инфантильный аспект невротической личности пытается подобным способом взаимодействовать с миром, это называется плохой приспособляемостью, дезадаптацией. Поведение Шивантопеля как раз частично характеризуется таким качеством. Он не жизнеспособный герой. Мы очень быстро это понимаем.

Юнг ссылается на данный феномен в параграфе 432, говоря о таком поведении как о тоске по смерти, своего рода отравлении, дабы добиться страстно желаемого.

«Это мучительное желание смерти предвосхищает неизбежный конец иллюзии того, что другой человек может быть идеальным. Идеал для мисс Миллер, по всей видимости, должен сменить место своей психической локализации. Он может обрести свое жилище даже в ней самой. Это означает весьма критическую точку на ее жизненном пути. Когда такая жизненно важная

фигура, как идеал, начинает меняться, из этого следует, что фигура должна умереть. В индивиде это порождает самые разнообразные и безотчетные предчувствия смерти — романтической „мировой скуки“ или „усталости“. Значение подобной тенденции было подробно разобрано нами в связи со стихотворением мисс Миллер „Мотылек солнцу“. Ее инфантильный мир стремится к завершению и замене на мир взрослый. Встречающееся у молодых девушек желание умереть часто является лишь скрытым выражением этого стремления; оно остается позой даже тогда, когда смерть действительно наступает, ибо даже смерть может быть драматизирована».

Юнг подчеркивает, что если подобный персонаж умирает, то это подразумевает возможность отказа от проецирования и возможность интеграции этого особого психического содержания в сознании человека. Шивантопель здесь просто заигрывает со смертью, но спустя немного времени действительно умирает. Возникает вопрос: что означает смерть фигуры из сновидения? Обычно это указывает на особый комплекс — особое содержание бессознательного — теперь готового к сознательной ассимиляции. Герхард Адлер сообщает о классическом примере такого сновидения, которым я не преминул воспользоваться в моей практике с пациентами. Адлер некоторое время работал с Юнгом, и однажды рассказал Юнгу свой сон, в котором тот умер. Юнг прокомментировал значение следующим образом: Адлер стал готов вести самостоятельный прием пациентов. Помните об этом. Когда к вам приходит пациент с подобным сновидением, он приносит вам свою тревогу. Это тревога потерять проекцию, которая делает еще более одиноким. Обычно такие сны имеют самое положительное значение. Это еще более верно, если снится сон о собственной смерти. Если вы видите сон о том, что ваше эго умерло, вы стоите на пороге большой трансформации. Если в сновидениях наступает смерть, нельзя ли сказать, что возрождение может быть на подходе? Символически они сочетаются.

У индейца имелись стрелы, которые он не стал выпускать. Юнг отводит значительное место теме пронзания стрелой.

С этой символикой связан укус змеи. В современных сновидениях встречается такая вариация, как инъекция шприца, что зачастую несет отрицательное или угрожающее значение. В заключительной лекции я собираюсь обсудить тему змей и змеиных укусов более подробно и расскажу, как змея покусала Шивантопеля и его лошадь.

В параграфе 450 Юнг говорит о Филоклете, столь богатом символическом образе, что я не могу не упомянуть греческий вариант мифа о змее в эдемском саду. В конце своей жизни Геракл взошел на погребальный костер и вознесся на небеса. В награду за то, что Филоклет поджег костер, Геракл подарил ему свои не знающие промаха стрелы, смазанные кровью Гидры. В какой-то момент Филоклет укололся стрелой и получил незаживающую рану. Таков миф, на который ссылается Юнг, хотя в другом варианте рану Филоклету причиняет змея, укусившая его на острове Кризе. Пронзание стрелой и укус змеи символически связаны между собой, и представляют альтернативные образы с приблизительно идентичным психологическим значением.

Важность данной символике придают неукротимые стрелы Геракла — изображение мощи Самости, действующей через отраву примордиальной психики (кровь Гидры). Герой, Геракл, находился в контакте с Самостью. Мы, претендующие на звание глубинных психологов, должны обращать пристальное внимание на подобные образы, потому что они передают опасности, которым мы подвергаемся, когда принимаем на себя целетельные проекции наших пациентов. В этих случаях мы принимаем проекции Самости, рискуя сыграть роль Филоклета. Если не знать что делать, можно получить рану от того же трансцендентного оружия, которое мы получаем из проекций, и оказаться в той же беде, что и Филоклет. Над этим мифом стоит поразмышлять. Вы связываетесь с профессией, где вас поджидает множество ловушек, и об этом нельзя забывать ни на минуту. В параграфе 460 представлен другой образ:

«Кеней, придавленный до смерти «сотнями тяжестей», — это тот, кто, задавленный до смерти, со стоном несет бремя собственной самости и своей судьбы. Кто при этом не вспомнит о Митре, который в Таврофории

взвалил на свою спину быка («быка своей матери», как гласит египетский миф), то есть свою любовь к Матери-Природе, и с этой тяжелейшей ношей вступил на скорбный путь (*via dolorosa*), так называемый переход (*transitus*)?»

Юнг комментирует стихотворение Ницше (в параграфе 459), где о герое говорится: «придавленный сотнями тяжестей... Мудрый Заратустра!.. Ты искал самое тяжкое бремя: И вот ты нашел себя самого». Образ обременительной ноши нередок в сновидениях. Он соответствует этимологии слова «страдание» (*suffer*), буквально означающего «нести снизу» и представляющего сочетание слова *sub* (снизу) и *ferre* (нести). Таким образом, это слово означает «нести груз на спине». Иногда возникают сложности с точным пониманием, как следует толковать сновидения, в которых человек несет тяжелую ношу. Иногда груз не соответствует реальности сновидящего, и в таком случае он должен это принять и узнать, как сложить ношу с плеч. Но есть и другие варианты, когда груз соответствует тому, к чему в данном случае обращается Юнг, а именно к тому, что я назвал бы ношей Св. Христофора, грузом Самости, что представляет собой необходимое бремя.

Я припоминаю сновидение пациентки, весьма компетентной школьной учительницы средних лет, которой приснилось, что она тащит лошадь на спине на вершину холма. Лошадь была живой, вовсе не как в мифе о Митре, несущем принесенного в жертву быка. Довольно очевидно (ввиду факта, что я знал сознательную психологию той женщины), что у нее перевернулись понятия об отношениях лошади и наездника. Сновидение выражает ее искаженную установку в отношении своей инстинктивной жизни; вместо того, чтобы позволять инстинктам нести ее, она считала, что все должно делаться сознательно. Она не разрешала себе ни малейшей степени спонтанности. Это опустошает и выматывает, если вы собираетесь нести лошадь на спине вместо того, чтобы позволить ей везти вас. Вот пример, когда ситуацию нужно полностью изменить. Мы видим иллюстрацию того, что большинство психологических образов биполярно, и перед нами открываются два различных пути. Если не знать, что делать,

и механически понимать процедуру толкования сновидений, то ваша работа останется невыполненной. Вы должны связать образ из сновидения с действительностью сознательной установки пациента, а затем принять решение, в каком направлении сместить вес своей интерпретации, причем всегда с пониманием того, что вы можете оказаться неправыми. Не имеет значения, если вы ошибетесь, пока вы не отождествлены с вашей интерпретацией. Будущие сновидения поправят вас, если вы останетесь открытыми для исправлений. Если же вы ослеплены и чересчур самоуверенны, то вы не будете готовы внести поправки, и при этом не сможете считаться практикующим аналитиком. В параграфе 464 мы видим длинный монолог Шивантопеля:

«...странствовал я в течение ста лун, покинув дворец отца моего, постоянно мучимый желанием найти „ту, которая поймет“. Многих красавиц соблазнял я драгоценностями, поцелуями старался выманить сокровенную тайну их сердец, возбуждал восхищение их подвигами своими... Увы! Ни одна не понимает меня, ни одна не имеет души, подобной моей душе. Из всех них ни одна не познала души моей, ни одна не была в состоянии угадывать мои мысли!»

Рассмотрим, что выражено в монологе. Чтобы понять речь анимуса, мы должны разобраться, насколько природа анимуса определяется как аналог установки эго. Позвольте мне объяснить, что я имею в виду.

В этом случае мы имеем дело с женским эго. Поскольку ей не известны некоторые особенности своей психологии, которые должны быть сознательными, анимус несет ношу тех качеств. То же верно и для мужчины в отношении его анимы. Итак, мы получаем гистрионическую (театральную) позу анимуса, поскольку эго не знает о собственной инфантильной позиции. Анимус говорит: «Я ищу особенную, ту, которая встречается столь редко, что существует лишь вне времени». Здесь содержится сообщение, что эго пациента подпитывается понятием: «Я — особенный, слишком хороший для жизни в реальном мире времени». Пока вы не в состоянии сделать переход от поведения

и качеств анимуса в сновидениях к психологической действительности пациента, вы ничего не достигнете. Пока вы всего лишь абстрактно говорите: «Ваш анимус такой-то и такой-то», — он остается отделенным от живой реальности пациента. Вам необходимо сделать переход таким способом, который пациент может принять. Борьба здесь не принесет пользы. Зачастую эти переходы не такие уж и привлекательные, и эго не желает «играть» с ними. Необходимо побудить пациента составить ассоциации с поведением, которое выражает анимус, затем взять то, что он говорит от первого лица, и вернуться к доработке.

В параграфе 466 мы находим другой важный отрывок, где Юнг говорит о юном герое, всегда сыне-любовнике матери-богини, обреченном на раннюю смерть:

«Либидо, которое в свое время не течет в потоке жизни, регрессирует к мифическому миру архетипов, в котором оно активизирует образы, с самых давних времен выражавшие нечеловеческую жизнь богов либо верхнего, либо нижнего миров. Если подобная регрессия разворачивается в молодом человеке, его собственная индивидуальная жизнь вытесняется священной архетипической драмой, становящейся все более разрушительной для него, поскольку сознательное воспитание не обеспечивает его средствами и способами распознавания сути происходящего. Тем самым он лишается возможности освободить себя от архетипических чар. В этом заложена роковая (*vital*) важность мифов: они объяснили сбиту с толку человеческому существу, что происходит в его бессознательном и почему оно овладевает им так быстро. Мифы говорили ему: „Это не ты, это — боги. Тебе никогда до них не добраться, поэтому вернись обратно в лоно своего человеческого призвания, относись к богам со страхом и почтением“».

Юнг обращается к *puer aeternus*, т.е., к «вечному дитя». Это и термин, и психологическая реальность особого раздела психологии, чрезвычайно широко распространенного. Я настоятельно советую вам прочесть превосходное эссе фон Франц по данному

предмету.¹ Юнг говорит, что выходом из идентификации с *puer aeternus* или с любой архетипической фигурой коллективного бессознательного является знакомство с мифом. Миф дает своего рода зеркало. В нем можно увидеть архетипический образ, с которым происходит отождествление. В процессе наблюдения вы разрываете идентификацию и восстанавливаете свои обычные человеческие мерки. Та роль и те отношения, которые вы переживали, были скорее безличными, архетипическими, нежели человеческими, и поэтому возникала инфляция того или иного рода.

В параграфе 492 Юнг обсуждает рождение Гайаваты, подводя к общей мифологической теме рождения героя. Он ссылается на классическое исследование Отто Ранка «Миф о рождении героя», написанное с точки зрения персоналистической психологии. Стоит отметить, что исторически Ранк был первым автором, затронувшим данный вопрос. Я считаю героя промежуточным звеном между Самостью и эго. Герой и вправду стоит ногами в двух мирах. Я думаю, что фигуру героя лучше всего можно описать как персонификацию побуждения к индивидуации. Вы должны с неизменным вниманием относиться к фигуре героя как образу в сновидении, поскольку при тщательном глубинном анализе эта символика будет встречаться часто. Вы столкнетесь с символами рождения божественного дитя или необычного ребенка, что определенно отсылает нас к мифу о рождении героя, символизируя побуждение к индивидуации, появившееся в сознании. Иногда мы более вольно называем это явление рождением Самости, что пересекается с символикой рождества. Здесь имеет место совмещение тем, но я не собираюсь углубляться в детали. Поскольку мы говорим о герое, который должен совершить целый ряд подвигов (таком, как Геракл или Гайавата), мы в действительности говорим не о рождении Самости как завершенной сущности. Мы имеем дело с рождением потенциальной реализации Самости, что и является побуждением к индивидуации. В своем исследовании Ранк упоминает следующие особенности:²

¹ Marie-Louise von Franz, «Puer Aeternus», Sigo Press, 1981.

² Ibid., p. 57.

«Герой — дитя самых выдающихся родителей, обычно сын царя. Его рождению предшествуют затруднения, такие как воздержание, длительное бесплодие или тайный союз родителей вследствие чьего-то запрета или чинимых кем-то препятствий. Во время беременности или перед ней оглашается пророчество в форме сновидения или слов оракула, предостерегающее против рождения героя и обычно грозящее бедствиями для его отца (или для представителя отца). Как правило, героя отдают на волю волн в некоем плавучем коробе. Затем его спасают животные или люди низкого звания (пастухи), его вскармливает самка животного или простолюдинка. Возмужав, герой находит своих высокопоставленных родителей самыми разнообразными способами. Он мстит отцу, с одной стороны, и признается им, с другой. В итоге герой получает полагающиеся ему положение и почести».

Ранк не упоминает, что героя обычно зачинает некое божество, к примеру, Зевс в образе золотого дождя или Святой дух, что демонстрирует нам происхождение героя из надличностных сфер. Две пары родителей означают человеческих и трансцендентных отца и мать. Надличностное может выражаться либо в понятиях царственности или божественности, либо как животная природа. В любом направлении божества и животные представляют надличностное — вверху и внизу. Гайавата служит примером данного феномена. В знакомой нам символической системе существуют две наиболее распространенные модели мифа о рождении героя: история Моисея и рождество Христово. Следует относиться с предельной внимательностью к подобным образам, если они появляются в сновидениях, поскольку именно так вы поймете, что анализ работает. Пациент находится на пути к рождению как индивид, из состояния сдерживания в племени или коллективной группе в состояние своей индивидуальной уникальности.

Лекция VII

ПАРАГРАФЫ 523–612

В параграфе 523 Юнг делает замечание: «Если бы Гайавате не удалось одолеть его, Мондамин мог бы «убить» его и узурпировать его место, а именно: Гайавата в этом случае мог стать «одержимым» демоном». Здесь представлено нечто очень важное, что Юнг исследует в следующем параграфе (параграфе 524). Отметьте его как крайне значимый. В работах Юнга мы находим определенные места, где он изъясняется с предельной ясностью. Если Вы поймете этот параграф полностью, то вы поймете и юнгианскую психологию:

«Примечательно здесь то, что не Гайавата проходит через смерть и возрождение, чего можно было бы ожидать, а сам бог. Не человек перевоплощается в бога, но бог подвергается трансформации в человека и через человека. Словно он уснул в «матери», то есть в бессознательном Гайаваты, и затем был разбужен и поднят на борьбу, в которой он не должен был победить своего противника, а должен был, наоборот, пережить смерть и возрождение, и появиться в новой форме: в маисовом зерне и растении, полезном человечеству. Соответственно, вначале он появляется в образе врага, в качестве убийцы, с которым и должен сразиться наш герой. Это происходит в согласии с насильственной формой всей бессознательной динамики. В этом виде бог проявляет себя, и в этой форме он должен быть побежден. Сама борьба содержит в себе параллель в битве Иакова с ангелом у брода. Нападение инстинкта теперь становится переживанием божественного, позволяя человеку

не уступать ему и не следовать ему слепо, а защищать свое человеческое против животной природы божественной силы».

Последнее предложение — кульминационная точка. Имеются и другие релевантные линии, но для наших целей сказанного вполне достаточно. Основная идея состоит в том, что если вы не преуспели в сознательном преодолении примитивного проявления инстинкта, то эго становится одержимым этим инстинктом в большей или меньшей степени. В жизни индивида начинают преобладать инфляция некоторого рода или легкая одержимость властью. При условии успешного преодоления натиска инстинкта сознанием примордиальный аспект бессознательной Самости подвергается трансформации. Иными словами, преобразуется богообраз. Вот что выражено всего в одном параграфе.

Что происходит в истории Гайаваты: бог кукурузы Мондамин оказывается побежден, убит и съеден. Одна из картинок в последовательности иллюстрирует это божество (Plate LII). Юнг продолжает развивать тему бога, умирающего и предлагающего себя в качестве пищи. Он говорит об убийстве быка в митраизме, из мертвого быка получается еда. Другим примером служит Христос в Евангелии от Иоанна. Он называет свою плоть хлебом, а кровь вином, и, умирая, становится причастием мессы. Юнг вспоминает убитого Самсоном льва, в мертвом теле которого поселились пчелы. Таким образом лев трансформировался в мед.

В элевсинских мистериях известен спуск посвящаемых в глубины и возвращение, причем на обратном пути они приносили с собой пшеницу; итогом нисхождения являлась пища. Мы видим примеры одного и того же базового архетипа — архетипа божества, обычно жертвующего собой тем или иным образом в качестве пищи для эго или всего человечества. Позже мы обсудим символизм жертвы более подробно. В параграфе 528 Юнг пишет: «...Гайавата только в глубочайшей интроверсии, спустившись во тьму ночи к матерям, находит то, что он ищет, то есть Мондамина». К этой фразе дана сноска (№ 62):

«Точной параллелью этому является японский миф об Идзанаги, который, последовав в подземный мир за умершей супругой, умоляет ее вернуться. Она согласна на это, но просит его: „О, если бы ты мог не смотреть на меня!“ Идзанаги же зажигает свет своим гребнем, то есть „мужской частью“ гребня, в результате чего теряет свою супругу. Вместо „супруги“ выступает „мать“, „анима“, „бессознательное“. Вместо матери герой добывает огонь, точно так же, как Гайавата — маис, Один — руны и т. д.».

Западным вариантом данной истории служит миф об Орфее, который спускается в преисподнюю, пытаясь вызволить жену Эвридику. Этот миф особенно важен для аналитического процесса, так как он символизирует то, что происходит при каждом глубинном анализе. Таким образом, каждая версия мифа имеет к нам отношение. История Идзанаги в сравнении с историей Орфея делает очень интересный поворот. После смерти жены безутешный Идзанаги, как и Орфей, спустился в ад, чтобы спасти ее, однако ее отказались отпустить, потому что она уже успела отведать местной пищи (так же как Персефона, съевшая зернышко граната). Обсудив свою беду с повелителем ада, Идзанаги потерял терпение. Несмотря на запрет, он зажег факел и пошел на поиски жены, и обнаружил ее разлагающееся, кишашщее червями тело. Это новый аспект, не упомянутый в мифе об Орфее. Идзанаги в ужасе бежал, а жена прокричала ему вслед: «Ты оскорбил меня».

Можно проследить весьма интересную параллель с мифом об Амуре и Психее, и я советую вам ознакомиться с данным сюжетом в эссе Эриха Нойманна.¹ Амур и Психея блаженствовали в браке, но Психея никогда не видела супруга. Амур строго сказал Психее: «Ты не смеешь видеть меня». Подобно Идзанаги, она проявила неповиновение и, когда Амур спал, зажгла свечу и взглянула на него. Амур улетел прочь, а Психее пришлось пройти множество испытаний, чтобы вновь с ним соединиться. В истории Идзанаги особенно интересно недвусмысленное утверждение

¹ Erich Neumann, «Amor and Psyche», Princeton University Press, 1956.

одного из аспектов бессознательного. На первый взгляд вы видите отрицательное нуминозное, представленное в мифе об Изнаги гниющим трупом его жены. Это один из аспектов входа в бессознательное с зажженным факелом сознания. Вы можете столкнуться с гораздо большим, нежели можете вынести. Если вы знакомы с этим вариантом мифа, он способен придать вам сил, чтобы вам не впасть в полное отчаяние. Внезапное зрелище безграничности тьмы в человеческой душе может оказаться непомерной ношей. Пока вы ходите вокруг да около с небольшим светильником, вы никогда не узнаете то, что собираетесь увидеть. Так что такая мифологическая история — хороший материал для ознакомления.

В параграфе 553 Юнг дает великолепное резюме предыдущей части; я не могу пройти мимо одного из его параграфов, растянувшихся на две с половиной страницы. Замечательное резюме, и я процитирую его с сокращениями:

«Из обвивающих его объятий, из всеохватывающего лона вод вырывается солнце, победоносно поднимается ввысь и затем — снова опускается в море, символ матери, в ночь, все скрывающую, всему вновь дарующую рождение, оставив далеко позади и полуденную высоту, и все исполненное им с великим блеском дело. Эта картина по глубочайшему своему смыслу ранее всякой другой может стать символическим прообразом человеческой судьбы. На восходе жизни человек болезненно отрывается от матери, от родного очага, чтобы в непрестанной борьбе достигнуть доступной ему высоты, не видя величайшего своего врага, скрывающегося в его собственном сердце, — смертоносного томления по той пропасти, которую он несет в себе самом, стремления потонуть в источнике, давшем ему жизнь, быть поглощенным в „области Матерей“... Естественное течение жизни требует, чтобы молодой человек пожертвовал своим детством и своей детской зависимостью от физических родителей, иначе он рискует быть пойманным телесно и духовно в сети бессознательного инцеста. Эта регрессивная тенденция с наидревнейших времен сталкивается с жесткой оппозицией в лице великих психотерапевтических систем, которые известны

нам под именем религий. Они стремятся создать автономное сознание, отлучая человечество от детского сна... Тем не менее, демон бросает нас ниц, делает нас предателями своих идеалов и взлелеянных убеждений — предателями по отношению к тем, кем мы себя мнили. Это — неослабляемая катастрофа, потому что она есть *нежелаемая и ненамеренная жертва*. Дела идут совершенно по-другому, когда жертва преднамеренна... Однако за каждым спуском следует подъем; исчезающие формы формируются вновь, и та или иная истина пригодна в конце, если она выстрадает изменение и вынесет новое свидетельство в новых образах, на иных языках, как новое вино, которое разлито в новые бутылки».

В этом резюме Юнг касается другого предмета. Начиная с параграфа 555, он говорит о мифе о Зигфриде, разработанного Рихардом Вагнером в его великом оперном цикле «Кольцо Нибелунгов». Не думаю, что американцы так же хорошо знакомы с данным материалом, как европейцы, и собираюсь передать вам краткое содержание. Миф содержит некоторые близко соответствующие нашим исследованиям темы, имеющие психологическое значение.

Согласно мифу, существуют четыре различных мира: мир богов, великанов, карликов (Нибелунгов) и людей. В начале мифа говорится о бесценном золотом кладе, который вместе с волшебным золотым кольцом лежит на дне Рейна, и стерегут его речные девы. Кольцо — редкое сокровище, потому что тот, кто владеет им, может править миром. Однако любой, завладевший кольцом, в тот же момент получает и проклятие. Когда-то кольцо украл карлик, но Вотан отнял добычу, чтобы заплатить великанам за строительство Валгаллы. Великаны получили кольцо и оставили его под охраной дракона Фафнира. Вотан вначале хотел вернуть кольцо, но оно — и это представляет собой весьма интересный психологический момент — потребовало, чтобы его возвратил человек-герой. По некоторым причинам боги не могли вернуть кольцо сами, они не были всемогущи. Для этой цели был зачат и рожден герой Зигфрид. После смерти родителей Зигфрида воспитал карлик. Когда пришло

время, Зигфрид убил Фафнира и добыл кольцо и золото. Клад украл карлик Альберих, но Зигфриду досталось кольцо, хотя он и не знал, для чего оно было нужно. В истории есть интерлюдия о Зигфриде и Брунгильде — своего рода драма анимы.

Брунгильда оказывается спящей внутри огненного круга. Зигфрид спасает ее и отдает ей кольцо. Затем Зигфрид попадает под власть злых чар другой женщины и отнимает кольцо у Брунгильды. В ходе всех этих событий Зигфрида предательским образом убивают, Брунгильда принимает смерть на его погребальном костре, а кольцо возвращается рейнским девам. В конце всей драмы боги встречают свою погибель. Такова основная канва истории.

Есть несколько пунктов, особенно релевантных в психологическом отношении. Первое: сокровище находится в бессознательном, причем не в верхних отделах (владения богов), а в его нижних областях. Второе: для обретения сокровища нужен человек, что указывает на факт, что для искупления и трансформации примитивного богообраза требуется сознательное эго. Третье: героическое эго, представленное Зигфридом, способно исцелить, но не способно удержать его, потому что не ведает что творит. Четвертое: эго на данной стадии нуждается в связи с анимой, чтобы выжить. На этом месте Зигфрид пал. Он не преуспел в создании сознательной связи с Брунгильдой. На этой стадии цикла, когда анима расщепляется на множество фигур, Зигфрид поддается чарам и не знает, что его поразило. Сознательная установка на аниму, что означает сознательное отношение к бессознательному, необходима, но находится за пределами психологических способностей этой драмы.

Все, что нужно, — не героическое эго, а эго в юнгианском понимании. Почему я использую такой термин? Этот миф — и вот почему я уделяю ему столько внимания — определенно юнгианский. Причину Юнг излагает в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях»,² рассказывая о сновидении, посетившем его в 1914 году и ознаменовавшем полное столкновение с бессознательным:

² C.G. Jung, «Memories, Dreams, Reflections», Vintage Books, 1963.

«Я оказался где-то в горах с незнакомым темнокожим юношей, по-видимому дикарем. Солнце еще не взошло, но на востоке уже посветлело, и звезд не было видно. Внезапно раздался звук трубы — это был рог Зигфрида, и я знал, что мы должны убить его. У нас было оружие, мы затаились в засаде, в узкой расселине за скалой. И вот на краю обрыва, в первых лучах восходящего солнца, появился Зигфрид. На колеснице из костей мертвецов он стремительно мчался вниз по крутому склону. Как только он возник из-за поворота, мы выстрелили, и он упал лицом вниз навстречу смерти.

Мучимый раскаянием и отвращением к себе — ведь я погубил нечто столь величественное и прекрасное, — я бросился бежать. Мною двигал страх, что убийство раскроется. Тут обрушился ливень, и я понял, что он уничтожит следы преступления. И так, я спасен, и жизнь продолжается. Но невыносимое чувство вины осталось.»

Этот сон невероятно взволновал Юнга. В конце концов, ему открылся смысл:

«Лихорадочно перебирая в уме все детали сна, я вдруг понял его значение. Он был о событиях, происходивших в мире. Зигфрид, думалось мне, является воплощением всего того, чего хотела достичь Германия: навязать миру свою волю, свой героический идеал, «Воля пролагает путь». Таков был и мой идеал. Сейчас он рушился. Сон ясно показывал, что героическая установка более не допустима, и Зигфрид должен быть убит...»

Установка героического эго важна лишь в первой половине жизни. При переходе рубежа середины жизни, где требуется сознательная индивидуация, героическая установка должна отмереть, что нам ясно дает понять миф. Эго героическим образом способно захватить все, что хочет, но оно не знает, что делать с захваченным, и становится им одержимо. Хочу обратить ваше внимание на параграф 569:

«Фафнир сторожит сокровища. В его пещере скрыт клад — источник жизни и могущества. Мать владеет либидо сына — сокровище, которое она столь ревностно сторожит. Это продолжается до тех пор, пока сын остается в бессознательном положении относительно себя. На психологическом языке это означает, что „сокровище, которое трудно добыть“ спрятано в материнском имаго, то есть в бессознательном. Этот символ указывает на один из жизненных секретов, выраженных бесчисленными символическими способами в мифологии. Когда такие символы появляются в индивидуальных сновидениях, то их обнаруживают по признаку, указывающему на нечто вроде центра всеобщей (*total*) личности, психической всеобщности, состоящей как из сознания, так и бессознательного».

Конечно, это стало основной символикой Цикла Кольца — круг.

Существуют разные способы справиться с бессознательным в чудовищном образе, что и описывает Юнг в параграфе 571:

«Так в Риме ежегодно бросалась денежная жертва в прежнее жерло земных недр, которое закрылось лишь благодаря жертвенной смерти Курция. Курций был типичным героем, спустившимся в подземный мир, дабы побороть опасность, угрожающую Риму из раскрывшихся недр земли».

Эта история не относится к широко известным мифам, и я хочу сказать еще несколько слов. В мифе говорится о том, как некое разрушительное землетрясение или другое страшное событие вызвало появление огромной пропасти посреди римского Форума. Дыра в земле была настолько глубока, что ее никак не удавалось заполнить, и предсказатели объявили, что, если римляне желают своему городу стоять вечно, они должны пожертвовать этой пропасти саму силу Рима. Марк Курций в ответ сказал, что наивысшей ценностью римлян являются их оружие и их доблесть. Граждане с ним согласились. Курций

облачился в доспехи, сел верхом на боевого коня и бросился в пропасть. Разверзшаяся земля тут же закрылась.

О чем здесь идет речь? Предсказатели велели римлянам пожертвовать этой пропасти то, что составило их главную силу: оружие и доблесть. Другими словами, римский героизм. Такова была основная природа Рима на его пике — установка торжествующего эго, власть эго. Миф верен, но Рим сознательно ему не следовал, и впоследствии должен был пасть до разрушения. Героическое эго, представленное оружием, доблестью и властью Рима и олицетворенное героем Курцием, предложило себя в жертву, которая уничтожила пропасть. В психологическом плане мы видим, как перед эго разверзается пропасть бессознательного и угрожает его поглотить. Тот способ, которым эго заставляет пропасть, сомкнуться и достигнуть с ним соглашения, — путь жертвы героической установки эго. Именно так это делается, именно так делал это Юнг. Поскольку бессознательное открылось угрожающим образом, у него было сновидение об убийстве Зигфрида, который спас его. Данный сон — точная копия мифа о Курции, весьма фундаментальный образ, и может настать момент, когда вам придется о нем вспомнить.

В параграфе 572 Юнг говорит о различных входах в подземное царство мертвых: «...возле Элевсина находилось жерло, через которое спустился и поднялся Аидоней (Адонис) при похищении Кору (Персефоны)...» Основным образом этого места служит *katabasis*, что означает «нисхождение». Очень релевантный символический образ, потому что в аналитическом процессе мы ищем локусы, где может иметь место *katabasis*. Место, однажды найденное, оказывается сосредоточением основных комплексов. Они будут отлично защищенными, и каждый раз, когда кто-то затронет ваш главный комплекс, вы постараетесь его автоматически оттолкнуть. Если в аналитическом процессе удастся пробить эту оборону и раскрыть вас, то обнаруживается вход в подземелье в самом ядре комплекса, и появляется возможность войти в бессознательное. Ищите места, где можно спуститься вниз.

Лекция VIII

ПАРАГРАФЫ 613–685

Заключительное видение в сновидении мисс Миллер описано в параграфе 613. В нем Шивантопель говорит о поиске задушевной подруги и понимает, что ее ему никогда не найти, потому что их разделяют десять тысяч лун. На героя бросается из кустов зеленая гадюка и кусает лошадь и Шивантопеля. Они умирают. Таков основной образ.

Образ соответствует названию последней главы («Жертва»), потому что возникает ощущение, что смерть со стороны Шивантопеля и его лошади была полу-добровольной. Тема жертвы проходит через весь следующий материал. В параграфе 615 Юнг указывает на различия важной пары противоположностей, главной в работе психики: природы и духа. Он цитирует свой любимый отрывок из «Фауста», где главный герой говорит своему земному коллеге, Вагнеру: «Да, ваши речи, с праздным блеском их, / В обман лишь вводят вычурой бесплодно», — тогда как Фаусту известно, что в его груди обитают две души. Юнг продолжает:

«Но мисс Миллер, кажется, находится на пороге забвения, в ситуации, когда суета жизни забывается ради другого. Поступая так, она не избегает опасности односторонности, но лишь меняет ее знак. Тот, кто любит землю и земную славу и забывает о «темных сферах», или путает эти два начала, обладает мужеством противостоять своему врагу. Для того же, кто устремляется от земли и попадает в «объятия вечности», сама жизнь выступает в качестве врага. Что как раз и произошло с героем Шивантопелем, который воплощает для мисс Миллер духовность

мира, — он сталкивается с зеленой змеей. Зеленый — это цвет восхода нумена („зеленый — это жизнь золотого дерева“), а змея — представитель мира влечений, в особенности тех жизненных процессов, которые менее всего доступны психологически. „Змеинные“ сны всегда указывают на расхождение между установкой сознательного разума и влечением, сама змея является персонификацией угрожающего аспекта этого конфликта.»

Эту пару противоположностей следует всегда иметь в виду при начальной оценке пациентов. Задайте себе вопрос в спектре духа/природы: где этот индивид нисходит? Почти всегда вы найдете нечто, так как пациент приходит к вам, находясь в психологически затруднительной ситуации, и вы увидите некоторый перекося с одной стороны или с другой. На рубеже веков у большинства венской клиентуры Фрейдя напрочь отсутствовал полюс природы. В настоящее время, в существующей обстановке, маятник качнулся в противоположном направлении. Обнаружение существования подлинного духовного измерения психики иногда становится шоком для современного человека, потому что он выпал из коллективной осознанности.

Начиная с параграфа 617, Юнг говорит о невротике, который пытался уклониться от необходимости жить, но ничего не выиграл, а всего лишь впал в пустоту и бессмысленность существования:

«Если для либидо невозможно стремиться и двигаться вперед, с готовностью принимать любые опасности жизни и даже смерть и гниение на завершающем этапе, то оно устремляется назад по другой дороге, и погружается в свои собственные глубины, постепенно спускаясь к старым представлениям о бессмертии всего живущего, к прежнему стремлению к возрождению.»

Данный отрывок напоминает Юнгу о поэте Гельдерлине, которого он пространно цитирует. Не думаю, что Гельдерлин известен в Америке так же, как в Европе, и мне следует сказать о нем несколько слов. Он родился в 1770 году в Германии, в тот же

год, что и Бетховен. Отец поэта умер, когда ему было 2 года, мать вступила в повторный брак несколько лет спустя. Отчим умер, когда ему исполнилось 9 лет. Таким образом, в первые годы жизни он столкнулся с утратой отца дважды. Мать Гельдерлина, дочь пастора, сыграла крайне важную роль в его воспитании и хотела, чтобы он стал священнослужителем. Гельдерлин поступил в семинарию, но служить не стал — это ему подошло. Вместо этого он стал развивать свой поэтический дар и принялся работать частным учителем. Казалось, что ничего не получится, у поэта обнаружилась хроническая проблема с адаптацией к мирской реальности. Однажды он влюбился в жену богатого франкфуртского банкира, в доме которого служил учителем. Чтобы показать вам его взгляд, скажу, что Гельдерлин называл своею возлюбленную Диотимой, считая ее перевоплощением древнегреческого духа. Роман был краток: после болезненной сцены с мужем Диотимы Гельдерлину пришлось уехать. Тогда ему было приблизительно двадцать пять лет. К тридцати двум годам он заработал умственное расстройство и, несмотря на частичную ремиссию, в тридцать шесть лет оказался больным хронической шизофренией. Хотя он скончался после семидесяти, его продуктивная жизнь была завершена к тридцатилетнему возрасту. Гельдерлин и дальше работал учителем, но, когда адаптация к обществу ему отказывала, он возвращался домой к матери на некоторое время, а затем снова приступал к работе. Его литературные друзья, самым известным из которых был Шиллер, признали его гений и изо всех сил старались выручить Гельдерлина, однако его это оказалось слишком слабо для фундаментальной адаптации.

Так часто случается — сама проницаемость эго делает индивида открытым для поэтического аспекта бессознательного, но в то же время оставляет его особенно бессильным при адаптации к действительности. Признание Гельдерлина как одного из выдающихся немецких поэтов-лириков пришло лишь спустя 100 лет после его смерти. Сегодня его ставят в ряд великих, особенно восхищаясь уникальным выразительным стилем. Литературное развитие и психологическое состояние Гельдерлина отличалось страстной силой и попытками примирить две струны его души: религиозный дух и верования античной

Греции, с одной стороны, и христианство — с другой. Вера в древнегреческих богов опирается на дионисийскую природу, тогда как христианство — на одностороннюю духовность. Тот самый конфликт природы и духа, о котором Юнг пишет в этой главе, Гельдерлин пережил на собственном опыте.

В параграфе 624 (сноска 15) Юнг приводит пример из практики: случай шизофрении, когда пациент ощущал особого рода связь с солнцем и звездами. В другом случае Юнг рассказывает о пациенте, понимавшем язык птиц, которые передавали ему весточки от возлюбленной. Мне вспоминается случай многолетней давности в больнице штата Рокленд, вписывающийся в эту же картину. Пациент, молодой священник, обладал односторонним духовным взглядом на окружающий мир. Дебют его психоза выразился в том, что он вообразил себя Христом, вновь явившимся в мир. Характерной чертой психоза стало то, что больной получил сообщение от бога о своем втором пришествии через птиц, порхавших за окном больницы.

Смотрите, что происходит. Пациент в один и тот же момент сознательно свертотождествляется с духом, и попадает в примитивный режим опыта, воображая свое общение с птицами естественным явлением. Своего рода примитивное *participation mystique* (мистическое участие) в природе. Пример показывает нам, что сам психотический процесс пытается выровнять односторонность сознательного эго пациента. Разумеется, если данное символическое исправление производится конкретно и буквально слабым эго, то оно проявляется как психоз. В параграфе 624 Юнг цитирует стихотворение Гельдерлина:

Поднималась к каменной вершине
И лазурь сияла среди листов
Я стоял, осыпанный цветами,
Их дыханье пил, а в вышине
Плыло осиянными путями
Золотое облако ко мне.

Юнг дает наблюдение в сноске 17: «Этот образ выражает состояние божественного или инфантильного блаженства...»

Хочу привлечь ваше внимание к тому факту, что божественное блаженство или инфантильное блаженство представляют собой одно и то же. Так называемое «инфантильное блаженство» является опытом младенца, когда эго-сознание едва-едва начинает рассветать, и возникающее эго находится в общении с архетипическим миром. Именно это и есть божественное блаженство — нахождение в архетипическом мире и единение с ним. Хотя это блаженство действительно носит инфантильный характер, у него нет инфантильного значения, зато имеется личное трансцендентное значение. В стихотворении Уильяма Вордсворта младенцы приходят в мир, выражая появление эго из состояния божественного блаженства: «Не в первозданной наготе, / А в ореоле славы мы идем / Из мест святых, где был наш дом!» («Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства. Ода», пер. Г. Кружкова — *прим. переводчика*). Это очно совпадает с тем, что Юнг рассказывал о своих самых ранних воспоминаниях (см. «Воспоминания, сновидения, размышления»)¹:

«Я лежу в детской коляске в тени дерева. Стоит чудесный, теплый летний день, небо голубое, и золотистый солнечный свет проникает сквозь зеленую листву. Верх коляски поднят. Я только что начал ощущать красоту этого дня, и мне неописуемо хорошо. Я вижу, как солнце просвечивает сквозь листья деревьев и цветущие кустарники. Все совершенно удивительно, ярко, великолепно.»

Такова одна из версий видения блаженства. Когда человек прикасается к райскому уровню психики (при условии сознательного контакта), имеет место исцеляющий эффект; но если его притягивает бессознательно словно магнитом, регрессивно, то оздоровления не происходит. Тогда индивида отбрасывает к инфантильной установке существования. Отсюда и возникают различия: происходит ли регрессивный процесс сознательно или бессознательно. Юнг считает нужным подчеркнуть в параграфе 625:

¹ Ibid., p. 6.

«Этот возврат в прошлое рассматривается как бессознательная компенсация, содержание которой должно стать осознанным, если ей (компенсации) предстоит быть в той или иной степени результативной. Это может быть достигнуто только лишь сознательной регрессией наряду с депрессивной тенденцией и интеграцией самих воспоминаний, столь активизировавшихся в сознательном разуме».

Поднимался вопрос: как прикоснуться к бессознательному, если это может иметь такие отрицательные эффекты всего из-за одного регресса. Это замечание разъясняет проблему. Сознательный регресс вылечивает, бессознательный — разрушает. Я также хочу привлечь ваше внимание к тому, что Юнг говорит о депрессии. Меня очень тревожит то, что в современном психиатрическом и психологическом языке термин депрессия используется как своего рода отдельное определение заболевания, которое следует одолеть любыми возможными средствами. Приняв динамическое понимание природы психики, вы поймете слова Юнга о том, что в сердцевине депрессии, как и всякой другой психологической симптоматологии, находится *telos* (скрытое намерение), если толковать его целеустремленно. Юнг говорит, что депрессию следует расценивать как бессознательную компенсацию. Точнее выражаясь, обычно депрессия является бессознательным осуществлением интроверсии, последствием когда-то сработавшей односторонней экстравертной установки. Также это верно и в случаях реактивной депрессии, которые следуют за утратой любимого человека. И даже тогда депрессия является вынужденной интроверсией, поскольку психика требует от индивида вернуть проецирование, которое направлялось на потерянную любовь. Это жизненно важно, ибо в случае неудачи, если мертвый любимый человек все еще несет значительную часть вашей психики, покойный может высосать из вас все силы и забрать в свою могилу.

В остальной части главы вполне явно рассматривается символизм жертвы в плане того, чем следует поступиться при различных обстоятельствах. Например, в абзаце 652 Юнг говорит о творящей жертве, космогонической жертве, которая заставляет мир существовать:

«Совершенно очевидно, что тут речь идет не о физической, а о психологической космогонии. Мир возникает тогда, когда человек его открывает. Он же открывает его, пожертвовав своим пребыванием в первичной матери, первоначальным состоянием бессознательного».

Юнг продолжает рассуждать об изначальном единстве с первородной матерью, как исходном состоянии символического инцеста. Когда индивид освобождается из состояния оригинального кровосмешения, запрет на инцест воспрепятствует ему туда возвратиться.

Это — важная для понимания проблема психотерапевтических операций, так как в мире существует множество людей, так никогда и не пожертвовавших своим единством с изначальной матерью. В лучшем случае, это представляет собой относительный процесс. В различной степени мы все привязаны к первородной матери или какой-то версии материнского архетипа. Однако имеются различные градации данного положения. Вам следует проявить хорошую проницательность, чтобы увидеть привязанность к материнскому архетипу. Эту привязанность наиболее легко распознать, когда пациент все еще психологически принадлежит к своей родной семье. Либо с финансовой точки зрения: его содержат родственники или он проживает в семейном доме. Тем не менее, даже при условии возможного достижения им экономической независимости, психологическая независимость представляет собой совершенно иное. Удивительно видеть, как хорошо образованные, умные люди остаются бессознательно прикованными к психологии своей семьи, группы, церкви, этноса или другого коллектива. Вы заметите, что их критика группы на самом деле означает личную критику. Это крайне важная проблема, так как представляет идею привязанности к материнскому архетипу любой разновидности. Вот вам одна из тех вещей, которые необходимо принести в жертву ради сознательного развития. В параграфе 655 Юнг делает другое интересное наблюдение:

«Что действительно случается в этих фантазиях об инцесте и материнской утробе, так это то, что либидо

погружается в бессознательное, тем самым провоцируя инфантильные реакции, аффекты, мнения и установки из личностной сферы, одновременно активируя коллективные образы (архетипы), имеющие компенсаторное и исцеляющее значение, которое всегда принадлежало мифу. Фрейд делает свою теорию неврозов, столь восхитительно соответствующую характеру невротиков, слишком зависимой от невротических идей, от которых, собственно, и страдают сами пациенты. Это ведет к утверждению (*pretence*), что *causa efficiens* его невроза лежит в отдаленном прошлом, что соответствует невротическому «спуску» до самого основания.»

Есть и другое, чем мы должны пожертвовать: инфантильной теорией невроза. Это необходимо для подлинного психологического развития. Инфантильная теория невроза во всем винит родителей. Мне дела нет до того, были ли родители в действительности достойными людьми или нет. Процесс их обвинения является инфантильным действием, свойственным инфантильной душе. Хотя все время приходится искать и оценивать опыт детства, лечения в этом пункте не найти. Именно инфантильной теорией придется пожертвовать. Именно так приносится в жертву сама инфантильная душа. Вы должны пожертвовать своим стремлением жаловаться на данных вам судьбой родителей, поскольку это ведет к проигрышу. Вам не выйти из младенчества, если вы не сможете пожертвовать своими жалобами.

В видении мисс Миллер лошадь и герой составляют часть жертвы, и это поднимает серьезный вопрос: как нам следует понимать возникающий в сновидениях образ смерти или тяжелой болезни крупных животных, размером с лошадь или корову. Это зловещий образ, означающий умирание весьма значительной части инстинктивного основания человека. Иногда это может означать и серьезную физическую болезнь. По крайней мере, этот образ означает, что на инстинктивном уровне потребуется значительная сознательная жертва, дабы предотвратить серьезное бессознательное событие. В параграфе 659 Юнг рассказывает об образе поваленной сосны:

«Срубание дерева имеет параллельный мотив кастрации, являясь напоминанием о ней. В этом случае дерево имеет больше фаллическое значение. Но, поскольку дерево прежде всего обозначает мать, то оно несет в себе значение материнской жертвы... Этим знаменателем является само либидо: сын персонифицирует стремление к матери, существующей в психическом каждого индивида, который оказывается в подобной ситуации. Мать персонифицирует инцестную любовь к сыну. Дерево персонифицирует мать, с одной стороны, и фаллос сына — с другой. Фаллос, в свою очередь, олицетворяет либидо сына. Срубание сосны, то есть кастрация, означает жертву этого либидо...»

А теперь, чтобы свести этот материал к клинической практике, рассмотрим, как нужно интерпретировать образ срубленных деревьев в сновидениях. Обычно срубание крупного дерева указывает на преобразование значительной суммы либидо в вегетативном состоянии. Мне встретился поразительный пример в конце личного анализа Эстер Хардинг. Поскольку перенос удерживался, и я признавал ее человеческие ошибки, мне приснился сон, как огромное дерево упало во дворе дома моего детства, а задача состояла в том, чтобы распилить его на дрова. Общая символика падающих деревьев в сновидениях указывает на процесс перехода какой-то большой части либидо от одного уровня осознанности на другой. Растительный уровень осознанности крайне низок. Деревья не очень-то сознательны. Каждый раз, когда вы сталкиваетесь с подобным сновидением, поинтересуйтесь, что происходит в жизни пациента. Очень часто этот образ представляет вывод-заключение из некоторых бессознательных отношений.

В параграфе 671 Юнг пишет о значении жертвоприношения. Он говорит в качестве примера об однократной жертве девы дракону, когда принесенный объект символизирует желания человека. Также он говорит о жертвоприношении первенца и замене такой жертвы, самокастрации и обрезании, как более мягкой версии. В Малой Азии жрецы Великой Матери иногда кастрировали себя в оргии поклонения

богине. Затем Юнг упоминает древнюю идею человеческой жертвы. Если мы заглянем достаточно далеко в прошлое, мы найдем следы принесения в жертву людей почти повсеместно. Это иллюстрирует, насколько глубокое воздействие оказывал образ жертвы на примитивного человека — до возникновения ритуала человеческой жертвы. Юнг говорит о значении жертвы как отказа власти эго. Человеческие жертвоприношения, таким образом, означают жертву того, что определенно делает человека человеком — эго, где размещается человеческое сознание. Человеческая жертва представляет собой самый жестокий и немилосердный аспект человеческого существования на более низком уровне развития. На верхнем уровне она символически обозначает наивысшее сознание, которое в состоянии пожертвовать властью эго так, чтобы Самость, надличностный центр, смогла реализоваться.

В параграфе 681 Юнг пишет о значении укусов ядовитой змеи в сновидениях. В параграфе 585 есть и другая ссылка на этот вопрос. Юнг рассказывает об одном пациенте, которому приснился сон о змее, бросившейся из пещеры и укусившей его в область гениталий. Сновидение явилось в тот момент, когда пациент был убежден в истине анализа и начал освобождать себя от связи с материнским комплексом. Юнг интерпретирует это сновидение следующим образом: пациент почувствовал, что делал успехи и приобрел больший контроль над собой, но в данный момент испытал побуждение идти еще дальше, а также ощутил, как напряглась и натянулась его привязанность к матери.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги моих замечаний касательно «Символов трансформации». Данная книга имеет фундаментальное значение для понимания юнгианской психологии по двум причинам. Во-первых, она отмечает расхождение научных путей Фрейда и Юнга, поскольку Юнг вышел за пределы личного понимания подсознательного Фрейдом и продолжил работу, сделав собственное великое открытие коллективного бессознательного. Во-вторых, тема преобразования либидо является центральной в юнгианской психологии, став полным исцелением как алхимическое преобразование *primamateria*,¹ и, наконец, в «Ответе Иову»² — Преобразованием в богообраз.

¹ See C.W. Vols. 12,13, & 14.

² C.G. Jung, «Psychology and Religion: West and East», C.W. VolLII, Princeton University Press, 1969.

Эдвард Эдингер

**ВВЕДЕНИЕ В «MYSTERIUM
CONIUNCTIONIS» К.Г. ЮНГА**

**АЛХИМИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ИНДИВИДУАЦИИ
ЛЕКЦИИ**

1

Сегодня мы будем говорить о заключительной работе Юнга, «Mysterium Coniunctionis», изданной в 14 томе его собрания сочинений.

Эта превосходная книга нам, простым смертным, представляется чрезвычайно сложной. Как мне кажется, ее трудность заключается в том, что Юнг писал свою работу скорее для будущих поколений, нежели для современников. Книга родилась из огромного объема психологического опыта и широты представлений, до которых не дорос пока никто из нас. Однако я чувствую, что мы не можем остаться верны наследию Юнга, если не приложим серьезных усилий в попытке осмыслить «Mysterium». Я старался и продолжаю стараться понять. Надеюсь то, что я собираюсь вам рассказать, откроет достаточно материала, который подвигнет вас на подобные усилия.

В подзаголовке «Mysterium Coniunctionis» стоит: «Исследование сепарации и синтеза противоположностей души в алхимии». Зададимся вопросом: почему алхимия? Какое отношение она имеет к современному уму? Дело в том, что алхимия дает нам уникальную возможность бросить взгляд в глубины бессознательной психики, возможность, которую не предоставит никакая другая система символов. Об этом говорит Юнг в «Философском Древе»:

«[Мы] должны обратиться к тем периодам в истории человечества, когда символы все еще продолжали свободно формироваться, то есть, во времена отсутствия эпистемологической критики формирования образов, когда факты, сами по себе неизвестные, могли быть

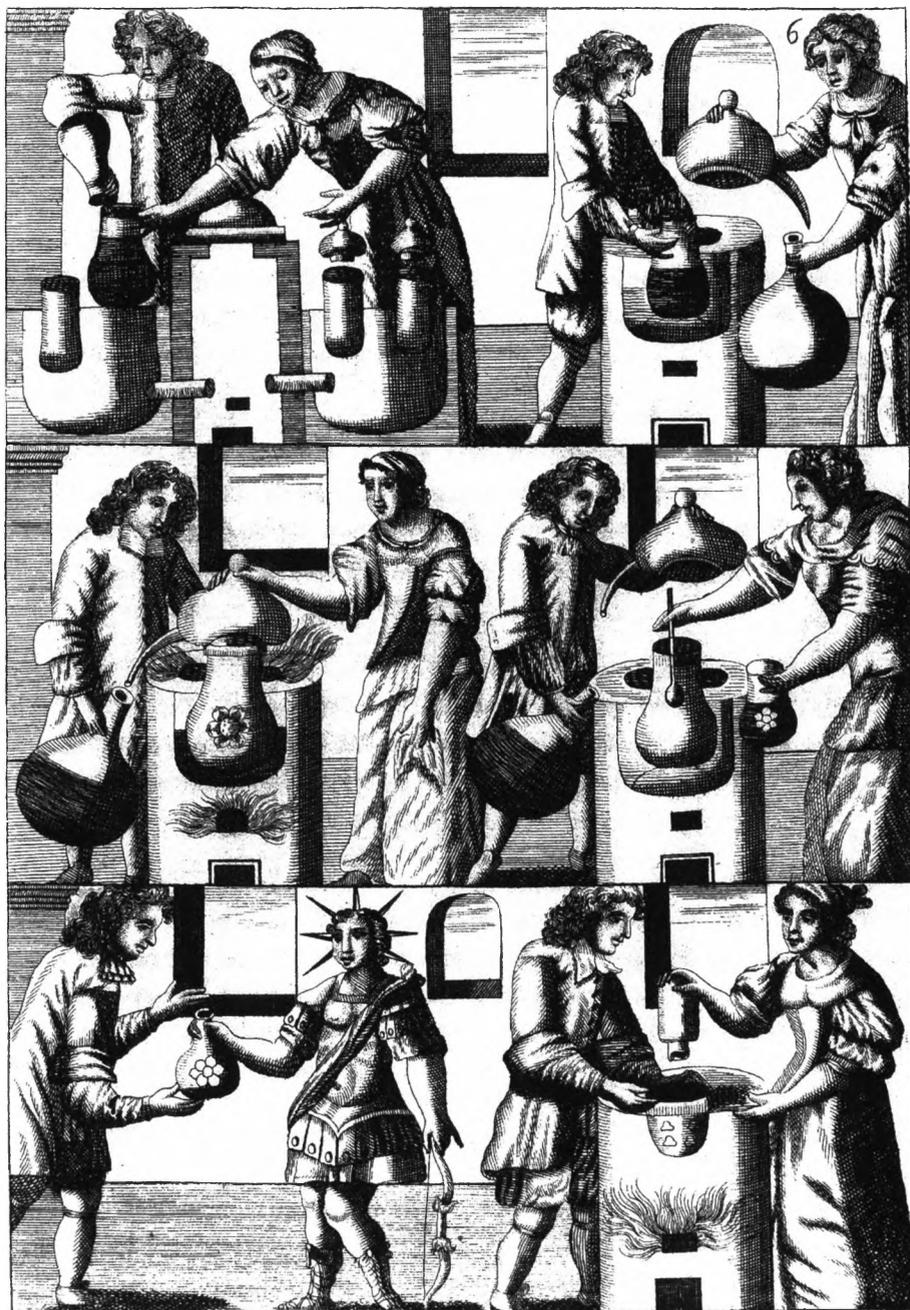
выражены в определенной визуальной форме. Наиболее близкий к нам такой период — эпоха средневековой естественной философии, которая... достигла расцвета в алхимии и герметической философии».¹

Алхимики сошли со сцены при зарождении современного исследовательского духа, но, будучи сами исследователями природы материи, они остались наполовину усыпленными. Стремясь изучить вновь открытые перспективы, алхимики спроецировали фантазии и мечты на материю. В действительности им грезился гигантский коллективный сон, с применением химических операций и материалов как образов и предметов сновидения. Алхимия и представляет собой великое коллективное сновидение, а то, что делает ее столь важной для нас, — это сновидение о наших предках. Алхимики пустили корни в унаследованной нами западной душе, и их образы, фантазии и грезы составляют наши фантазии и сновидения.

Юнг великолепно это продемонстрировал в основных работах по алхимии. Он указал, что если мы внимательно присмотримся к алхимическим образам, то мы найдем тот же самый материал, который появляется в наших сновидениях. Именно поэтому алхимия достойна рассмотрения. Прежде чем углубиться в предмет, я хочу рассказать вам историю, которую однажды поведал Юнг:

«Я часто вспоминаю письмо, полученное однажды утром: несчастный клочок бумаги от женщины, которая захотела увидеть меня лишь однажды в жизни. Письмо произвело на меня очень сильное впечатление, даже не знаю почему. Я пригласил ее приехать, и она приехала. Она жила в нужде, и также была бедна интеллектуально. Наверное, она даже не окончила начальную школу. Женщина работала на своего брата, у которого был небольшой газетный киоск. Я мягко ее спросил, действительно ли она поняла мои книги, которые, по ее словам,

¹ «Alchemical Studies», CW 13, par. 353.

Алхимики за работой. Mutus Liber. 1702

она читала. И она дала экстраординарный ответ: „Ваши книги, герр профессор, — не книги, они — хлеб“». ²

Тора является хлебом для набожного иудея. Евангелия представляются хлебом верующему христианину. Для правоверного мусульманина хлеб — Коран. Почему? А потому, что все эти священные писания являются сокровищницами архетипов, в специфическом религиозном и культурном контексте. «Mysterium Coniunctionis» должно войти в этот список по той же причине. Данная книга — клад архетипов, равно как и хлеб. Позвольте мне дать вам несколько примеров того, как архетипическая психика идентифицирует себя с хлебом.

Во Второзаконии мы читаем: «[Он] питал тебя манною..., дабы показать тебе, что не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек». ³

В Притчах Соломоновых Божественная Мудрость гласит: «идите, ешьте хлеб мой». ⁴

В Книге Екклесиаста о Мудрости сказано: «Она даст ему хлеб понимания в пищу». ⁵

Христос говорит о себе: «Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек». ⁶

В Коране существует образ накрытого стола с едой, посланной Аллахом с небес для уверовавших. ⁷

Философский Камень алхимиков носит название *cibus immortalis*, пища бессмертия.

«Mysterium Coniunctionis» принадлежит к той же категории. Это — хлеб для души. Мне кажется, это признает любой, у кого имеются живые отношения с бессознательным, и кто консультируется с этой книгой в поиске соответствующих образов, подпитывающих связь с душой и ее понимание. Можно сказать и так:

² C. G. Jung Speaking: Interviews and Encounters, p. 416.

³ Втор. 8:3.

⁴ Прит. 9:5.

⁵ Еккл. 15:3.

⁶ Инн. 6:51.

⁷ Коран, сура V, 112.

«„Mysterium Coniunctionis“ — библия души». Ее не просто надо прочитать от корки до корки. С этой работой следует постоянно сверяться для понимания и амплификации отдельного образа. Книгу следует читать слово за словом, строку за строкой, размышляя над каждым предложением и над каждым образом.

Есть и другой способ описания «Mysterium Coniunctionis» как книги анатомии души, и мне это представляется особенно поучительной параллелью, которую я хочу рассмотреть чуть позже. Для наглядности позвольте мне прочесть первый параграф Mysterium:

«Образующие coniunctio факторы представляются противоположностями, как противостоящими друг другу в силу своей взаимной враждебности, так и притягивающими друг друга в силу своей взаимной влюбленности. Прежде всего, они образуют дуальность. Например, противоположностями являются: *humidum* (влажный) — *siccum* (сухой), *frigidum* (холодный) — *calidum* (теплый), *superiora* (верхний, высший) — *inferiora* (низший), *spiritus* — *anima* (дух — душа) — *corpus* (тело), *coelum* (небо) — *terra* (земля), *ignis* (огонь) — *aqua* (вода), *agens* (активный) — *patiens* (пассивный), *volatile* (газообразный) — *fixum* (твердый), *pretiosum* (драгоценный, дорогой; также *carum*, милый) — *vile* (дешевый, обычный), *bonum* (добрый) — *malum* (злой), *manifestum* (открытый) — *occultum* (окультиный; также *celatum*, скрытый), *oriens* (Восток) — *occidens* (Запад), *vivum* (живой) — *mortuum* (мертвый, инертный), *masculus* (мужской) — *foemina* (женский), *Sol* (Солнце) — *Luna* (Луна). Часто полярность представляет собой Quarterner (четверку), когда две пары противоположностей пересекаются друг с другом, как это происходит с четырьмя элементами, или четырьмя качествами (влажный, сухой, холодный, теплый), или четырьмя направлениями и временами года, в результате чего возникает крест, как эмблема четырех элементов и символ подлунного физического мира».⁸

⁸ Термины на латыни опущены.

Сравним это с учебником анатомии:

«Швы черепа со стороны макушки следующие: *metopic suture*... просто небольшая срединная трещина в лобной кости чуть выше *glabella*... Стреловидный шов расположен между этими двумя теменными костями. Единственное или парное *parietal foramen* находится вблизи стреловидного шва, на коротком расстоянии от пятна (*lambda*), где присоединяется к лямбдоидному шву. *Coronal suture* пролегает между лобной костью спереди и этими двумя теменными костями сзади. *Lambdoid suture* сформирован стыком теменных костей впереди и затылочной кости позади».⁹

Не думаю, что вы сможете следить за ходом мысли этого описания, если не знаете анатомию или у вас не окажется под рукой настоящего черепа для проверки каждого утверждения личным наблюдением.

Ясно, что исследование физической анатомии должно сопровождаться эмпирическим опытом, где вы сможете засвидетельствовать для себя анатомические факты. Те же самые соображения применимы к пониманию «*Mysterium Coniunctionis*». Вам следует иметь некоторый опыт души, чтобы знать, о чем говорит Юнг. Когда вы приметесь читать о противоположностях, четырех элементах, красном мужчине, белой женщине и т. д., для вас эти понятия будут значить не больше, чем коронарный или стреловидный шов для несведущего в анатомии.

Итак, для полного понимания Юнга мы пройдем в анатомический театр психики. Разумеется, это личный анализ. Но даже если у вас не было личного анализа, вы можете получить некоторое представление о богатом содержании «*Mysterium*» из моей лекции.

Давайте вернемся к первому параграфу и возьмем первое предложение.

⁹ Morris, «Human Anatomy», p. 104.

«Образующие *coniunctio* факторы представляются противоположностями, как противостоящими друг другу в силу своей взаимной враждебности, так и притягивающими друг друга в силу своей взаимной влюбленности».

В этом предложении суть всей книги. Речь идет о противоположностях, о вражде, а также о любви и желании. Вот о чем я собираюсь сегодня говорить. Юнг обращается к подобным вопросам в основном с точки зрения символических образов, которые они вызывают, появляясь из бессознательного, однако я буду говорить о них с точки зрения личного, сознательного опыта.

Противоположности составляют саму основу анатомии души. Поток либидо (или психическая энергия) образуется из поляризации противоположностей таким же образом, что и электрический ток между положительными и отрицательными полюсами. Так каждый раз, когда нас влечет к желаемому объекту или когда мы реагируем на ненавистный объект, мы оказываемся в драме противоположностей. Противоположности — истинный двигатель души, они сохраняют ее живой.

Всего лишь наличие опыта привлечения к чему-либо и отторжения чем-либо не составляет сознание. Сознание требует одновременного переживания противоположностей и принятия данного опыта. И чем больше степень такого принятия, тем больше развито сознание.

Интересно обратиться к истории культуры, так как таким образом мы можем почти точно определить, когда факт существования противоположностей оказался записанным. Противоположности были обнаружены предшествующими Сократу философами, пифагорейцами. Я не уверен, что они точно их открыли, но они смогли установить их как важные сущности, определив таблицу из десяти пар противоположностей, считающихся в их взглядах основными.

Вот список десяти пифагорейских противоположностей, своего рода указатель, составленный в самом начале развития западного сознания. Противоположности, наиболее значимые для ранних философов, таковы: предел — беспредельное, нечетное — четное, одно — многое, правое — левое, мужское — женское, покой — движение, прямое — кривое, свет — тьма, добро — зло, квадрат — вытянутый прямоугольник.

Отделение неба от земли: Шу поднимает Нут над Гебом¹⁰

Я считаю, что важность открытия противоположностей едва ли может быть переоценена. Противоположности, равно как и числа, немедленно оказались окружены аурой нуминозности. Они проистекали из бессознательного и туманных облаков божественного, происходящих из иного мира. То же самое можно сказать о первом открытии чисел.

«Мир должен быть разорван на куски, и противоположности должны быть разделены, дабы создать пространство, в котором может существовать человеческое сознательное эго. Это находит прекрасное выражение в древнеегипетском мифе о богине неба Нут и боге земли Гебе, изначально пребывавшими в бесконечном супружеском соединении. Но между ними встал бог Шу

¹⁰ См. А. Jeremias, «Das Alte Testament im Lichte des Alten Orients» (Leipzig, 1904). Turin, Egyptian Museum.

и оттолкнул их друг от друга, отделив небеса от земли и создав своего рода пузырь пространства, в котором мог существовать мир».¹¹

Данный образ весьма схож с тем, что происходит с появлением любого молодого эго: ему придется оттолкнуть то, что его стесняет, и обеспечить себе место существования. Эго должно определить себя как нечто отличающееся от окружающей среды.

Юное эго обязано утвердиться как нечто определенное: «Я есть это, и я не есть то». Умение сказать «нет» представляет фундаментальное свойство начала развития эго. Однако результат этого первого шага состоит в появлении тени. Все, что я объявляю «не мной», уходит в тень. И рано или поздно, если психическое развитие все-таки имеет место, придется вновь столкнуться с отколовшейся тенью как с внутренней реальностью, и тогда встанет проблема ранее разделенных противоположностей.

Самой критической и самой ужасающей парой противоположностей мне представляется добро и зло. Само выживание эго зависит от его отношения к данному вопросу. Для выживания абсолютно необходимо, чтобы эго переживало себя более как добро, нежели чем зло. На стороне добра, не на стороне зла должен образоваться значительный перевес. Разумеется, это объясняет создание тени, поскольку молодое эго способно вытерпеть крайне малый опыт собственной зловредности, не впадая в полную деморализацию. Следует учитывать и другое универсальное явление — процесс расположения зла. Зло должно быть локализовано, зафиксировано на месте и зарегистрировано как помещенное в некотором особом участке. Каждый раз, когда происходит нечто плохое, придется установить меру вины или ответственности, если это вообще возможно. Чрезвычайно опасно обладать злом, гуляющим на свободе. Кому-то придется лично нести бремя зла.¹²

¹¹ См. Эдингер, «Анатомия души», pp. 185ff.

¹² См. Sylvia Brinton Perera, «The Scapegoat Complex: Toward a Mythology of Shadow and Guilt».

По мере созревания эго ситуация постепенно меняется, и человек обретает способность справиться с задачей стать носителем зла. Уже не столь важно определить местонахождение зла где-либо еще. Когда человек в состоянии признать зло, он начинает нести в себе противоположности, способствуя при этом созданию *coniunctio*.

На ранней фазе признания противоположностей перед нами предстает то, что можно было бы назвать стадией маятника. На данном этапе индивида бросает взад-вперед между различными настроениями. С одной стороны, он испытывает неполноценность вины, а, когда маятник качается в другую сторону, — оптимистический подъем. Таким образом, он колеблется между противоположностями, заставляя свет и тьму сменять друг друга.

Об этом явлении Юнг делает замечательное заявление в параграфе 206 «Mysterium»:

«Последовательность событий — это прелюдия, которую надо вытерпеть для того, чтобы обрести более глубокое знание их одновременности, ибо это несравнимо более сложная проблема. Опять же, мысль, что добро и зло — это находящиеся вне нас духовные силы, и что человек оказался в гуще борьбы между ними, вынести гораздо легче, чем осознание того, что противоположности являются настолько неистребимыми и обязательными условиями всей психической жизни, что жизнь уже сама по себе является виной».

Цитата, возможно, даст вам некоторое представление о степени серьезности тщательного рассмотрения проблемы противоположностей. Не считаю преувеличением сказать, что понимание противоположностей дает ключ к психике — однако опасный ключ, поскольку приходится иметь дело с элементарным механизмом души. Если машина разобрана на части, можно и не собрать ее вновь. Тем не менее, побуждение к индивидуации может потребовать от индивида пуститься в это рискованное предприятие, что в случае успеха предполагает возможность роста сознания.

Как только вы начнете думать об этом процессе и как только вы ознакомитесь с явлением противоположностей, вы будете

встречать их повсюду. Такова основная драма, разыгрывающаяся в коллективной психике. Каждая война, каждое состязание между группами, каждый спор между политическими фракциями, каждая игра является выражением *coniunctio* энергий. Всякий раз, когда мы идентифицируемся с одним из элементов пары враждующих противоположностей, мы теряем возможность (хотя бы на настоящий момент) быть носителями противоположностей. И таким способом мы превращаемся в один из божьих жерновов, перемалывающих судьбу. В такие моменты индивид все еще определяет местонахождение врага на внешней стороне, при этом являясь всего лишь частицей. Эмерсон пишет:

«Вовсе не величайшее бесчестье в мире — не быть индивидом, не быть сочтенным одной личностью, не пожать те плоды, для которых был создан человек, но быть сочтенным в массе, в сотне или в тысяче, в части, которой мы принадлежим, во мнении, продиктованном также, как и географический север или юг?»¹³

И Юнг выражает ту же самую идею иными словами:

«Если субъективное сознание предпочитает идеи и мнения сознания коллективного и отождествляется с ними, то содержание коллективного бессознательного подавляется... И чем более усиливается коллективное сознание, тем больше эго утрачивает свое практическое значение. В действительности эго оказывается поглощено мнениями и тенденциями коллективного сознания, в результате чего появляется массовый человек, всегда готовая жертва какого-нибудь жалкого «изма». Эго сохраняет свою целостность, лишь избегая отождествления с одной из противоположностей и понимая, как достичь равновесия между ними. Такое возможно только если сохранить ощущение обеих противоположностей в одно и то же время».¹⁴

¹³ «The American Scholar», in Selected Writings of Ralph Waldo Emerson, p. 63.

¹⁴ «The Structure and Dynamics of the Psyche», CW 8, par. 425.

Хочу сказать пару слов о психологии спортивных состязаний и игр, поскольку они кажутся мне релевантными нашему предмету. Много лет назад я часто смотрел футбол по телевизору и задавался вопросом: «Зачем я это делаю?» Я был пойман в своего рода ловушку очарования коллективного сознания. Понимаете, я был тем самым «массовым человеком», о котором говорил Юнг в только что прочитанной цитате. По мере размышлений мне стало совершенно очевидно, что происходящее на спортивных состязаниях, которые столько людей смотрит по выходным, есть своего рода деградировавший священный ритуал.

Не смейтесь, это действительно так! Первоначально игры были священны, посвящены богам, а во всем, что священо, разыгрывается архетипическая драма. Спортивные состязания на самом деле разыгрывают драму *coniunctio*. Каждый соперник стремится одержать победу и избежать поражения, но кому-то придется победить, а кому-то — проиграть. Однако в сосуде игры сливаются противоположности, и в ходе многих соревнований игроки учатся ассимилировать и успех, и поражение, продвигая таким образом внутренний *coniunctio*.

В психологическом отношении нет ничего хорошего в том, чтобы всегда быть победителем, потому что в таком случае индивид лишается полноты опыта противоположностей, и его опыт остается поверхностным. Поражение, напротив, становится воротами в бессознательное. Все поистине глубокие люди познали поражение как необходимую часть переживания опыта противоположностей.

Микеланджело в одном из сонетов отдал замечательную дань уважения своему соотечественнику Данте:

Спустившись с неба, в тленной плоти, он
Увидел ад, обитель искупленья,
И жив предстал для божья лицезренья,
И нам поведал все, чем умудрен.¹⁵

Как вы видите, неудача и вина являются необходимыми событиями, поскольку каждый из нас — часть цельности.

¹⁵ Перевод А.М. Эфроса.

Чтобы испытать союз противоположностей, придется пройти через неудачу и вину. Я помню, какое откровение испытал, впервые столкнувшись с замечанием Юнга:

«[В жизни человека] существует нечто подобное *felix culpa* [счастливая вина (лат.)].... Он знает, что кто-то может пройти не только мимо собственного счастья, но и мимо крайней виновности, без которой человек никогда не достигнет своей целостности». ¹⁶

В других местах Юнг также поясняет, что он подчеркивает значение вины. Зачастую мы отчаянно пытаемся избежать осознания нашей вины, и при этом нас вытесняет в проекцию тени. И проекция тени, и частичная идентификация свидетельствуют о незрелом эго (чему враждебная критика, конечно же, не помогает).

Я считаю очень полезным образ уподобления эго рыбацкой лодке. В такую лодку войдет лишь определенное количество рыбы, не больше, чем она может вместить. Груз должен соответствовать своему размеру. Представьте, что вы рыбачите в маленькой лодке с веслами и выуживаете кита. Если вы втянете его в суденышко, то погибнете. Подходящий образ, потому что проблема противоположностей и правда представляет собой «кита»: схватка с противоположностями приводит непосредственно к столкновению с Самостью.

В романе «Моби Дик» Мелвилла есть красивая отсылка к этому образу. Целая книга посвящена его выражению, но в одном месте Мелвилл обсуждает тот факт, что у кита имеются глаза на противоположных сторонах головы, и таким образом животное получает два абсолютно разных изображения природы действительности одновременно, два противоположных образа. Автор замечает: каким же великим и таинственным существом должен быть кит, раз он в силах объединить противоположное. Вот так кит. Моби Дик определенно является символом Самости. ¹⁷

¹⁶ «Psychology and Alchemy», CW 12, par.

¹⁷ См. Эдингер, «Юнгианские комментарии».

Немногие смогут пойти охотиться на китов. Однако, если все-таки в этом ваше предназначение, гораздо опаснее уклониться от вашей задачи, чем предстать лицом к лицу, потому что иначе кит настигнет вас сзади.¹⁸

Хорошо, как же идти на китов? Где здесь противоположности?

Вы найдете их, тщательно исследуя то, что вы любите и ненавидите. Легко так сказать, но, поверьте, сделать это чрезвычайно трудно, поскольку всякий раз, когда вами овладевает чувство любви или ненависти, вряд ли вы будете склонны к исследованию. Вспомните первое предложение из «Mysterium Coniunctionis»:

«Образующие *coniunctio* факторы представляются противоположностями, как противостоящими друг другу в силу своей взаимной враждебности, так и притягивающими друг друга в силу своей взаимной влюбленности».

Всякий раз, когда мы слишком конкретно воспринимаем побуждение к любви или ненависти, *coniunctio* становится внешним и физически выраженным, и таким образом разрушается. Захваченные сильным притяжением к человеку или вещи, мы должны поразмышлять над ним. Юнг говорит:

«...если только мы не предпочитаем быть обманутыми своими иллюзиями, мы, тщательно анализируя все, что нас зачаровывает, станем каждый раз извлекать из него, как квинтэссенцию, частицу нашей собственной личности, и мало-помалу осознаем, что вновь и вновь встречаем в тысяче обличий самих себя на жизненном пути».¹⁹

То же самое относится к нашим страстным антипатиям. Их также следует подвергнуть полному аналитическому

¹⁸ Вспомните совет Юнга с использованием другой метафоры: «Тому, чье предназначение спуститься в глубокую шахту, будет лучше всего приняться за это дело со всеми предосторожностями, чем доводить до падения в яму головою вниз». («Aion», CW 9ii, параграф 125)

¹⁹ «Психология переноса», CW 16, параграф 534.

исследованию. Кого я ненавижу? Против каких групп или фракций я борюсь? Кем бы или чем бы они не являлись, они — часть меня. Я связан с тем, что я ненавижу, равно как и с тем, что я люблю. В психологическом отношении важно найти, где размещается либидо. Неважно, будет ли оно направлено на какой-либо предмет или против него. Путем тщательных размышлений, постепенно, мы соберем рассеянную душу из внешнего мира, подобно Исиде, собравшей расчлененное тело Осириса; выполняя это, мы работаем над *coniunctio*.

Однако обратимся к самому термину — *coniunctio*. Что это значит? Что такое *coniunctio*? Посмотрим на название книги: «*Mysterium Coniunctionis*». «Тайна *Coniunctio*», или «Таинственное *Coniunctio*», или «*Coniunctio*, что есть Тайна».

Согласно алхимической символике, *coniunctio* является целью всего процесса, это — субстанция, материал, вещество, созданное алхимической процедурой, когда наконец удастся объединить противоположности. Это — таинственный, трансцендентный предмет, который можно выразить многими символическими образами. Позвольте мне перечислить некоторые основные из них:

- Философский Камень — удивительное, неразрушимое тело, которое преумножает себя и превращает базовую материю в благородное вещество, либо в золото, либо в большее количество себя самого.
- *Aqua permanens*, что можно перевести как «неподвижная вода», или как «проникающая вода». Это вода, которая может проникнуть через что угодно. В алхимических записях также называется тинктурой, поскольку окрашивает все, через что проходит, воздействуя на вещества собственным цветом.
- Третий термин — *filius philosophorum*, сын философов, представлявший как спаситель мира.
- *Pharmakon athanasias*, эликсир бессмертия. Иногда название звучит как *cibus immortalis*, пища бессмертия.

Существуют и многие другие символы, кроме перечисленных главных. Символизм алхимии крайне сложен и неясен, однако

сегодня мы не можем вдаваться в подробности и тонкости символов.²⁰ Передо мной стоит отчаянная задача дать вам точное представление о *coniunctio*, как я его вижу.

Я рассматриваю *coniunctio* и тот процесс, который его создает, как представление о сотворении сознания, которое является прочным психическим веществом, созданным союзом противоположностей. Эту идею я разбираю в подробностях в «Сотворении сознания», если вам интересно. Однако «сознание» — ключевое слово.

Теперь, раз я употребил это слово, мне нужно характеризовать сознание. К примеру, мне хочется назвать его более высоким сознанием, или, возможно, большим сознанием, но это не было бы точным определением фактов противоположностей. Поскольку это сознание более высокое, оно также и более низкое, а если оно большее сознание, то тем самым оно и меньшее. Возможно, мне стоило бы назвать его вечным или трансцендентным сознанием, в особенности, если эти термины не наводят на другую мысль, но предположительно включают противоположности как темпорального, так и вневременного, личного и безличного. Однако я не могу быть уверен, что эти термины не создадут путаницу. Поэтому будет надежнее удовлетвориться неприкрашенным термином «сознание», даже при том, что мы не можем определить его точное значение.

С термином «сознание» возникает и другая проблема. Любопытно из нас полагает, что нам точно известно его значение, а фактически оно остается тайной. Однако я ничего не могу поделать. У меня нет слова получше, так что придется придерживаться выбранного.

Подытожу заявлением, что *coniunctio* означает «сознание». Тем не менее, чтобы сделать его немного более проблематичным, я должен добавить, что сознание является как причиной, так и следствием *coniunctio*. Мое утверждение так парадоксально, потому что сознание является продуктом обоих центров психики: эго и Самости. С одной стороны, усилия эго создают *coniunctio*, с другой — все решает судьба, и эго становится жертвой

²⁰ Более полную дискуссию см.: Edinger, «The Mysterium Lectures: A Journey Through C.G. Jung's „Mysterium Coniunctionis“».

решения, принятого «через голову или вопреки сердцу», как выразился Юнг.²¹

Одним из упомянутых мной терминов для обозначения *coniunctio* был *filius philosophorum*, сын философов. Он кажется мне особенно значимым в психологическом отношении, поскольку алхимики называли себя философами. Под термином *filius philosophorum* они подразумевали, что *coniunctio* является отпрыском алхимика, отражая тот факт, что *coniunctio* создавалось усилиями алхимика в лаборатории.

Это крайне важно в психологическом отношении, так как соотносится с ролью эго в сотворении сознания. Например, в одном тексте Философский Камень говорит о себе:

И мы вдвоем слились в одно.

.....

Поэтому мой сын был также и моим отцом
Я выносила мать, давшую мне рождение.²²

Эти парадоксальные заявления означают, что, хотя бессознательное порождает эго, «своего сына», все же именно эго оплодотворяет бессознательное. Вот почему эго выступает родителем для восстановления бессознательной Самости в возрожденной форме.

А теперь обратимся к другой теме. В середине этой великой книги мы обнаруживаем наиболее экстраординарную часть, простирающуюся от параграфа 186 до параграфа 211. Кто из вас ухватился бы за возможность получить целый час личного анализа у Юнга? Я думаю, что многие. Безо всяких преувеличений, эта особая часть «*Mysterium Coniunctionis*» предлагает каждому, кто подготовлен в достаточной мере, возможность провести час с Юнгом.

Объясню вам, почему. В этой секции Юнг изучает туманный по содержанию алхимический рецепт и дает ему подробную

²¹ «*Mysterium*», параграф 778.

²² «Психология переноса», CW 16, параграф 528. См. дальнейшие комментарии по тексту ниже pp. 101f.

психологическую интерпретацию, рассматривая текст как сновидение. По моему мнению, больше нигде в работе он не делает что-либо подобного.

Я очень высоко ценю этот пассаж, потому что данный алхимический текст на самом деле представляет коллективные ассоциации сновидения. Возможно, любому из нас снился подобный сон, поскольку он приходит с уровня, который имеет всеобщую применимость и уместность. Поэтому все, что от вас требуется, — способность оценить, насколько данный особый текст является вашим сновидением, а затем вы можете представить свой сон Юнгу, и он интерпретирует его специально для вас. Если вы полностью поймете значение этого сновидения — раз уж я сегодня делаю опрометчивые заявления, то сделаю еще одно — в вашем распоряжении окажется полный анализ.

Сначала я прочту описание сновидения, алхимический текст, с которым работал Юнг, и прошу не бояться путаницы. Надеюсь сделать его более ясным далее. Вот этот текст:

«Если ты знаешь, как увлажнять эту сухую землю ее собственной влагой, ты раскроешь поры земли, и этот пришедший извне вор будет выброшен вместе с работниками зла, и вода, посредством добавления истинной Серы, будет очищена от заразной грязи и от поверхностной отечной жидкости, и ты обретешь власть над источником Рыцаря Тревизского, воды которого справедливо посвящены деве Диане. Бесполезен этот вор, вооруженный злобой, подобной мышьяку, от которого бежит, содрогаясь, крылатый юноша. И хотя центральная вода является его невестой, он все же не решается выказать ей свою горячую любовь, потому что вор расставил капканы, и козней его, поистине, не избежать. Здесь Диана может оказаться благосклонной к тебе, она знает, как укротить диких животных, а пара ее голубей успокоит злобу воздуха своими крыльями, так что юноша легко проникнет в поры земли, и тут же сотрясет ее основание и поднимет черное облако. Но ты поднимешь воды аж до самого

света луны, и тьма, которая лежала на лице бездны, будет рассеяна духом, движущимся над водами. Так по повелению Бога появится Свет».²³

Опять-таки, не смущайтесь, потому что текст можно перевести в более легкую для понимания форму. Вот как я бы его перевел:

Есть источник (фонтан), вода которого загрязнена. Крылатый юноша пылает к этому источнику любовью, и фактически источнику суждено стать его невестой. Однако есть и злой вор, загрязнивший источник, он препятствует крылатому юноше приблизиться. Затем с помощью Дианы юноша входит в поры земли вблизи воды, и этот союз вызывает землетрясение и поднимает темное облако.

Когда все успокаивается, воды источника очищаются и происходит сотворение мира (как в первой главе Книги Бытия: когда дух Божий носился над водой, исчезла тьма и появился свет).

Данный образ представляет *coniunctio* и объединяющиеся противоположности: источник и крылатого юношу. Также появляются и другие пары противоположностей, например: вода и огонь, ртуть и сера, луна и солнце. Однако прежде, чем союз будет заключен, необходимо обезвредить злого вора, о котором Юнг говорит, что тот «персонифицирует некое самообкрадывание»²⁴ вследствие коллективных взглядов. В тексте вор характеризуется как сырая Сера, в отличие от истинной Серы.

Что же такое сера? Что она значит в психологическом отношении? Символике серы Юнг посвящает замечательный многостраничный пассаж в «Mysterium», завершая его словами:

«Сера представляет активную субстанцию солнца или, если говорить языком психологии, фактор мотива

²³ «Mysterium», параграф 186.

²⁴ Там же, параграф 194.

в сознании: с одной стороны, волю, которую лучше всего рассматривать как подчиненный сознанию динамизм, а с другой стороны — непреодолимое влечение, невольную мотивацию или импульс, начиная с простого интереса и заканчивая настоящей одержимостью. Динамизм бессознательного соответствовал бы сере, поскольку непреодолимое влечение есть великая тайна человеческой жизни. Оно подрывает осознанную волю и разум присутствующим в нас воспламеняющимся элементом, который принимает форму то пожирающего огня, то живительного тепла».²⁵

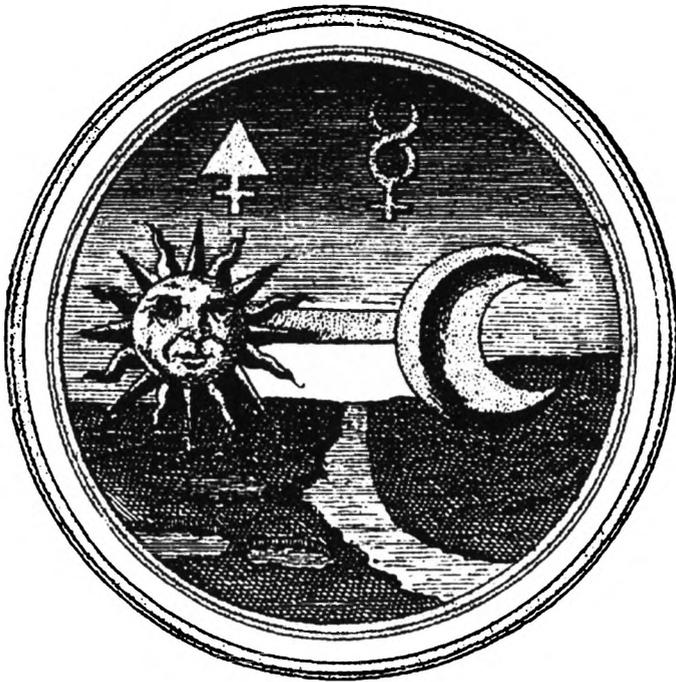
Кратко можно определить так: сера является страстным похотливым влечением. Это — огонь либидо, которое есть сама жизненная энергия. Это — энергия, созданная движущей силой противоположностей.

Однако в алхимическом тексте говорится о двух серах: сырой или вульгарной и истинной или философской, причем только истинная сера способна вступить в *coniunctio*.

Психологически сера соотносится с похотью, сосредоточенной на эго, в противопоставлении влечению, сосредоточенному на Самости. Похоть имеет бессознательную, инфантильную природу, которая притязает на владение всем, что она только захочет и когда она только захочет, в то время как сосредоточенное на Самости влечение возрождает или трансформирует желание, которому эго служит, словно исполняя религиозный долг. Это — вожделение, природа которого была преобразована сознанием.

Не прошедшее возрождение страстное желание — зло, и в любой может с готовностью продемонстрировать свою злую природу. Все, что вам придется сделать, столкнувшись в себе или в других с сырой серой, с переработанной похотью, — фрустрировать и отрицать ее, и тогда порочность этого желания будет очевидна. Похоть станет жаждущей власти и одержимой властью. Если ее не удовлетворить, она тут же покажет свой истинный характер, в отличие от трансформированного желания.

²⁵ Там же, параграф 151.

В семинарах по «Видениям» (Visions) Юнга есть замечательный отрывок, где он говорит, как иметь дело со страстным влечением. Я хочу прочесть его вам:

«В этой трансформации важно удалить объекты от демонов анимуса или анимы. Они заняты объектами, только если потакать себе. *Concupiscentia* — так называется это Церковь... С огнем похоти борется брахманизм, буддизм, тантризм, манихейство и христианство. Это также важно в психологии.

Если вы потакаете похоти, то, обращается ли ваша похоть к небесам или аду, вы даете анимусу или аниме объект. Так они выходят в мир вместо того, чтобы оставаться на своем месте... Но если вы можете сказать: „Да, я этого вождедею и попытаюсь получить, но не должен, и если решу отказаться, то откажусь“, — то у анимуса или анимы нет шансов. Иначе вами будут править желания, вы станете одержимым...

...Заперев анимуса или аниму в бутылку, вы освободитесь от одержимости, хотя там, внутри, будет непросто, потому что если у вашего демона непростые времена, то вам тоже не сладко... Конечно, он будет биться внутри вас, но через некоторое время вы увидите, что [заточить его] было правильно. Вы постепенно успокоитесь и изменитесь. Затем вы обнаружите, что в бутылке растет камень... как только самоконтроль или отказ от потакания станет привычкой, когда этот подход станет *fait accompli*, камень станет алмазом.»²⁶

Алмаз — еще один образ *coniunctio*.

Юнг дает нам еще один совет аналогичного характера, интерпретируя текст «Mysterium». Это очень важный отрывок, к которому я снова и снова обращаюсь и надеюсь, что вы также будете обращаться к нему. Помните, это место книги описывает то, что происходит в течение вашего личного аналитического часа с Юнгом. Он говорит непосредственно с вами:

«Ты так бесплоден потому, что что-то вроде злого духа без твоего ведома перекрыло источник твоей фантазии, родник твоей души. Твой враг — это твоя собственная неочищенная сера, которая сжигает тебя на адском огне страстей или сладострастия (*concupiscentia*). Ты хочешь делать золото, потому что „бедность — это самое страшное наказание, а богатство — это высшее добро“. Ты хочешь добиться результатов, которые будут льстить твоей гордыне, ты ожидаешь чего-то полезного, но об этом не может быть и речи, и, поняв это, ты испытываешь потрясение. Из-за этого ты уже больше не хочешь быть полезен, потому что полезным ты будешь только Богу, но, к сожалению, не самому себе.

Стало быть, прочь ваши примитивные и вульгарные страсти, из-за которых вы по-детски и близоруко

²⁶ «Видения. Семинары», т. 1, стр. 301.

считаете, что ваша цель находится только в пределах ваших узких горизонтов... Что скрывается за всеми этими страстями? Жажда вечного... Чем больше ты цепляешься за то, чего жаждет весь мир, тем больше ты становишься Таким-Как-Все, человеком, который еще не открыл себя и бредет по жизни подобно слепцу, с сомнамбулической уверенностью увлекая за собой другого слепца прямо к краю оврага. Такие-Как-Все всегда в большинстве. Очисти свой интерес от этой коллективной серы, которая цепляется ко всем, подобно прокаже. Ибо желание горит только для того, чтобы сжечь самое себя, и из этого огня появляется истинный живой дух, который создает жизнь по своим собственным законам... Это значит: гори в своем собственном огне и не будь подобен комете или мигающему маяку, показывающим правильный путь другим, но не ведающим своего пути. Бессознательное требует твоего интереса ради него самого и хочет, чтобы его принимали таким, какое оно есть. Как только признается существование этой противоположности, это может и должно принять ее требования. Если переданное вам бессознательным содержимое не признается, то его компенсирующий эффект не только сводится на нет, но и превращается в свою противоположность, пытаясь реализовать себя в буквальном и конкретном смысле».²⁷

Хочу подчеркнуть замечательное предложение: «Что скрывается за всеми этими страстями? Жажда вечного...». Юнг выражает ту же самую идею в «Воспоминаниях, сновидениях, размышлениях»:

«Для человека основной вопрос в том, имеет ли он отношение к бесконечности или нет? Это его главный критерий. Только когда мы осознаем, что существенно лишь то, что безгранично, и что оно, это безграничное, существует, мы теряем интерес к ничтожным вещам...

²⁷ «Mysterium», параграфы 191–192.

Когда же мы понимаем и чувствуем, что уже в этой жизни присутствует бесконечность, желания и помыслы наши меняются».²⁸

Вспомним, что мы все еще говорим о том алхимическом тексте, крылатом юноше и фонтане Дианы. Очистив желания, он может теперь проникнуть через поры земли и соединиться с водами. Когда это происходит, начинается землетрясение, спускается темное облако. Это намек на тьму и землетрясение, которые сопровождали смерть Христа на кресте. Есть и другое замечательное утверждение Юнга касательно этого образа. Он считает, что «расширение сознания поначалу является потрясением и тьмой, а потом развитием человека в человека целостного».²⁹

Надеюсь, что вы сами все это прочтете, ведь Юнг вдается в большие подробности. Но позвольте сказать несколько слов в заключение.

Борьба между противоположностями, которые Юнг называет «несчастливыми измами», разрывает мир на части. По словам Эмерсона, «весь свет хвалится прогрессом человечества, и никто не идет вперед»³⁰, а Юнг считает, что «если человек в полной мере не возродился в духе, не возродится и общество, поскольку оно представляет совокупность индивидов, нуждающихся в искуплении».³¹

Далее он делает и другие важные замечания:

«Если бы только могло возникнуть мировое осознание того, что любое дробление и любой раскол происходят вследствие разделения противоположностей в психе, то мы бы знали, с чего начать».³²

«То, что лежит в пределах нашей досягаемости, представляет изменения индивидов, которые имеют влияние

²⁸ «Воспоминания, сновидения, размышления», стр. 325.

²⁹ «Mysterium», параграф 209.

³⁰ «Self Reliance», in Selected Writings, p. 166.

³¹ «Civilization in Transition», CW 10, параграф 536.

³² Там же, параграф 575.

(или создают для себя такую возможность) на других индивидов с подобным складом ума. Я не имею в виду влияние убеждением или проповедью — напротив, известный факт, что любой человек, обладающий пониманием собственных действий и тем самым нашедший путь к бессознательному, непреднамеренно оказывает влияние на свое окружение».³³

Индивиды, осознающие собственные действия, испытали *coniunctio* в большей или меньшей степени. Они являются носителями противоположностей. Если общество должно получить искупление, то я считаю, что спасение придет через кумулятивное воздействие таких индивидов. Когда достаточное количество индивидов несет осознание целостности, весь мир обретет цельность.

В эпоху античности драма составляла часть религиозных церемоний культа Диониса. Если представление оказывалось неудачным, о нем отпускали ремарку: «Это не имеет никакого отношения к Дионису». Мне кажется, что будущее может породить из нового мифа новые стандарты мысли и действия, и что новые стандарты будут строиться на основе *coniunctio* (как высочайшего добра). С этой точки зрения жесточайшей критикой будет звучать: «Это не имеет никакого отношения к *coniunctio*».

Согласно юнгианскому мифу, наивысшей ценностью человека станет наличие сознания, которое в состоянии нести противоположности. Такие люди не загрязнят психологическую атмосферу проекциями своих теней на других, а будут нести собственное бремя тьмы.

Юнг очень красиво формулирует это в параграфе 512 «*Mysterium Coniunctionis*», которым я заканчиваю лекцию:

«Чтобы утихомирить спроецированный конфликт, его следует вернуть в психе индивида, где находятся его бессознательные истоки. Индивид должен прийти на Тайную Вечерю с самим собой, есть свою плоть и пить свою кровь.

³³ Там же, параграф 583.

Это значит, что он должен признать существование в себе другого человека... Не в этом ли кроется смысл учения Христа, что каждый должен нести свой крест? Ибо если ты должен бороться с самим собой, то откуда ты возьмешь силы на борьбу с другими людьми?»

Обсуждение

Вопрос: действительно ли coniunctio является бесповоротным опытом раз и навсегда, или же это цель, которую нужно стремиться достигнуть, но которая так или иначе всегда остается недостижимой?

— Определенно. Это не раз и навсегда, конечно же, нет. С моей точки зрения, это циклическое явление. Завтра мы поговорим о «Rosarium», последовательности десяти картин, описывающих различные фазы процесса coniunctio. Последовательность десяти стадий мне видится кругом, циклом.

Человек проходит этот цикл множество раз, иногда в малом, иногда в большем. В жизни человека могут быть лишь один или два случая крупного столкновения, самого настоящего землетрясения, однако уменьшенные варианты того же самого процесса продолжают все время и создают прогрессивные приращения сознания.

Вопрос: Что можно сделать для разотождествления, когда становишься экраном для отрицательных или положительных проекций? Как избежать вовлечения в архетипическое сражение?

— Юнг весьма детально осветил эту проблему в пространном введении к «Психологии переноса», прежде чем приступить к комментированию картин «Rosarium». Он обсуждает происходящее в аналитическом процессе как перенос и контрперенос, а это и есть предмет заданного вопроса. Перенос и контрперенос, конечно, не ограничиваются аналитическими отношениями — они происходят в жизни все время и повсеместно. И действительно — это весьма значительная проблема.

Как разотождествиться, когда запутываешься в проекциях, исходящих от другого человека?

Вот одно очень важное практическое предположение: прежде чем нести проекцию другого человека, должен быть «крючок». Нет «крючка» — нет и проекции. Если у вас нет никакой склонности к предмету проекции, то проекция отпадает, ей не за что зацепиться. Если вы оказываетесь реципиентом неприятного проецирования, вам следует тщательно исследовать себя в поиске «крючков». Вы начнете с презумпции невиновности для себя: «Нет, я не совсем такой, как тот человек обо мне думает, но в некоторой степени я должен быть таким; должна быть какая-то зацепка, иначе ко мне бы это не прицепилось. Дайте мне поработать над этим крючком». Если постараться, такой способ может быть очень полезным.

*Вопрос: Нужно ли женщинам подходить к процессу *copiunctio* иначе, нежели мужчинам?*

— Насколько мне известно, нет. То, о чем я говорю, имеет настолько общий характер, что подход применим универсально и безотносительно последующих вариаций. Мне кажется, данный предмет не несет никакой значительной разницы между мужчинами и женщинами.

Вопрос: Судя по вашим утверждениям и зачитанным вами отрывкам из Юнга, страстное желание — злой демон, которого нужно загнать в бутылку. Есть ли отличие от репрессии?

— Это — важный вопрос, поскольку рекомендация Юнга выглядит как репрессия, однако это не так. Критический момент состоит в том, является ли это сознательной операцией. Репрессия избавляется от неприятной проблемы, отдавая ее бессознательному, в большей или меньшей степени расщепляя ее, тогда как Юнг советует закупорить проблему в сосуде (используя алхимический образ), и дать ей там нагреться. Это полностью отличается от репрессии.

Вопрос: Как насчет соединения одинакового, а не союза противоположностей?

— Соединение одинакового — прелюдия к союзу противоположностей, потому что союз одинаковых компонентов, чем бы они не были, все еще не достигает своей полной реальности и должен быть объединен с чем-то большим, нежели собственный материал. Завершенный союз одинакового может продолжиться в союзе противоположностей.

Вопрос: Вы можете дать более подробные практические советы касательно ассимиляции тени? Может быть, специфический пример того, через что проходит индивид после распознавания части своей психики в ком-то, кого он ненавидит? Я имею в виду, как справиться с виной, отрицанием, ненавистью к себе, потребностью быть рациональным.

— Давайте посмотрим. Практические советы для ассимиляции тени. Первый шаг является решающим, а именно — способность заметить, что действия человека можно поставить под вопрос. Вначале человек находится в состоянии невинности. Реакции его таковы, каковы они есть. Он что-то любит, что-то ненавидит, и вопроса, насколько это уместно, не возникает. Но как только такой вопрос поднимается, человек утрачивает невинность, он становится обеспокоенным. Я мог бы ненавидеть то-то и то-то, потому что это очень плохо, но я вовсе не чувствую себя хорошо, когда испытываю ненависть. Фактически я чувствую себя отчасти плохо, когда что-то ненавижу, поэтому, возможно, я сам плох, испытывая чувство ненависти, но, вероятно, это не столь отличается от того «плохого», что я ненавижу в другом человеке.

Как только в голову приходят подобные размышления, мы начинаем пожирать собственную плоть и пить собственную кровь, как образно выразился Юнг. Я не знаю, какой более определенный совет можно дать при каждой возможности.

Вопрос: Если coniunctio рождает сознание, что можно сказать относительно его противоположности, бессознательного?

— Да, *coniunctio* порождает бессознательное. Это — пример факта, что психологические вопросы едва ли можно обсуждать специфически, не образуя созвездия противоположностей

о предмете разговора. А затем можно безнадежно запутаться.

Способ, которым *coniunctio* может родить бессознательное, состоит в том, что когда оно прорывается в полной силе и сталкивается с эго, то эго может быть выведено из равновесия и стать одержимым. Затем сам смысл инсайта, и откровения, и великолепное осознание огромных измерений превращаются в свою противоположность — инфляцию. Таким образом, в тот момент, когда человек получает великое откровение, он становится идиотом, отождествляясь с ним. Так что да, в этом смысле *coniunctio* рождает бессознательное, равно как и сознание.

Вопрос: Уточните ценность и значение вины.

— Одна основная операция алхимического процесса называется *mortification*.³⁴ Ее символическим образом является материал в сосуде, подвергающийся убийству, гниению и расчленению, — всему, что подразумевается под уродливым словом умерщвление. Материя предается смерти в буквальном смысле. Таков основной образ алхимического процесса.

Алхимики считали, что применяли эти операции к материи в сосуде, но мы знаем, что работа продолжается в душе. Именно это я имел в виду, когда говорил о необходимости опыта поражения для полной индивидуализации. Вы не обретете опыт противоположностей и их разрешения без опыта поражения, которое связано с символикой *mortificatio*.

Мы можем увидеть извращенные проявления этого архетипа, когда люди, словно флагеллянты, отправляются на поиски опыта. Это неправильно. Цели так не достигнуть. Это не то действие, которое эго может обязать себя выполнять, напротив, это — болезненная порочность работы эго. Однако когда бессознательное, судьба или объективные обстоятельства дают человеку опыт унижения, поражения и даже угрозу физической смерти, тогда происходят наиболее важные психологические события.

Как гласит один алхимический афоризм, смерть является зачатием Философского Камня. Смерть эго или опыт смерти эго часто являются прелюдией к рождению осознания

³⁴ См ниже, 68ff; также Edinger, «Anatomy», chap. 6.

Самости. В «Mysterium» Юнг высказывает глубокую мысль, что «ощущение самости всегда становится поражением для эго».³⁵ Поэтому столкновение с большим вначале наносит поражение и вред меньшему. Опыт вины принадлежит именно этому явлению поражения, неспособности и ранения.

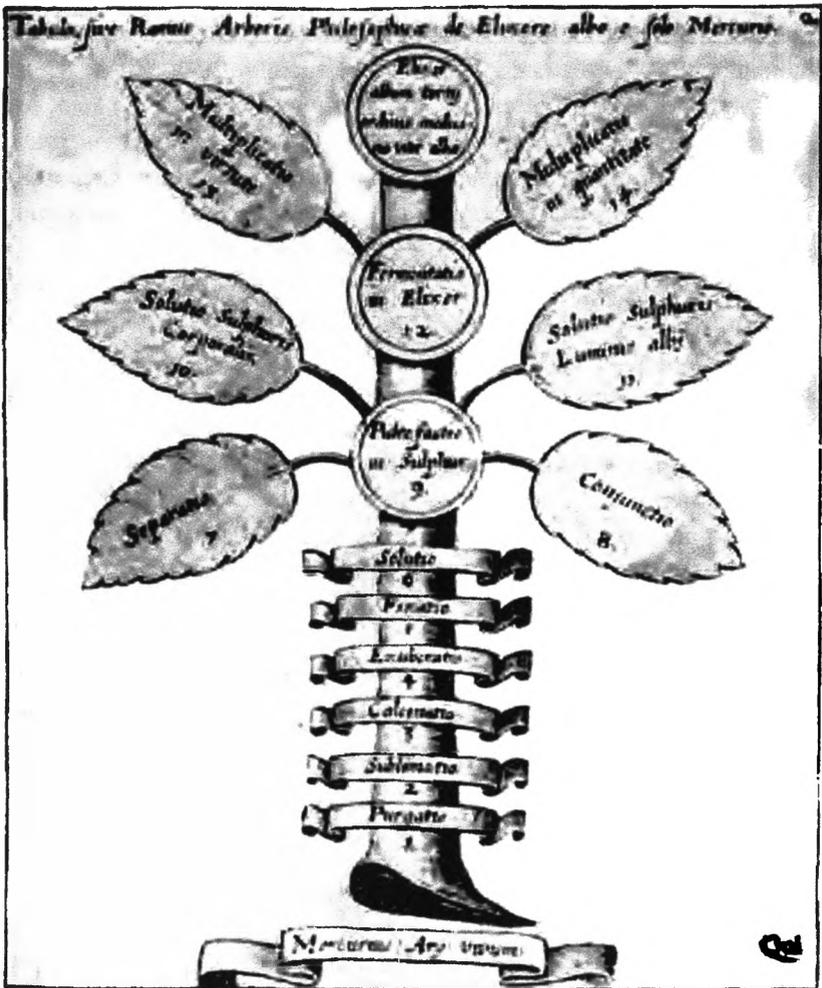
Вопрос: Как эффективно, реалистично, ответственно решать политические проблемы, такие как угроза ядерной войны, ситуация в Центральной Америке и так далее, зная о наличии противоположностей?

— Очень хороший и очень трудный вопрос. Хочу напомнить вам о замечании Эмерсона: «Весь свет хвалится прогрессом человечества, и никто не идет вперед».³⁶ Конечно, существуют люди, дело всей жизни и судьба которых требуют иметь дело с политическими реалиями. Это арена, на которой они переживают свою жизнь. Каждый из нас, пытаясь быть максимально сознательным, должен задаться вопросом: какова наша настоящая жизненная арена? Если мы решим, что должны действовать в политике, то придется подготовиться к эффективному функционированию на той арене и прожить там всю жизнь.

Если же что-то еще, а не политика, является жизненной ареной индивида, но при этом его сильно огорчает ситуация в мире, если он думает: «Я должен что-то с этим сделать», — то я предлагаю ему подумать дважды. Юнг был убежден в том, что самый эффективный способ искупления или преобразования мира, в первую очередь, состоит в преобразовании его малой части — самого себя. Пока малая часть не будет полностью трансформирована, я считаю, индивид не вправе пытаться изменить внешний мир, если только этот мир не является областью работы индивида.

³⁵ «Mysterium», параграф 778.

³⁶ См. выше.

Алхимические операции в форме философского дерева.
«Mutus liber». 1677

Алхимик и его помощник преклонили колени перед печью с запечатанным сосудом внутри. Вверху два ангела держат тот же самый сосуд, содержащий Солнце и Луну, духовные эквиваленты этих двух адептов. Mutus liber. 1677

2

Психологическая интерпретация изображений Rosarium

Сегодня речь пойдет о последовательности десяти изображений из алхимического трактата «Rosarium philosophorum». Юнг столь много размышлял о картинах, что построил вокруг этого текста одну из своих основных работ, «Психологию переноса». Во введении к «Mysterium Coniunctionis» он отмечает, что «Психология Переноса» составляет часть того же исследования, что и «Mysterium», однако вынесена в отдельную книгу во избежание перегрузки.¹

Моей первоначальной реакцией было: «Господи, почему Юнг выбрал столь запутанную книгу „Rosarium philosophorum“, чтобы говорить о переносе?» Однако, по мере работы и размышлений над этим материалом в течение нескольких лет, мне стало понятно, что эти картины — магические. Также ясно, что они происходят из оригинального опыта. Кто бы ни был их автор — имя его затеряно в туманах алхимии — он явно обладал опытом и говорил исходя из него.

Картины «Rosarium» несомненно стоят, чтобы вы уделили им внимание и приложили усилия, дабы привести их в соответствие с современным мышлением. Надеюсь, для многих из вас эти изображения окажутся значимыми и станут постоянным дополнением к вашему сознанию, что поможет вам прикоснуться

¹ «Психология переноса» была впервые опубликована под названием «Dies Psychologie der Ubertragung» (Цюрих, 1946). В английском издании Собрания Сочинений Юнга данная работа включена в «Практику психотерапии» CW 16. Представленные гравюры взяты из первого издания «Rosarium philosophorum» (Франкфурт, 1550).

к событиям глубинного психологического опыта, которым вы обладаете и должны обладать.

Для начала давайте бегло просмотрим их все. Я придумал каждой иллюстрации свое собственное имя, чтобы помочь зафиксировать ее в сознании. Начнем с простого перечисления названий, а затем продолжим исследовать каждую картину подробно.

Изображения «Rosarium»

1. Фонтан
Мандалы

2. Появление
противоположностей

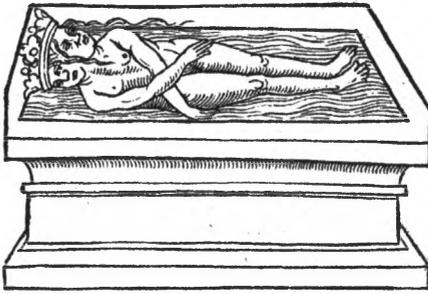
3. Обнаженная истина

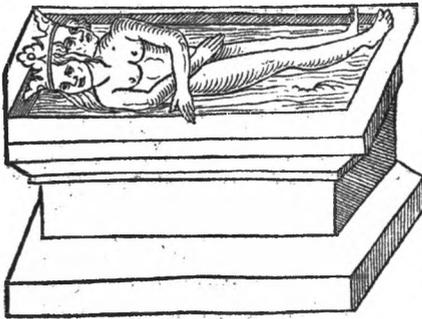
4. Погружение в купель

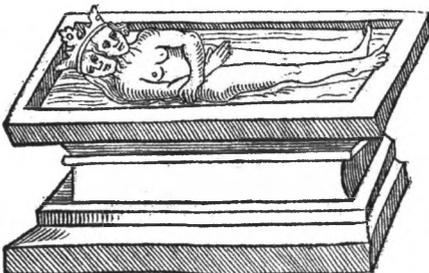
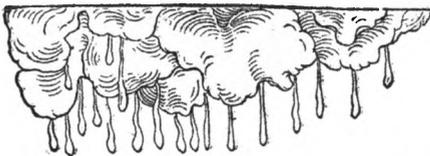
5. Соединение,
проявление тайны

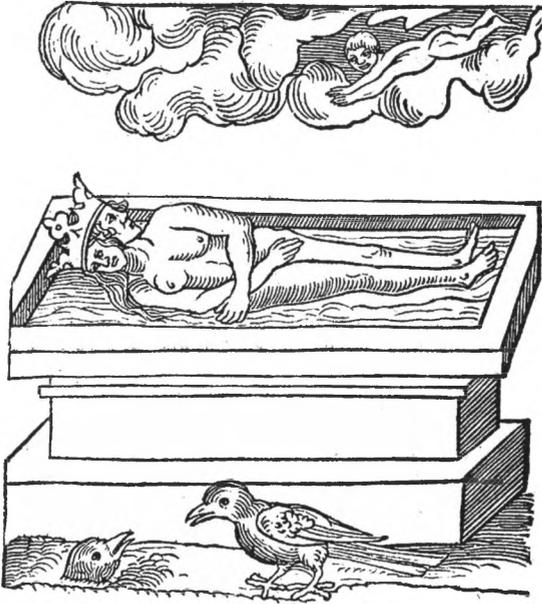
6. В гробнице

7. Разделение души и тела

8. Капли росы Гедеона из облака

9. Воссоединение души и тела

10. Воскресение соединенного вечного тела

Теперь, хотя я представил их в ряд, думаю, лучше расположить их по кругу в виде цикла, как показано на диаграмме 1. Так мы сможем представить изображения как последовательность психологических событий, способных себя повторять многократно, а не быть единственным изолированным случаем.

Диаграмма 1. Цикл Rosarium²

Диаграмма 2. Цикл воплощения

² Фонтан Мандалы, представляющий *prima materia*.

Еще одно преимущество представленного расположения состоит в том, что мы можем увидеть параллели данного ряда с другими циклами. Некоторые из вас помнят наши прошлые семинары по христианскому архетипу.³ На семинарах я показывал вам различные узловые точки жизни Христа в форме цикла, изображенного на диаграмме 2. Сравнив их с циклом *Rosarium*, вы увидите общие черты, как только уловите основные психологические соответствия.

Необходимо обстоятельно объяснить параллели, которые я вижу между циклом христианского архетипа и циклом «*Rosarium*»:

- Рисунок 2: Появление противоположностей, аналог Благовещения.
- Рисунок 3: Обнаженная истина, аналог Рождества.
- Рисунок 4: Погружение в купель, аналог крещения Христа.
- Рисунок 5: Соединение, аналог Распятия на кресте.
- Рисунки 6—8: В гробнице, разделение души и тела, роса Гедеона, аналог распятия на кресте, ламентациям и погребению Христа.
- Рисунки 9 и 10: Воссоединение души и тела и воскресение единого вечного тела, аналог Воскресению и Вознесению.

Есть и другой аналогичный цикл. Гильберт Мюррей (1866—1957), видный специалист по классической филологии, оставил нам ценное описание циклической религиозной драмы, лежащей в основе классической греческой трагедии.⁴ Он видел основной цикл происхождения трагической драмы как ритуальную реконструкцию смерти и возрождения Духа Года. Данная ритуальная реконструкция отличалась четырьмя основными особенностями или фазами:

³ См. Edinger, «The Christian Archetype: A Jungian Commentary on the Life of Christ».

⁴ «Excursus on the Ritual Forms Preserved in Greek Tragedy», pp. 343f.

1. Герой-протагонист Дионис, персонифицирующий Дух Года, встречается со своим антагонистом. Когда он сталкивается с воплощением зла, противоположности образуют созвездие. Далее между протагонистом и антагонистом следует поединок, называемый греками агон. Это — первая фаза.
2. Борьба приводит к страсти или страданию и поражению Диониса, Духа Года. Это — пафос.
3. Затем следуют плач (ламентации), френос со стороны хора, зрителей драмы.
4. Наступает чудесная энантиодромия, бог проявляется вновь. Он возрождается, являясь на другом уровне, что называется теофанией.

Я снова обращаюсь к той круговой последовательности (диаграмма 3), чтобы сравнить ее с другими. По мере продвижения вы увидите параллель с изображениями Розария. Я думаю, параллели неизбежны, поскольку эти циклы происходят из одного базового архетипа.

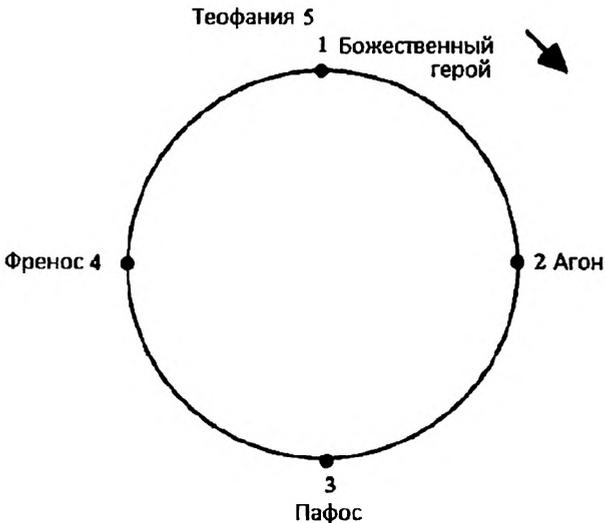

Диаграмма 3. Смерть и возрождение Духа Года

Паттерн рисунков «Rosarium» символически представляет стадии динамического процесса в объективной психике. Напомню, что картины, на которые мы с вами сегодня смотрим, — алхимические. Они предназначены для иллюстрации событий, происходящих в алхимическом сосуде. О них можно забыть, потому что их не показывают заключенными в сосуде. Однако именно это они должны представлять. Изображения выражают события в пределах сосуда, в некоем окружении.

В попытке понять эти вопросы в психологическом отношении, я собираюсь несколько отойти от точки зрения Юнга. Нет никакого смысла просто повторять, что Юнг имел в виду, но я настоятельно рекомендую вам прочитать эту книгу просто для себя. Я предложу вам другие способы посмотреть на изображения. Речь не идет об или-или, речь идет об исследовании различных аспектов. Как и все основные символические образы, они мерцают множеством граней-значений, и вы, наверное, сможете открыть еще несколько самостоятельно. Я же намереваюсь рассмотреть этот ряд картин как представление о трех различных психологических контекстах.

1. Первый — процесс, происходящий в пределах отдельной психики. В этом случае сосуд, содержащий процесс, является отдельным индивидом.
2. Второй — процесс, происходящий между двумя индивидами. В этом случае содержание сосуда — отношения в паре.
3. Третий — представление психологического процесса в пределах группы или сообщества. В данном случае это коллективный процесс, а вовсе не личный. Индивиды, составляющие группу, будут всего лишь малыми элементами, если можно так выразиться, большей коллективной драмы.

Чем больше знакомишься с алхимической символикой, тем больше становится очевидно, что алхимические образы применимы ко всему, они работают повсеместно. Если вы собираетесь использовать образы для понимания определенного опыта

или явления, нужно определить сосуд, в котором имеет место данный алхимический процесс. Три наиболее распространенных сосуда — те, которые я здесь упомянул: психика отдельного индивида, отношения между двумя индивидами и процесс, происходящий в более многочисленной группе.

Теперь приступим к исследованию изображений «Rosarium» по порядку.

Рисунок 1. Фонтан Мандалы

Мы имеем изображение фонтана с каким-то подобным цветку украшением сверху. Три трубы извергают из него жидкость в бассейн. Сооружение окружено приблизительно квадратной структурой с двухголовой змеей наверху, каждая голова извергает пар.

Это отсылает нас к древней идее происхождения четырех элементов из двух испарений. Первоначально существовало два испарения: дым и вода. Дымные испарения разделились надвое, став землей и воздухом, а водяной пар превратился в огонь и воду. Как вы видите, два рода пара, исходящие от змеи, производят четыре шестиконечных звезды, по одной в каждом из четырех углов, обозначающих четыре элемента: землю, воздух, огонь и воду. Существует и пятая звезда в центре, изображающая квинтэссенцию или пятый элемент, созданный объединением четырех элементов. Также мы видим солнце и луну по бокам.

Эта картина представляет как *prima materia*, так и *ultima materia*. Изображение стоит вне последовательности, оно принадлежит как концу, так и началу. Это альфа и омега, представляющие обе точки процесса. Мы видим так называемый Фонтан Меркурия, что в психологическом отношении показывает основание души до рождения эго.

На ранних стадиях развития, в юности, эго живет, в сильной степени идентифицируясь с тем, что символизирует данный рисунок. Фонтан беспрепятственно изливает свои живительные струи, потому рефлексии еще не существует. Однако в будущем, в процессе индивидуации, эго обязано коснуться предмета данного изображения и пережить его сознательно.

Wyr finde der metall anfang vnd erste natur /
 Die kunst macht durch vns die höchsten tinctur -
 Beyn brunn noch wasser ist meyn gleych /
 Ich mach gesund arm vnd reych.
 Vnd bin doch jzund gyseig vnd dötlich.

Рисунок 2. Появление противоположностей

Хочу обратить ваше внимание на космический характер образов (звезды, солнце и луна) и их неорганическую природу (представленную четырьмя элементами и испарениями), а также рептилию. Вот каково основание человеческой души. Природа ее именно такова, в ней нет ничего человеческого. Здесь даже не млекопитающие. Здесь ни в коей степени нет связи с нами, которую способна дать теплая кровь.

Образ, подобный этому, очень часто появляется как конечный продукт анализа. Обычно вначале он не обнаруживается вовсе, кроме тех случаев, когда возникает потребность проанализировать что-то исходящее из бессознательного, а не происходящее в нем.

Также хочу привлечь ваше внимание к тому, сколь много заложено в данном изображении. Например, встроенная символическая последовательность 1, 2, 3, 4. Один фонтан в центре, но чуть выше его два представления дуальности: солнце и луна с одной стороны, и двухголовая змея с другой. Число три показано тремя струями фонтана. Они помечены надписями «молоко девственницы», «уктус фонтана» и «вода жизни», что суть разные синонимы для эликсира, aqua reginae, жидкой версии Философского Камня. Кватерность представлена четырьмя звездами в углах, символизирующих четыре элемента. Пятая звезда обозначает число пять.

В наши дни последовательность 1, 2, 3, 4 носит название аксиомы Марии, крайне важной для Юнга. Давайте посмотрим, как часто он к ней обращается. В индексе к Собранию сочинений я нашел тридцать шесть ссылок на аксиому Марии.

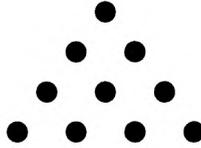
Мария Пророчица, Мария Еврейка была известным алхимиком древности, своего рода предшественницей всех алхимиков. Ее аксиома звучит так: «Одно становится двумя, а два — тремя, и третьему одно — четвертое».⁵ Есть и другая версия: «Одно — это два; два — это три; три — это четыре; и четыре — это три; и три — это два, и два — это одно».⁶

Как вы знаете, чем больше одно отражает в первых простых целых числах, тем более таинственными и значительными они

⁵ «Психология и алхимия», CW 12, параграф 209.

⁶ Там же, параграф 210, примечание 86.

становятся. Аксиома Марии соответствует древнему тетрактису Пифагора, имеющему следующий вид:

Братство пифагорейцев поклонялось тетрактису как своей священнейшей эмблеме. Они жили в то время, когда свойства числа все еще открывались. Божественность чисел и отношения между ними захватили умы этих ранних исследователей столь глубоко, они находились в такой тесной связи с их архетипическим происхождением, что священная аура чисел немедленно стала для них очевидна. Нам придется упорно работать, чтобы возвратиться к тому умонастроению, и для этого мы должны спуститься в бессознательное. Там все еще живет пифагорейская философия, и если мы дойдем до достаточной глубины, то нас захватит нуминозность изначальных вещей. Алхимики имели представление относительно их качеств, однако мы, в основном, уже потеряли его.

Юнг говорил, что первые пять простых целых чисел (1, 2, 3, 4, 5) составляют основание целой космогонии.⁷ Если бы у нас было больше времени, мы бы прошли двойную аксиому Марии. Я бы показал вам, как это представляет психологическое развитие первой и второй половины жизни. Одно становится двумя, два — тремя, три — четырьмя; четыре — тремя, три — двумя, два становится одним. Вниз и снова назад. Вниз, от единства к четырехчастному разнообразию, и затем назад, шаг за шагом, к единству.

Таково символическое резюме первой и второй половины жизни. У меня нет времени на рассмотрение этого вопроса, но для вас сказанное может оказаться достаточным для самостоятельного понимания.⁸

⁷ См. «Воспоминания, сновидения, размышления», pp. 310f.

⁸ Более полно см. Edinger, «The Mystery Lectures», lecture 23.

По мере того как мы проходим каждое изображение, хочу упомянуть, хоть и кратко, что подобные образы также появляются и в сновидениях наших современников. Первая картина соответствует структурам мандалы: круг и квадрат, фонтан, числа, и, в особенности, самые общие образы из сновидений, относящиеся к теме тройки и четверки. Эти образы выступают в аналитическом процессе как объединяющие символы, и, хотя они часто являются конечным продуктом фазы развития, иногда они могут появляться как предзнаменования будущей интеграции.

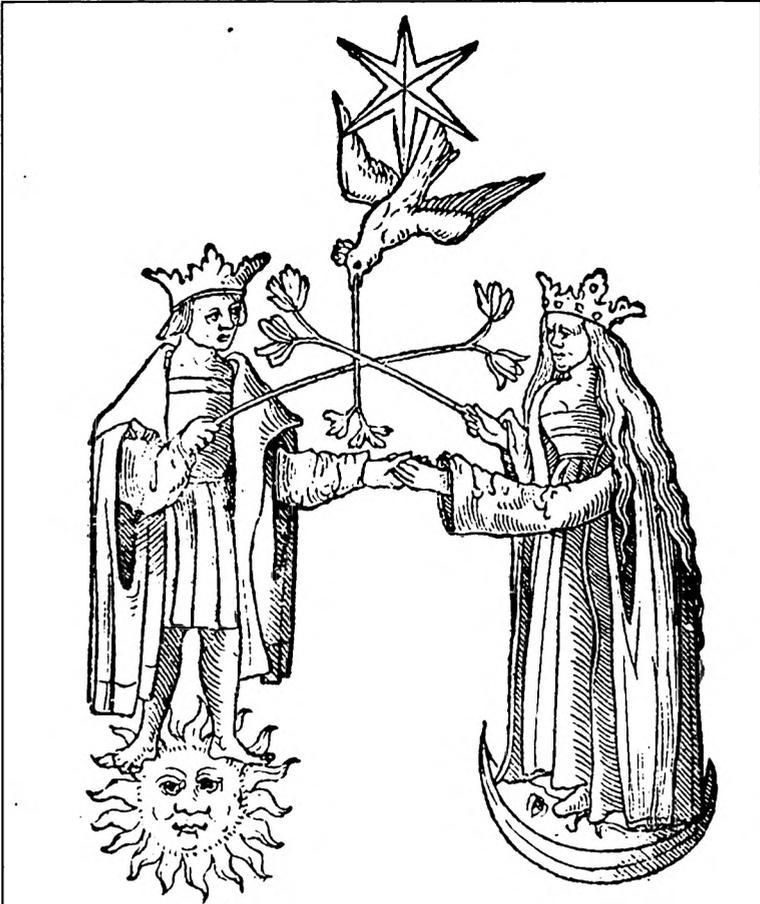
Рисунок 2. Появление противоположностей

Мы видим здесь облаченных в одежды и увенчанных коронами царя и царицу. Царь стоит на солнце, а царица — на луне. Они держат друг друга за левые руки, а в правых — цветы на длинных пересекающихся стеблях. Над их головами — шестиконечная звезда. Так как эта звезда изображена в центре, мы можем предположить, что она происходит от пятой, наиболее существенной звезды из первой картины. Под звездой слетает вниз голубь, неся в клюве цветок, который пересекает два других цветочных стебля.

Первое изображение представляет изначальное единство, а теперь единство разделено надвое. Царь и царица встретились. Есть и конфронтация, которая имеет место под мотивацией третьего предмета, голубя. Таким образом, в сравнении с Рисунком 1 мы видим соответствие *separatio* изначальному акту творения, отделившему свет от тьмы. Данная тема мифов творения появляется очень часто. Вначале существовала лишь запутанная и сложная смесь вещей, а затем божественное вмешательство вызвало разделение, оторвав землю от небес. В данном случае это раздельно стоящие солнце и луна.⁹

Творческий акт *separatio* означает рождение сознания, а сознание подразумевает человека, поэтому на Рисунке 2 мы впервые видим людей. Однако они не совсем обычные

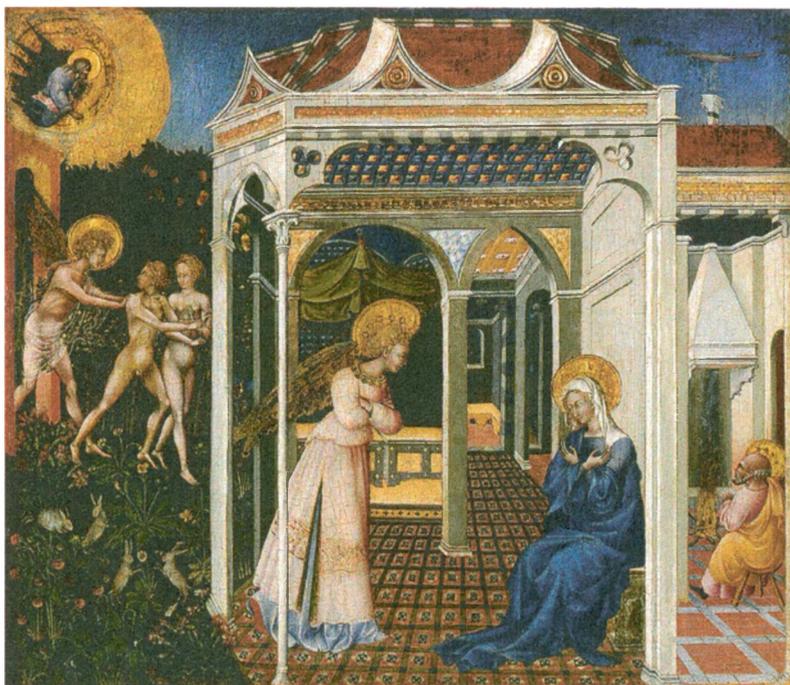
⁹ См. Эдингер, «Анатомия души», гл. 7, «Separatio».

Nota bene: In arte nostri magisterij nihil est
celatū à Philosophis excepto secreto artis, quod
non licet cuiquam reuelare, quod si fieret ille ma-
lediceretur, & indignationem domini incur-
reret, & apoplexia moreretur. Quare om-
nis error in arte existit, ex eo, quod debitam

Рисунок 2.

Появление противоположностей

*Благовещение, два ангела. Джованни ди Паоло, Сиена, около 1445 г.
Национальная Галерея Искусств, Вашингтон*

человеческие существа. Из изображений ясно, что они — архетипы, а не люди. Это обозначено двумя способами. В первую очередь, фигуры стоят на солнце и луне. Во-вторых, они — царственные особы, что представлено коронами и одеждами. Можно сказать, что сам факт того, что они стоят на солнце и луне, указывает на то, что они олицетворяют Луну и Солнце, отраженные в человеческом сознании. Также мы должны понимать Солнце и Луну в свете общей алхимической символики, чтобы установить соотношения со всеми парами противоположностей.

Голубь представляет здесь очень интересный феномен — он, несомненно, инициатор всей последующей драмы. Я рассматриваю голубя как играющего нечто вроде той же самой роли, которую играл змей в райском саду. Я уже говорил, что параллелью к данной картине является Благовещение, где выступает голубь, изображающий Святой Дух. Те, кто слушал,

Благовещение, Святой Дух нисходит в образе голубя. Из Часослова герцога Беррийского. Музей искусств Метрополитен

что я говорил о символах Благовещения, вспомните: та символика имеет определенные аналогии с искушением в Эдеме.¹⁰ Присутствие ангелов (на картине ди Паоло выше) при Благовещении и в райском саду — два проявления одной и той же психологической действительности. Имеются они и на Рисунке 2.

Голубь несет в себе две основные символические ссылки: Святой Дух в виде голубя и голубь Афродиты. Таким образом, символически эти два аспекта соединены в один парадоксальный образ. Теперь мы имеем союз противоположностей в себе. Намеки на Афродиту и Святого Духа обычно не считаются идентичными!

В психологическом отношении это означает, что начало *coniunctio* отличается пылким желанием (ведь Афродита мать желаний), и таким же желанием выступает Благовещение Святого духа. То, что голубь спускается со звезды, указывает на него как на вестника трансцендентной или космической Самости.

Вы видите, что желание толкает нас к объекту в предвкушении удовольствия, тогда как благовещение объявляет о назначении сложного задания. Это — опус, творение. Фактически, это одно и то же, но переживание данного опыта зависит от уровня психологического развития.

В юности мы более или менее энергично следуем нашим желаниям, пока опыт не научит нас уму-разуму. В ходе индивидуации мы узнаем, что следовать за либидо сознательно становится тяжелой задачей, опусом. На этой картине два аспекта отношения эго к надличностному либидо объединены единственным образом голубя. Можно сказать, это союз работы и игры.

Как вы помните, эти изображения можно рассматривать тремя способами: как процесс в индивиде, как процесс в отношениях между двумя индивидами или как процесс в коллективе.

Весьма интересно, что в древнегреческой грамматике было три числа. Неудивительно, что изучение древнегреческого языка вышло из моды! Мало того, что там имеются формы единственного и множественного числа, так придется учить еще и двойные

¹⁰ См. Edinger, «The Christian Archetype», pp. 23ff.

формы. Слово могло быть в единственном, двойном и множественном числе. Если говорить об одном человеке, используется форма единственного числа; если о двух — двойная форма; а если речь идет о более чем двух (трех или многих), используется множественное число. Кристаллизация языка в своем раннем развитии выражает феноменологию души. Структура греческой грамматики является примером того же, чем мы заняты здесь, — интерпретации картин тремя способами: в единстве, паре и множестве. Одно — одиночество, два — компания, три — толпа.

Мне следует напомнить вам и о другой особенности. Активация либидо, которое представлено голубем, может быть положительной или отрицательной, притяжением или ненавистью. Вражда продвигает *coniunctio* точно так же, как и любовь, а возможно даже и лучше. Они — две стороны одного явления, что в греческой мифологии иллюстрируется парой любовников: Аресом, богом войны, и Афродитой, богиней любви.

Давайте посмотрим, как мы могли бы понять Рисунок 2 с трех различных точек зрения. Если говорить о процессе в индивиде (не абсолютно точно в психологическом отношении, так как подобные предметы текучи и переменчивы), то отчасти верно, что фигура мужского пола представляет эго мужчины, а женская фигура — эго женщины. Я не рекомендую отождествлять психологический процесс с данными фигурами, но фактически это мы и делаем. Мы впадаем в идентификации такого рода, а затем обнаруживаем ошибку, и нам приходится изменять наши представления.¹¹

Итак, с точки зрения индивида данная картина может сообщать что-то подобное: эго, побуждаемое Афродитой и Святым Духом, захвачено интенсивной эмоциональной настойчивостью, желанием или ненавистью к чему-то, что происходит из анимы или анимуса. Анима и анимус являются персонификациями наших страстных желаний, поскольку они — врата в бессознательное. Изображенные фигуры говорят нам «Иди и возьми» или «О, это ужасно!». С этой точки зрения Рисунок 2 представляет начальную фазу побуждения под влиянием положительного

¹¹ См. «Психология переноса», Практика психотерапии, СW 16, параграф 469.

или отрицательного желания. Это определяет настроенность индивида.

Рассматривая отношения между двумя людьми, мы видим их как образ человека, охваченного страстью любви или ненависти к другому. Это — начальное движение, призванное включить или разрушить того, кто пробудил аффективную привязанность. Вам хорошо известно, что движение к другому в так называемой любви фактически имеет своей основой желание соединиться, вступить во владение, потреблять, поглощать.

В рамках третьего способа рассмотрения (как процесс в пределах социального коллектива) картина представляет две группы или фракции, мотивированные на противостояние друг другу. Такое событие почти всегда выражается во вражде. Вы не найдете много любовных привязанностей между двумя группами в одном коллективе. Таким образом, первоначальное столкновение будет иметь намерение разрушать. Тем не менее, желание уничтожить противника, другого, происходит из бессознательного побуждения *coniunctio*.

Помню, ко мне на окно как-то прилетала птичка. Она видела свое отражение в окне и никак не могла оставить его в покое. В течение многих недель она нападала на отражение с удивительным постоянством! Птичка не могла выдержать присутствие «другого» ни секунды, и подобным образом можно размышлять об этой картине. Однако сходное поведение происходит из образа *coniunctio*, побуждение уничтожить «другого» является желанием восстановить единство.

Я понимаю строительство империи, допустим, как происходящее из стремления к *coniunctio*. Не вполне уместный пример из-за сосредоточенности на эго, но я думаю, что именно это побуждение дало Александру Македонскому стимул к завоеваниям. Александр имел видение — весьма преждевременное — единого мира. И, хотя драма разыгралась в идентификации с эго, я убежден, что он послужил архетипическому принципу.

Данный образ часто является в сновидениях. Две фигуры встречаются во сне, и между ними происходят некоторые поверхностные начальные столкновения. Встречи эго и тени, например, или эго и анимуса или анимы, либо встречи двух не представляющих эго фигур. Однако первые встречи происходят неизменно.

Рисунок 3. Обнаженная истина

Перед нами опять предстают две коронованные фигуры, опирающиеся на солнце и луну, но теперь их одежды сняты. Природа их связи также отличается. Они больше не соприкасаются левыми руками, что обозначало их бессознательную связь. Вместо этого они соединены двумя цветками, за которые держатся. Голубь все также наверху с еще одним цветком, пересекающим другие цветы. Звезда отсутствует, ее заменяет земное воплощение — шестилепестковый звездный цветок, который соединяет две фигуры.

Я считаю, что цветы, прежде всего, являются ссылкой на эротический аспект энергии мотивации. В сновидениях цветы обычно указывают на две главные идеи. Если выделен один цветок, очень часто он выступает как образ мандалы, так как сами цветы — естественные мандалы. Другая идея состоит в том, что цветы олицетворяют природную возможность привлекательности. Они — проявление красоты, они — приманка. По-видимому, с телеологической точки зрения, это причина того, что растения производят цветы. Они завлекают тех существ, что служат целям растений. В психологических терминах цветы представляют собой красивую приманку, которой бессознательное протягивается к эго, дабы соблазнить его на процесс индивидуации. И любой человек надеется, что это не окажется прожорливой венеериной мухоловкой!

На этой картине добавилась новая деталь — мы видим слова. На Рисунке 1 мы тоже их видим, но те слова кажутся бесплотными и абстрактными, поскольку еще нет человеческого сознания, чтобы их прочитать. Здесь же каждая из трех фигур делает заявление. Мы видим язык, что указывает на некоторые существенные изменения при столкновении двух противоположностей. На свитках Солнце говорит: «О Луна, позволь мне быть твоим супругом». Луна отвечает: «О Солнце, я должна подчиниться тебе». Голубь говорит: «Дух есть то, что соединяет». В другой версии этой картины голубь произносит: «Дух есть то, что оживляет».

Теперь, как я уже упоминал, левые руки фигур более не соприкасаются, а звезда исчезла. Насколько я понимаю, шестиконечная звезда из первых двух картин спустилась вниз

seipſis ſecundum equalitatē inſpiſſentur: Solus enim calor tēperatus eſt humiditatis inſpiſſatiuus et mixtionis perfectiuus, et non ſuper excedens. Nā generatiōes et procreationes rerū naturaliū habent ſolū fieri per tēperatiſſimū calorē et equa lē, vti eſt ſolus ſimus equinus humidus et calidus.

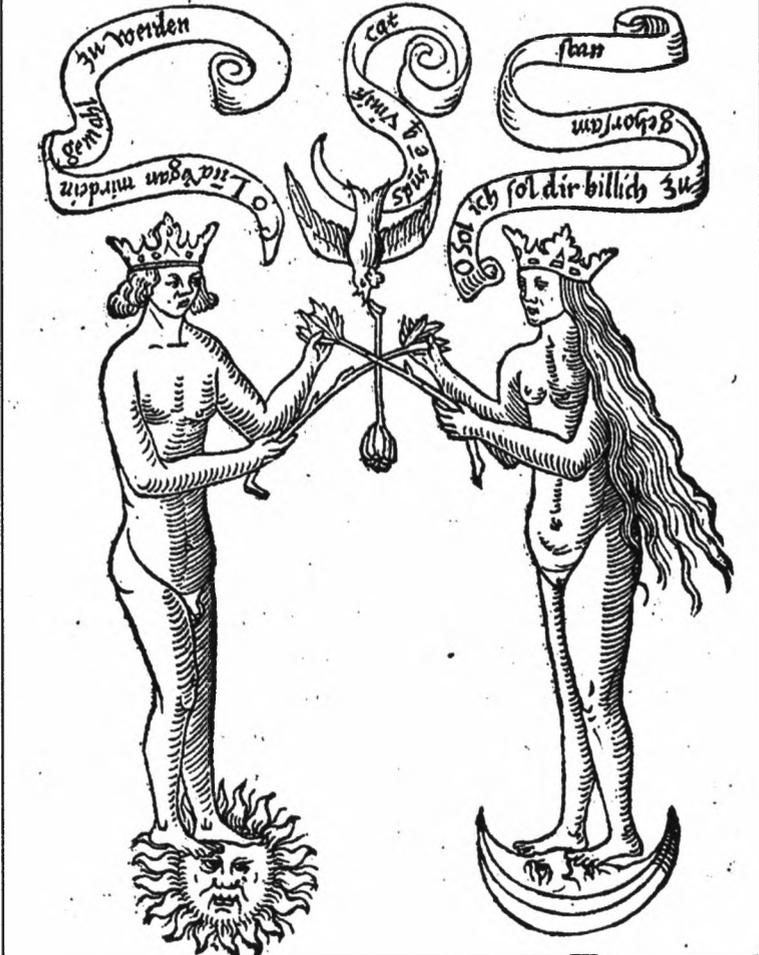

Рисунок 3. Обнаженная истина

и разместилась между двумя фигурами и голубем. Шестиконечная звезда появилась уже на Рисунке 2, но еще не полностью примкнула к композиции из-за соединения левых рук фигур. Те фигуры тогда еще не полностью посвятили себя шестиконечной связи, в отличие от нынешней ситуации.

Изображение намекает, что звезда, свидетельство трансцендентного или космического измерения, теперь образовала созвездие в отношениях между Солнцем и Луной, что соответствует воплощению божества. Вы видите погружение надличностного содержания в сосуд отношений между двумя фигурами. Или же можно сказать, что в человеческую сферу попал Образ Божий (*imago Dei*).

Напомню вам несколько замечаний Юнга на эту тему в «Ответе Иову»:

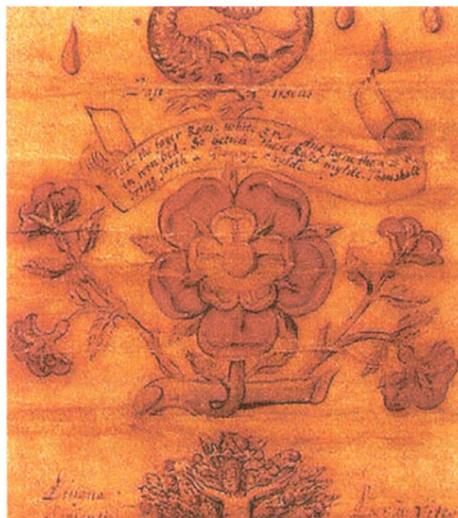
«Любая противоположность — в Боге, а потому человек должен взваливать противоположности на себя. Если он так и поступает, то это значит, что Бог завладел им во всей своей противоречивости, т. е. воплотился. Человек преисполняется божественного конфликта».¹²

«Бог действует из бессознательного самого человека и побуждает его гармонизировать и сопрягать противоположные импульсы, постоянно входящие в его сознание со стороны бессознательного».¹³

Давайте рассмотрим значение Рисунка 3 с точки зрения трех разновидностей опыта. Во-первых, применительно к индивиду есть указание на образование созвездия противоположностей и их сознательную связь, а также особое обязательство что-то предпринять. Например, это может быть обязательство добиться некоего желаемого объекта: человека, автомобиля, профессии, нечто великого или малого. Возможно, это принятое решение серьезным способом затронуть бессознательное, пойти его путем. Образы «Rosarium» могут относиться к величинам

¹² «Психология и религия», CW 11, параграф 659.

¹³ Там же, параграф 740.

Бело-красная роза, «золотой цветок» алхимии, как место рождения filius philosophorum. «Ripley Scrowle». 1588

разной важности. Однако тогда обязательство состоит в следовании интенсивным влияниям, будь они положительными или отрицательными. Таким образом, то, что было представлено на Рисунке 2 как бессознательное убеждение, на Рисунке 3 становится сознательным решением. Бессознательная связь, олицетворенная левыми руками, прекратилась.

Будучи процессом отношений, картина предполагает, что эти два персонажа потеряли свои персоны и теперь приближаются друг к другу с тем, что Юнг именует «обнаженной истиной». Они взаимно стремятся продолжать отношения, они не просто флиртуют, как на Рисунке 2. Образуется психологическая близость, и между ними вступает в связь третий предмет — трансцендентная звезда. Близость начинает переживать себя в некотором роде — на благо или на зло.

Рассматривая данную тему как процесс в коллективе, предположим, что две противостоящие фракции выразили открытую враждебность. Их персоны вежливости были сброшены, они показали свое реальное отношение друг к другу, а значит — перспектива войны возрастает.

Образы такого рода довольно часто обнаруживаются в сновидениях. Нагота в сновидениях столь распространена, что даже много лет назад попала в рекламу: «Мне снилось, что на мне был бюстгальтер Мейденформ». Весьма часто такой образ относится к дефектной персоне и обозначает, что человек движется к погружению в купель неумышленно, не зная, что делает. Подобные сновидения напоминают: «Погоди-ка, ты действительно намерен предпринять этот процесс или же всего лишь наткнулся на него по ошибке? Если это твоя большая ошибка, тебе лучше одеться».

Хотя в других случаях образ наготы в сновидениях свидетельствует о психологической честности. Все притворство снято и отброшено, процесс будет продолжаться со всей честностью.

Рисунок 4. Погружение в купель

Мы видим заполненную водой купель (шестиугольный бассейн) — подобным образом вновь дублируется шестичастная природа звезды и расположение цветов на более низком уровне. Обнаженные коронованные царь и царица сидят в воде, голубь снова присутствует.

Столкновение сделало шаг вперед, две фигуры теперь объединены не только цветами, которые они держат, но также и водой. Они положили начало состоянию взаимного *solutio*.

Solutio — основной алхимический образ, который также чрезвычайно важен в психологическом отношении. Основные образы, относящиеся к данной символической системе, включают плавание в воде, купание, омовение потоком воды, возможно утопление, растворение, но также и крещение, и омоложение посредством испытания водой. *Solutio* являет образ нисхождения в бессознательное, что производит эффект распада твердой организованной структуры эго. Для алхимика *solutio* означает возвращение дифференцированной материи в ее первоначальное недифференцированное состояние *prima materia*. Вода мыслилась как материнская утроба, а вхождение в воду (*solutio*) — как возврат во чрево ради возрождения. К примеру, в одном из текстов старый король подвергается *solutio* посредством утопления, произнося следующее:

corrūpitur, neq̄ ex imperfecto penitus secundū
artem aliquid fieri potest. Ratio est quia ars pri
mas dispositiones inducere non potest, sed lapis
noster est res media inter perfecta & imperfecta
corpora, & quod natura ipsa incepit hoc per ar
tem ad perfectionē dedu citur. Si in ipso Mercurio
operari inceperis vbi natura reliquit imper
fectum, inuenies in eo perfectionē et gaudebis.

Perfectum non alteratur, sed corrumpitur.
Sed imperfectum bene alteratur, ergo corrup
tio vnus est generatio alterius.

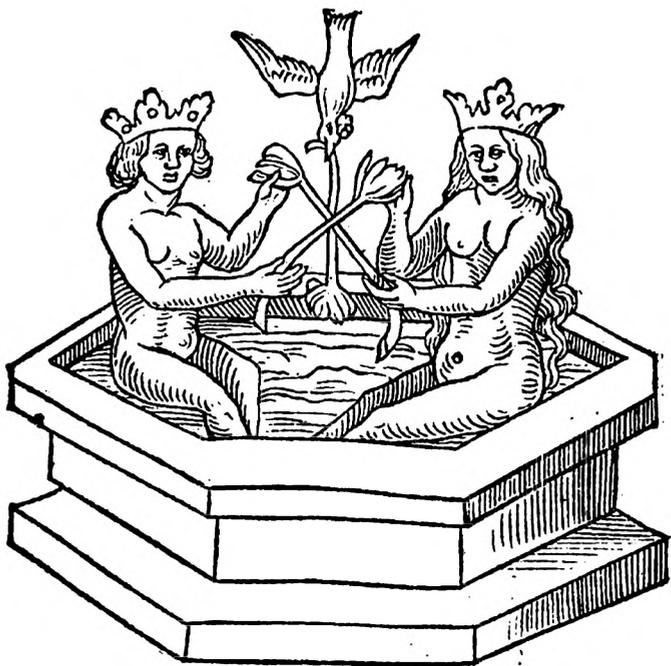

Рисунок 4. Погружение в купель

Иначе я не могу войти в Царство Божие:
И посему должно мне вновь родиться,
Я смирюсь на груди Матери,
Растворившись в Первой Материи, и упокоюсь.¹⁴

Что же, две фигуры следуют тому же рецепту. Есть и другой алхимический рецепт *solutio* из «Тайной Книги Артефия»:

«Раствори тогда солнце и луну в нашей растворяющей воде, которая есть знакомая и дружественная, и следующая природе в них, и как бы это была утроба, мать, источник, начало и конец их жизни. И это есть причина, почему они улучшаются или исправляются в сей воде, поскольку природа радуется природе подобной... И так надлежит присоединяться к кровному родству или сходству видом... И поскольку солнце и луна происходят из сей воды их матери, им должно вступить в нее снова, то есть в утробу их матери, дабы они регенерировались или родились снова и сделались здоровее, благороднее, а также сильнее».¹⁵

Образ царя и царицы в купели и растворение Солнца и Луны обращаются к известному алхимикам химическому факту: для них *Sol* и *Luna*, солнце и луна, соотносятся с золотом и серебром. Алхимики были увлечены идеей так или иначе объединить эти два металла, представляющие противоположности. Но как это сделать? Предположим, они обнаружили, что один из способов соединения состоял в сплавлении с ртутью; тогда получается амальгама, то есть смесь или союз золота и серебра.

С химической точки зрения именно это представляет картина: золото и серебро, погружаемые в фонтан ртути, в ванну жидкой ртути, чтобы подвергнуться растворению. Таков химический образ того, что фактически происходит в лаборатории. Но, конечно, все богатые фантазии алхимиков,

¹⁴ «Mysterium Coniunctionis», CW 14, параграф 380.

¹⁵ См. «The Lives of the Alchemical Philosophers», pp. 145–146.

Меркурий как Дева, стоящая на фонтане из золота (Sol) и серебра (Luna). Фома Аквинский, pseud.; *De alchimia*, XVI в.

спроецированные на данный образ, являются выражением психологического процесса в бессознательном.

Рисунок 4 являет нам образ мистического участия (*participation mystique*). Вы видите, как, согласно рецепту, золото и серебро были первоначально рождены из чрева матери, которая соответствует фонтану меркурия. Первоначально противоположности были разделены и дифференцированы от матрицы бессознательного, но теперь они полностью меняют направление и возвращаются во чрево, вновь сплаваясь в исходное состояние. Рецепт говорит об этом с большой красноречивостью:

«Наша растворяющая вода, которая есть знакомая и дружественная». Они улучшаются, смягчаются и радуются по мере растворения — вот в чем состоит идея.

В психологическом отношении это и верно, и не верно, поскольку зависит от уровня развития эго. Мы должны быть благодарны Эриху Нойманну за прекрасную проработку различных аспектов феномена сплавления и слияния с Великой Матерью. В «Происхождении и истории сознания» он высказывает мнение, что слияние и растворение в идентификации с Великой Матерью, которая совпадает со слиянием в фонтане ртути, испытывается по-разному в зависимости от уровня развития эго.¹⁶

Для довольно незрелого эго возможность избавиться от болезненного опыта отдельного существования представляется благословением. Таким образом, эго погружается в материнский фонтан, теряет свое различаемое состояние и воспринимает его как блаженство, как своего рода экстаз забвения. Однако, по мере развития эго до несколько большей степени, оно узнает, что автономное существование является драгоценной и рискованной вещью. И тогда угроза возвращения в недифференцированное растворенное состояние переживается как ужас небытия. В тот момент фонтан ртути принимает на себя аспект челюстей пожирающего монстра. Достаточно развитое эго, способное оценить отдельное существование, сбегит от опыта растворения в ужасе. Нойманн превосходно разрабатывает этот вопрос, который является основной темой Рисунка 4.

Вопрос: То же верно наоборот? Может ли зрелое эго ощутить мгновенное блаженство, зная, что может выйти из него?

— Дело в том, что никому из нас никогда не достигнуть состояния полной зрелости без небольшого элемента «благословения». Иными словами, психика является композитной — это не одна сущность, а смесь вещей. Однако, говоря о различных

¹⁶ «Происхождение и развития сознания», ч. I, разделы А и В.

стадиях, мы должны притвориться, что они разделены более точно, нежели на самом деле.

Вопрос: Это такая счастливая картина — пара в горячей ванне... но что насчет противоположного? Вы говорили о любовном аспекте, а присутствует ли враждебность?

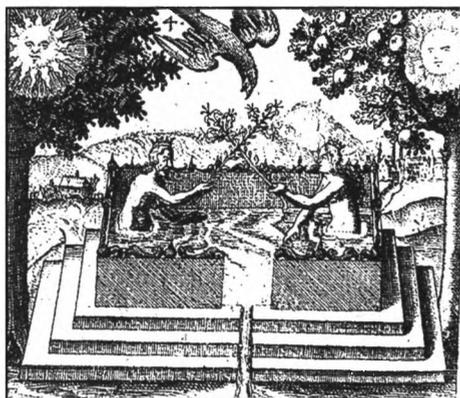
— Верно. Давайте теперь рассмотрим эти вопросы с точки зрения наших трех способов. Во-первых, если подумать о картине как о представлении процесса в индивидуе, происходит погружение в бессознательное. Индивид охватывает объект страстного желания, и начинается процесс слияния с ним. Обычно подобное переживается позитивно, и отрицательный аспект в сознании не обнаруживается вплоть до нескольких картин позже. Мы еще доберемся до этого момента, но чаще всего человеком эта ситуация воспринимается как вполне счастливая.

Вопрос: Насколько я понял, иногда процесс показывает себя как любовь, а иногда — как борьба. Как данная стадия отражается в сновидениях (в индивидуальной, парной или коллективной форме), когда ситуация означает вражду, а не любовь?

— Точно так же. Понимаете, идентификация с пылкой страстью так или иначе является растворением.

Рассматривая процесс в пределах отношений, можно сказать, что движение к единению стало безвозвратным, и эти двое приходят в состояние слияния или взаимной идентификации, что составляет мистическое участие.

Другая важная особенность интенсивных личных отношений хорошо проиллюстрирована в Рисунке 4. В этой конфигурации врожденная Самость, потенциально доступная каждому человеку, образует созвездие в сосуде отношений. На картине Самость иллюстрируется спуском шестиконечной звезды вниз к шестилепестковому цветку, и затем в шестигранную купель. Иными словами, трансперсональный фактор, потенциально доступный каждому, образует созвездие в отношениях, однако все еще не индивидуализирован. Каждый партнер обретает опыт цельности в отношениях, и это — весьма ценное событие.

Алхимические образы solutio. Вверху: омовение; внизу: царь и царица в купели. J.D. Mylius, «Philosophic reformata». 1622

Как вы видите, в данном случае мы имеем не просто отрицательное растворение, потому что сосуд, содержащий сплав идентификации, является сосудом, представляющим надличностное образование. Данное общее явление, как вам известно, может продлиться целую жизнь. Сколько мы наблюдаем брачных союзов, где два партнера составляют две половины целого. Целность живет в паре — не в одном из партнеров, — и она работает! Когда один из супругов умирает, вскорости умирает и другой, потому что сосуд оказывается разбит. Таково было бы положения дел, если бы процесс останавливался на Рисунке 4.

Образ *solutio*: царь, затянутый водоворотом.
Michael Maier, «*Atalanta Fugiens*». 1618

Третья возможность состоит в анализе картины, выражающей процесс в коллективе. В этом случае две противостоящие фракции перешли точку невозврата, война объявлена. Значение войны, значение самого соперничества оказывается той же самой шестиугольной купелью. Она имеет то же самое значение, что и отношения пары. Так я понимаю ответ Кришны Арджуне в Бхагавад-Гите. Арджуна, уже на рассвете дня сражения, не хочет биться. Многие родственники ополчились против него, он готов сдаться: «Я не хочу бороться против моих родственников». Кришна, приняв вид его колесничего, учит его поступить иначе. В конце концов, Арджуна вступает в бой.

Доктрина эта очень трудна, хотя суть ее краткая: «Ты выходишь и сражаешься». Нам следует отыскать очень широкую точку зрения, чтобы понять этот совет, и я думаю, что образы помогут нам. Пока возможность *coniunctio* находится в коллективной ситуации, человек служит цели *coniunctio*, играя свою

роль в великой коллективной драме. Вот как я понимаю действия Арджуны. В конце концов, это произошло приблизительно в 600 году до нашей эры, когда был записан эпос. Если судьба помещает индивида в какое-то время и в какое-то место, где *coniunctio* проявляется в пределах сосуда войны, придется просто подчиниться.

Данный образ часто встречается в сновидениях. Все различные образы, относящиеся к *solutio*, являются применимыми. Целая глава о символике *solutio* в «Анатомии души» вполне относится к этой картине. В основном это означает пропитываться бессознательным, у которого имеются различные возможности, что потенциально благоприятно и может очистить, способствуя обновлению и возрождению. Но также существуют очень тревожные значения, в которых индивид может подвергнуться растворению и утоплению, смерти и рассеиванию, и это часто зависит от того, рассматривает ли индивид проблему в краткосрочных или долгосрочных условиях.

В краткосрочной перспективе образы *solutio* в сновидениях часто являются зловещими, например: наводнения, приливные волны. Однако в длинном ряде сновидений можно оглянуться назад на подобные сны и увидеть, что они фактически объявляют основные стадии развития, они — предвестники опыта возрождения и смерти. Конечно, этот эффект легче почувствовать ретроспективно, нежели в перспективе.

Рисунок 5. Соединение, проявление тайны

Здесь мы видим полностью отличную ситуацию. Знакомые образы предыдущих картин пропали. Две фигуры погрузились в фонтан и находятся под водой, и, следовательно, вообще не видимы. Однако через стенку купели мы можем заглянуть внутрь и узнать, что происходит под поверхностью воды. Вот почему я называю изображение «соединением, проявлением тайны». Действительно, не предполагается, чтобы мы видели происходящее, так как возможность лицезреть хоть проблеск в глубине станет нарушением священной тайны.

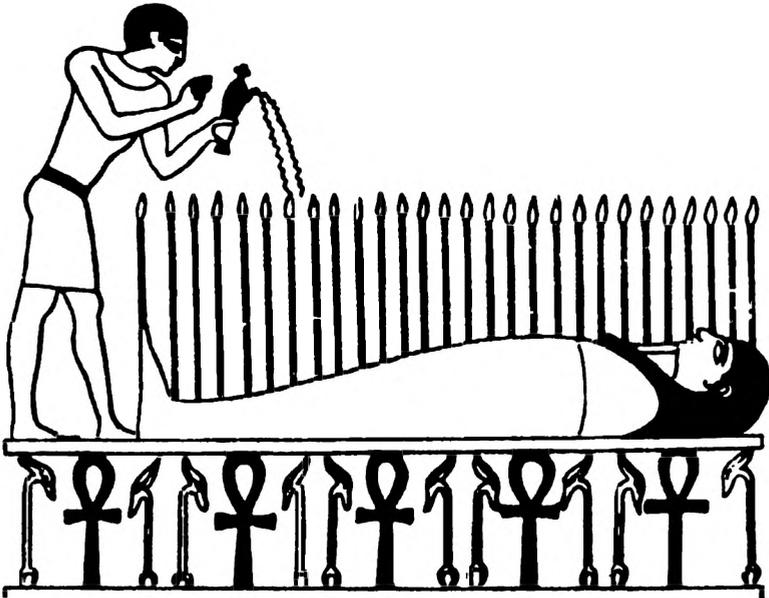
Голубь отсутствует, равно как и звезда. Цветок тоже исчез. Солнце и Луна остались, но они опустились к фигурам, потому

CONIVNCTIO SIVE
Coitus.

O Luna durch meyn umbgeben/ vnd susse mynne/
Wirstu schön/ starck/ vnd gewaltig als ich byn.
O Sol/ du bist vber alle liecht zu erkennen/
So bedarffstu doch mein als der han der hennen.

Рисунок 5. Соединение, проявление тайны

Зерно, вырастающее из мертвого тела Осириса. С барельефа в Филах

что те персонифицируют солнце и луну, с которыми находятся в состоянии общения.

Таким образом, картина изображает завершение первой половины процесса, что напоминает мне об элевсинских мистериях. Как вы знаете, что действительно происходило в Элевсине, нам точно неизвестно. Тайну хранили столь ревностно, что никто не мог быть уверен в том, что получил посвящение. Однако у нас есть причина полагать, что в звездный час великих тайн Элевсина жрец и жрица спускались в глубины земли и праздновали иерогамию, священный брак, плодом которого становилось рождение ребенка. Дитя представляли группе верующих, причем в символическом виде, — выносили сноп пшеницы. Этот обряд происходит из смерти и возрождения Диониса, который пересекается с Осирисом в ассоциации с символикой зерна. Я упоминаю эту связь, чтобы вставить ее в последовательность диаграммы 3.¹⁷

¹⁷ Выше, стр. 39.

Подобное происходит на Рисунке 5. Ныне эта стадия обычно не испытывается сознательно, ее проживают, но не испытывают. В подавляющем большинстве случаев этот цикл, бесконечно повторяясь в истории человечества, замыкается на Рисунке 5, возвращается к Рисунку 1 и начинается снова.

Как вы видите, осознание не увеличивается, когда мы хватаем объект желания. Знакомо, не так ли? Овладение не приносит осознания, нисколько. Мы просто чувствуем удовлетворение, а затем начинаем снова. Таким образом, то, что мы видим на Рисунке 5, покрывается темной завесой, и цикл дальше не идет. Но я думаю, что и этого в значительной степени достаточно для первой половины жизни.

Однако может настать время, когда этого не произойдет. Завеса падает, окно распахивается, и появляется возможность бросить взгляд на действительные события в психологическом отношении. Это означает проблеск понимания того, как работают противоположности. Как только человек это замечает, эффектом становится ужасающий шок, и он уже не станет прежним. Если цикл возвращения к Рисунку 1 не сработает, индивид больше не будет наивным дитя природы. Я думаю, что данная тема перекликается с Шекспиром, по крайней мере, звучит по-шекспировски!

Вот что происходит в человеке. С точки зрения отношений мы находим указание на то, что оба партнера достигли состояния полной взаимной идентификации. Речь не идет о конкретной сексуальности. Скорее мы говорим о том, что сексуальность символизирует в психологическом отношении — состояние психологического единства, на которое я ссылался, рассказывая о предыдущей картине. Это может быть кульминацией единства.

То, что действие происходит под водой, указывает на его бессознательный характер. В этом кроется настоящая опасность для одностороннего солнечного сознания, и параллельная картина в «Rosarium» указывает на угрозу. Мы видим изображение солнца, которое проглатывает лев. Инстинктивный уровень одерживает верх.

Если иметь в виду процесс в коллективе, на Рисунке 5 представлены две антагонистические группы или фракции, слившиеся в фатальном объятии. Идет война, и последствия будут

Зеленый лев, пожирающий солнце. Rosarium philosophorum. 1550

определены битвой. Вы знаете, что поединок ранее считался одной из форм правосудия? Всякий раз, когда между двумя фракциями или двумя людьми возникал спор любого рода, их спор мог быть вынесен на испытание поединком. Идея состояла в том, что на стороне победителя, кем бы он ни был, должен стоять сам Бог. Эта психологическая техника все еще работает практически во всем коллективном функционировании на любом уровне: от международного до национального, вплоть до меньших организаций. Испытание боем определяет результат.

Обычно место возвращения цикла становится обрывом, возвращением к стадии 1 без перехода на стадию 6. Это соответствует состоянию нормального развития эго, в котором успехи и достижения значительно перевешивают неудачи. Это означает целый ряд удовольствий, удовлетворяющих опытов, которые помогают развитию эго, способствуя определенной способности функционирования, получая желаемое, идя от одного успеха и одного желания к другому, однако не к другому уровню

сознания. Человек придет лишь к первой половине жизненного сознания, но не ко второй. Тема второй половины жизненного сознания появляется на последних пяти картинах.

Я должен сказать пару слов о том, как этот образ возникает в сновидениях. Как каждый из нас интерпретирует приснившийся половой акт? Обычно он соотносится с состоянием близости, имеющей место между эго и анимой или анимусом, в зависимости от того, идет речь о мужском или женском эго.

Каждый раз, когда я встречаю сон, где сновидец совершает половой акт с индивидом противоположного пола, я немедленно разыскиваю то, что происходило накануне. Я ищу атаку анимуса или настроение анимы, в зависимости от того, снится ли сон женщине или мужчине, потому что именно с полом обычно соотносятся сновидения такого рода. Они обращаются к запретным отношениям с анимой или анимусом.

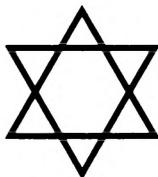
Однако такие сношения являются аспектом *coniunctio*. Они запретны лишь потому, что эго выстраивает определенные критерии, согласно которым так и есть. Это пример слияния эго с фигурой из бессознательного, и критика действует лишь в короткой перспективе, потому что обычно уровень адаптации индивида снижается на несколько градусов, если он находится в настроении анимы или анимуса. Ценность такого опыта состоит в его наличии. Здесь может быть положено начало узнавания природы анимы или анимуса, что способствует преобразованию *coniunctio* в сознательный опыт.

Если две фигуры (кроме эго) находятся в общении, значение здесь совершенно другое. Скорее, речь идет о соединении противоположностей.

Вопрос: Не могли бы вы сказать что-нибудь о числе шесть?

— Шестерка — второе проявление тройки в ряду чисел, что геометрически представлено пересечением двух треугольников, обращенных вверх и вниз. В алхимической символике треугольник вершиной вниз обозначает воду, а вершиной вверх — огонь. Вместе они представляют союз противоположностей.

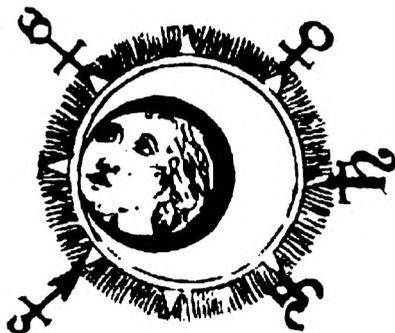
Шесть также считается числом брака, поскольку два треугольника огня и воды объединены в шестиконечную фигуру. Я думаю, что это главное указание на символику шестерки этом ряду изображений.¹⁸

Вопрос: Что, если в сновидении, подобном изображению на Рисунке 5, оказываются две фигуры одного пола?

— Если они одного пола, это означает, что эго и тень требуют интеграции. Интеграция еще не имела места, и бессознательное стремится к ней. Это образ потенциальной интеграции.

Вопрос: На более ранних картинах луна была полумесяцем. На Рисунке 5 луна полна. Это важно?

— Я не думал об этом, но наблюдение интересное. Вполне соответствует, не так ли? Когда вы погружаетесь в воду, вы оказываетесь в сфере луны, и для луны естественно, чтобы она была полна. Хорошее замечание.

Эликсир луны. Codex Reginensis Latinus. 1458, XVII в.

¹⁸ Число 6 рассматривается более полно в «Психологии переноса», CW 16, параграф 451, примечание 8.

Рисунок 6. В гробнице

*Здесь покоятся мертвые Царь и Царица.
Душа терпит великое бедствие.*

Рисунок 6. В гробнице

Все радикально упрощается! Мы видим могильную плиту с лежащим на нем нетронутым мертвым телом, и это — все, что есть. Напоминаю вам, что это изображение следует за уже рассмотренной картиной открытия тайны. С этой точки зрения картина показывает эффект наблюдения того, что произошло на Рисунке 5. В буквальном смысле бьет наповал.

Существует множество различных способов рассмотрения, но я хочу обратить внимание на один из них, особенно учитывая мои более ранние замечания: Рисунки 5 и 6 представляют последствие наблюдения в динамике противоположностей. Как только человек увидит, как они работают, он будет ошеломлен. Он окажется внезапно изгнан из жизненного процесса, который его поддерживал, а шок произведет эффект своего рода психологической смерти. Как только вы заглянете на обратную сторону работы противоположностей, вы перестанете быть их жертвой, но, в то же время, вы потеряете связь с энергией, которая двигала вас через жизнь.

Такой инсайт способен буквально убить. Это образ того, что происходит, когда индивид сталкивается с точкой зрения вне противоположностей. Это наносит глубокое — возможно фатальное — ранение эго. Поскольку, если индивид заглядывает за механизм противоположностей, при условии их объединения, движущая часть психики ломается. По крайней мере, ломается движущая часть эго. Исчезает энергетический градиент между полюсами, поддерживающими поток жизни. Противоположности уравнивают друг друга.

С точки зрения типичной алхимической символики это образ *mortificatio*¹⁹. Очень немногие алхимические операции следуют друг за другом регулярно — как правило, никакой строгой последовательности нет. Однако существует определенная регулярность: за *coniunctio* следует *mortificatio*. Если *coniunctio* не является окончательным, полностью завершающим процесс, если происходит промежуточное или меньшее *coniunctio*²⁰, тогда *mortificatio* неизбежно, и это показано в данном ряде картин.

Оглянитесь вокруг, и вы увидите множество примеров. Это тема брака и смерти: брак, за которым следует смерть, либо кто-то женится на Смерти, либо еще какая-нибудь связь²¹. Здесь находит свое выражение архетипическая последовательность *coniunctio*,

¹⁹ См. Эдингер, «Анатомия души», гл. 6, «Mortificatio».

²⁰ Там же, параграф 211.

²¹ Пример из жизни Юнга см. Barbara Hannah, «Jung, His Life and Work: A Biographical Memoir», p. 346.

сопровождаемая *mortificatio*. Подумайте, например, о Тристане и Изольде, Ромео и Джульетте. Можно сказать, с точки зрения архетипов, что судьба любовников — умереть. Таким образом, если речь идет о любовнике, лучше отбросить идентификацию с данным состоянием, пока риск не станет фатальным.

Рисунок 6 можно рассмотреть и другим способом: как представление смерти эго после столкновения с Самостью. Это может произойти, если эго полностью отождествлено с одной стороной пары противоположностей. Затем, когда возникает соединение, эго постигает судьба объединенных противоположностей: противоположности умирают в ходе рождения более высокой тотальности, которая превышает их, но если эго будет отождествлено с одной из частей, то оно разделит опыт смерти.

Оскар Уайльд однажды заметил, что получить желаемое намного хуже, чем не получить его вовсе²². Он переживал эту последовательность в своей личной жизни, как вы можете знать, и поражение привело к значительному углублению его психологии.

Рисунок 6 показывает нам, что происходит после того, как человек объединяется с объектом, который несет проекцию желания, обеспечивая явление сознания на сцене. Как я уже говорил, очень часто цикл замыкается, и первые пять картин повторяют себя. Но если сознание входит в картину, то человек получает то, что хочет, обнаруживая, что это не то, чего он хотел. Следовательно, он получает ощущение разочарования и смерти.

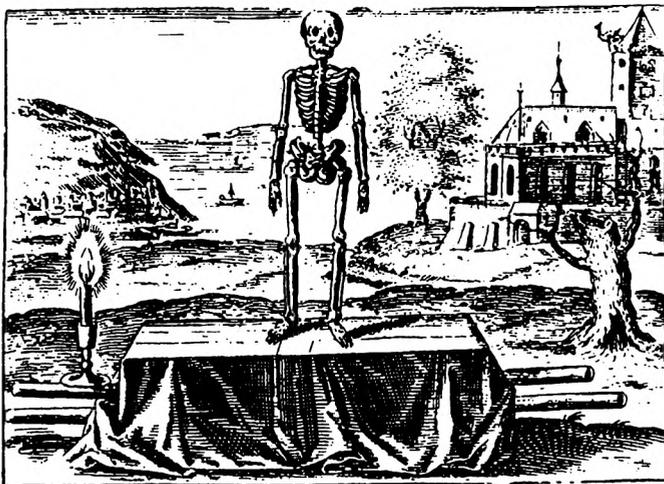

Вопрос: Что остается после удаления проецирования?

— На какое-то время не остается ничего. Если жизнь заключается в особом внешнем объекте, и затем эта жизнь, эта энергия, оставляет объект, то от той связи не остается ничего. Но тогда

²² Точная цитата из пьесы Уайльда «Веер леди Уиндемир» звучит так:

«В нашей жизни возможны только две трагедии. Одна — это когда не получаешь того, что хочешь, другая — когда получаешь. Вторая хуже, это поистине трагедия!» (3 акт).

Скелет как образ mortification. А.Е. Waite, trans. «The Hermetic Museum».

недостающая жизнь должна быть обнаружена и открыта вновь внутри. У проекции есть шанс на интеграцию.

В некоторых текстах алхимики заявляют, что смерть является зачатием Философского Камня²³. Это необходимое начало процесса, который представляет развитие Философского Камня. Если Рисунок 10 можно назвать изображением Философского Камня, то Рисунок 6 является его зачатием, первым шагом. Слово *conseptio* написано сверху Рисунка 6.

Вот что Юнг говорит о психологии данного события:

«Интеграция содержаний, всегда бывших бессознательными и проецировавшихся, подразумевает серьезное ущемление эго. Алхимия выражает его с помощью символов смерти, увечий, отравления ядом».²⁴

Именно это представлено на Рисунке 6.

²³ См., например, комментарии Юнга к «Психологии переноса», CW 16, параграф 473.

²⁴ Там же, параграф 472.

Так столкновение меньшего (эго) с Самостью вызывает повреждение, которое граничит с фатальным. Я думаю, что это подобно столкновению первобытного общества с более высокоразвитым.

Давайте рассмотрим немного больше аспекты символики *mortificatio*. Я дам вам несколько относящихся к вопросу алхимических текстов, просто для создания атмосферы.

«О счастливые врата черноты, — восклицает мудрец, — что суть проход к столь славной перемене. Учись, посему, кто бы ни притязал на данное Искусство, лишь бы знать сию тайну, поскольку знающий ее должен знать все, но быть неосведомленным о ней значит быть неосведомленным обо всем. Ибо гниение предшествует зачатку каждой новой формы в существовании».²⁵

Гниение является одним из аспектов *mortificatio*. Это всего один шаг вперед — ты умираешь и затем гниешь. Вот что говорит об этом алхимический текст:

«Гниение имеет столь большую силу, что уничтожает старую природу и трансмутирует все в иную новую природу, принося и другие новые плоды. Все живые существа умирают, все мертвое разлагается, но затем все мертвые возвращаются к жизни. Гниение устраняет остроту всех разъедающих духов соли, делая их мягкими и сладостными».²⁶

Парадоксальный образ мышления, но идея состоит в том, что воняющее и мерзостное гниение вызывает сладостные и мягкие последствия.

Наиболее часто в текстах встречается царь (король) или *Sol*, который подвергается *mortificatio*. В последовательности «*Rosarium*» это одновременно *Sol* и *Luna*. Для человека *Sol*

²⁵ Scholia to «The Golden Treatise of Hermes», quoted in M.A. Atwood, «Hermetic Philosophy and Alchemy», pp. 126f.

²⁶ Paracelsus, «The Hermetic and Alchemical Writings of Paracelsus», 1:153.

представляет архетипический принцип функционирования эго, а *Luna* — то же самое для женщины. Именно такой эгоцентризм должен быть умерщвлен на определенной стадии. Юнг писал:

«Эгоцентризм является необходимым признаком сознания и также является его специфическим прегрешением».²⁷

A mortificatio — возможное наказание за тот грех.

Как этот образ обнаруживается теми различными способами, о которых мы говорили? В индивиде находится изображение ситуации, где эго объединяется с желаемым объектом и затем испытывает разочарование. Это следует не только за любым прежним событием, но скорее за некоторым решающим приобретением опыта, в то время когда новый уровень сознания уже готов появиться. Затем, после обретения того, что индивид мыслил желанным, он обнаруживает, что все время искал не ту вещь, и это производит эффект откровения.

Возможен и совсем противоположный образ — неудача в получении желаемого и фрустрация. Поскольку настало время, индивид отбрасывает проблему и отправляется на поиски лучшего, однако выносит или обязан вынести горечь полного расстройствa, не добившись желаемого. В процессе поражения и *mortificatio* индивид совершает переход на другой уровень знания.

Вы видите, так или иначе, это опыт поражения. Если получить желаемое и узнать, что на самом деле этого не хотелось, то поражение столь же очевидно, как и в случае отсутствия желаемого, а в некотором отношении даже хуже, потому что индивид делает все сам.

С точки зрения отношений мы можем думать о процессе как о представлении двух человек, психологически слившихся друг с другом, как я говорил ранее, и в ходе этого слияния потерявших свои отдельные личности, а затем обнаруживших данный факт. Если не понимать произошедшего, Рисунок 5 не будет пройден;

²⁷ «Mysterium Coniunctionis», CW 14, параграф 364.

но если действительно обнаруживается тот факт, что в зависимом слиянии в состоянии мистического участия с партнером вы потеряли свою личность, тогда это переживается как смерть. Это и есть смерть, это уже произошло, но не регистрируется, пока человек не будет осведомлен о смерти. Ситуация становится бедствием, только когда обнаруживается. Однако открытие данного факта позволяет процессу продолжиться на следующих стадиях, представленных на Рисунках 7–10.

Если мы рассматриваем Рисунок 6 как процесс в коллективе, то можно сказать, что война между двумя фракциями окончена. Борьбе, имевшей место на Рисунке 5, пришел конец. Проблема решена. По-видимому, обе стороны истощены, как победитель, так и побежденный. Те же самые вопросы применимы, если процесс не должен быть сорван. Возможно, вы заметили в истории, что часто страна, проигравшая войну, позднее добивалась более высокого уровня коллективного развития, нежели победившая. Во всяком случае, опыт поражения должен иметь место в общности, чтобы этот образ мог появиться. Естественно, с большей вероятностью образ появится у побежденной стороны, но также может возникнуть у победителя. Например, в случае пирровой победы, либо осознания того, что война не стоила борьбы и жертв.

Однако с этого момента я не считаю возможным далее исследовать последовательность картин с точки зрения коллективного процесса. Возможно, кто-то еще способен на такое, но я лишь в состоянии интерпретировать их как процесс в пределах индивида. Я полагаю, что коллективные или двойные интерпретации прекращаются на Рисунке 6, и если кто-то не согласится со мной, то я буду рад послушать.²⁸

Теперь Рисунок 6 несколько не является необычным с точки зрения образов сновидений. Образ смерти некоего лица представляет процесс трансформации. Я всегда толкую смерть в сновидениях как часть более широкой темы смерти

²⁸ Нельзя сказать, что индивид, сознательно носящий противоположности в себе, не производит индуктивного эффекта на коллектив. См. выше, pp. 25–26, и Edinger, «The Mystery Lectures», lectures 23–24.

и возрождения, и если возрождение не будет очевидно в одном сновидении, то оно обнаружится, рано или поздно, в будущем.

Конечно, образ оказывает наибольшее влияние, когда у сновидца имеется опыт смерти. Это не столь распространено, но и не редко. По моему опыту смерть во сне никогда не означает буквальной смерти. Скорее она означает весьма значительное изменение установок. Достаточно важное для бессознательного, чтобы выразить его с точки зрения смерти. Старое эго и его управляющие принципы изменяются до такой степени, что это ощущается как фактическая смерть.

Вопрос: Вы не могли бы прокомментировать гермафродитические качества существа на Рисунке 6?

— Я могу повторить то, что Юнг говорил относительно актуального клинического материала из собственной практики, и то же относится к моему собственному опыту: образ гермафродита вовсе не является образом конечного продукта. Скорее это образ оригинальной сложной смеси, *prima materia*, который должен подвергнуться дифференцированию.²⁹

Рисунок 7. Разделение души и тела

Все опять несколько усложняется, в картине появляется больше элементов. Мы видим ту же самую могильную плиту с лежащим на ней телом, но еще и крошечную фигурку, которая поднимается от тела в облако, проплывающее поверх гробницы.

Перед нами представление древнего образа души, отделяющейся от тела в момент смерти. Вы можете найти подобную графику в некоторых старых текстах — у Гомера, например. Когда человек умирал, очевидцы считали, что видели, как некая призрачная дымка выходила изо рта покойника и поднималась вверх. Люди считали это душой, отходящей от тела в момент смерти. Отделение души было сильно связано с дыханием, потому что вдох и выдох являются доказательствами, что душа все еще находится в теле, а когда дыхание останавливается, тогда

²⁹ См. Комментарии Юнга в «Психологии переноса, CW 16, параграф 494.

ANIMÆ EXTRACTIO VEL *impregnatio.*

**Zwe teylen sich die vier element/
Aus dem leyb scheydt sich die se lebend.**

*Вот разделение четырех элементов,
Словно от безжизненного тела отделяется душа.*

Рисунок 7. Разделение души и тела

душа оставила тело. Я слышал нечто подобное от людей, ставших свидетелями смерти и получивших яркое ощущение души, оставляющей тело, которая часто уподобляется дуновению.

В психологическом отношении данное явление соответствует, хоть и в меньшей степени, тому, что происходит при сломе любой значительной идентификации или проецирования. Часть души отделяется от конкретного, материального сосуда. Пока у нас есть части души, сохраненной, словно на банковском депозите, в различных объектах, действиях или людях в нашей внешней среде, жизнь течет свободно, происходит обмен дыханием между нами и частями вынесенной вовне души. Жизнь продолжается, жить интересно, человек жив, все в движении.

Но, если какой-либо из сосудов души умирает, реакцией становится горе, потому что одновременно умирает частица самости. Требуется своего рода разделение. Нужно забрать часть своей души у умершего, иначе он потянет нас за собой в могилу.

То же самое может произойти, если человек или объект умирают в психологическом смысле. Не обязательна буквальная смерть. Психологическая смерть случается, когда уменьшается проецирование, направленное на нас. Исчезает часть непрерывной жизни, к которой мы привыкли, и мы в действительности становимся мертвы, пока недостающая часть нашей души не восстанавливается. Этот процесс и представлен на Рисунке 7.

Мне попался поразительный пример сновидения с данным образом. Несколько лет назад я переехал из Нью-Йорка в Калифорнию, чем, понятно, огорчил некоторых пациентов, с которыми работал. Один из пациентов в тот день, когда я собирался сообщить ему, что через два месяца уеду (да, в тот самый день, когда я хотел ему это сказать), поведал мне свой сон:

«Я наблюдал следующую сцену: я видел свой собственный труп, положенный на носилки. Плоть отваливалась с костей ноги, как будто в наглядном пособии. Это словно смотреть на вареного цыпленка, когда мясо легко отделяется от кости. Я сказал себе: „Это мой труп!“ Тогда голос ответил: „Душе требуется час, чтобы

оставить тело. Важно, чтобы вы помогли удержать тело от распада в течение часа, пока душа не сможет найти нужный выход».

Это замечание было, по-видимому, направлено к какому-то служителю, а затем, снова будто в наглядной демонстрации, нечто похожее на облако или пар было высосано у меня изо рта».

В современном сновидении повторился древний образ.

Мне сразу стало очевидно, что этот сон указывал на то, чего я еще не сказал моему пациенту. Конечно же, сновидение сказало мне, что не следует слишком торопиться, потому что «душе требуется час, чтобы оставить тело». В данном случае час сновидца ассоциируется с аналитическим часом. Наверное, не только по этой причине, но я действительно устроил так, что в течение года или дольше я жил между Нью-Йорком и Калифорнией, постепенно заканчивая анализ. Все удалось хорошо, но разве не удивительно, что бессознательное могло представить сон такой глубины и важности? Для меня это стало фактом того, что аналитический процесс был крайне значим для этого человека, вопросом жизни и смерти.

Теперь посмотрим на четыре картины в ряду «Rosarium» (Рисунки 6, 7, 8 и 9), которые показывают смерть, отделение и вознесение души, а затем ее возвращение. Данные изображения соотносятся с тремя стадиями *coniunctio*, которые Юнг обсуждает в пространной последней главе «Mysterium Coniunctionis». Я кратко суммирую содержание главы, потому что считаю ее важной для понимания изображений.³⁰

Опираясь на большое количество алхимических текстов, в основном авторства алхимика Герхарда Дорна, Юнг демонстрирует, что алхимическое *coniunctio* фактически присутствует во всех трех стадиях. Я дам вам схему этих стадий.

Первая стадия заключает союз души и духа, что происходит одновременно с разделением души и тела. Это двойная операция, в которой душа отделяется от тела, и в процессе разделения объединяется с духом. Данная стадия называется латинским термином

³⁰ Более полную дискуссию см.: Edinger, «Mysterium Lectures», lectures 23–27.

unio mentalis, что означает умственный союз, но давайте использовать латынь, чтобы указать на то, что мы говорим о технической первой стадии *coniunctio*: союзе души и духа.

На второй стадии *coniunctio*, *unio mentalis*, то, что объединяет душу и дух, воссоединяется с телом. Таким образом, теперь у нас есть союз души, духа и тела, и это — вторая стадия *coniunctio*.

На третьей стадии единство тела, души и духа объединяется с *unus mundus*. Можно сказать, что происходит единение с миром, и вызывает то, что Юнг назвал *unus mundus*, «один мир».

Однако этого не вполне достаточно, чтобы понять содержание последних картин «Rosarium». Нам нужно немного больше.

Первый шаг представляет собой отделение души от тела, а затем дальнейшее — союз души и духа — происходит автоматически. Юнг говорит об этом:

«Но для того, чтобы их воссоединение произошло, разум... должен быть отделен от тела (что является эквивалентом „добровольной смерти“), поскольку соединиться могут только разобщенные вещи... [Это включает] разделение и растворение „композиата“, сложносоставного состояния, в котором эмоциональность тела оказывает отрицательное воздействие на рациональность разума. Целью этого разобщения было освобождение разума от воздействия „плотских appetitov и сердечных эмоций“ и достижение духовного состояния, не свойственного беспокойной плотской сфере. Поначалу это ведет к разделению личности и насилью над простым естественным человеком.

Этот предварительный шаг, который является чистой смесью стоической философии и христианской психологии, обязателен для дифференциации сознания. Современная психотерапия применяет ту же самую процедуру, когда она объективирует эмоции и инстинкты и сталкивает с ними сознание».³¹

³¹ «Mysterium Coniunctionis» CW 14, параграф 671f.

Это означает, что на первой жизненной стадии *coniunctio* разобщение между духовным полюсом и физическим полюсом психики должно быть завершено. Можно сказать, что именно это и происходило на протяжении двух или более тысяч лет культурной истории — первая стадия *coniunctio*. Она началась с философов-стоиков, и было перенята христианством. Как очень метко выразился Ницше, «христианство есть платонизм для народа»³². Однако была приложена лишь часть усилий, чтобы вызвать полную первую стадию *coniunctio*.

Когда она была вызвана, человек стал неуязвим к одержимости «плотскими страстями». Разумеется, любой человек разделен. Среди образов, олицетворяющих первую стадию, мы видим, к примеру, обезглавливание — не очень-то приятно. Но, когда стадия будет полностью пройдена, страсти улягутся.

Настало время второй стадии — воссоединения *unio mentalis* с телом, т.е. то, от чего нужно было отделиться на предыдущей стадии, должно быть повторно включено на новом уровне сознания. Необходимо делать все, что делалось прежде, впустить те же самые энергии назад, однако данные энергии отличаются, поскольку сопровождаются сознанием. В действительности энергии и их источники подверглись смерти и возрождению. Они были восстановлены. Сначала они были убиты, а затем рождены заново.

О третьей стадии *coniunctio*, названной союзом с *ipuis mundus*, я расскажу немного подробнее, когда мы перейдем к Рисунку 10. Я думаю, что мы не в силах дать определенное описание, потому что речь идет о союзе с тотальностью, которая, вероятно, в полном смысле принадлежит лишь тем, кто обладает опытом смерти.

Говоря о Платоне, я хочу зачитать вам особенно подходящее к нашей теме замечание о природе смерти. Вот как греческие философы думали о смерти, что полностью применимо к характеру первой стадии *coniunctio*. Сократ, ожидая в тюрьме смерти от настоя цикуты, сказал:

³² «По ту сторону добра и зла»

«... это как раз и называется смертью — освобождение и отделение души от тела? ... Освободить же ее [душу]... постоянно и с величайшею настойчивостью желают лишь истинные философы, в этом как раз и состоят философские занятия — в освобождении и отделении души от тела... человек всю жизнь приучал себя жить так, чтобы быть как можно ближе к смерти, а потом, когда смерть наконец приходит к нему, он негодует. Разве это не смешно?»

И вот изюминка:

«Истинные философы много думают о смерти, и никто на свете не боится ее меньше, чем эти люди... Если они непрестанно враждуют со своим телом и хотят обособить от него душу [что вкратце описывает первую стадию *coniunctio*], а когда это происходит, трусят и досадуют, — ведь это же чистейшая бессмыслица! Как не испытывать радости, отходя туда, где надеешься найти то, что любил всю жизнь, — любил же ты разумение, — и избавиться от общества давнего своего врага!»³³

Перед нами чудесный пример всех человеческих усилий установить духовный противополож полюс против природы, тела и инстинкта, что принадлежит нашей прекрасной культурной традиции и относится к первой стадии *coniunctio*. В психологическом отношении это явление имеет отношение к отказу от проекций. Я говорил вам, что происходит, если отбрасывается проецирование, — происходит смерть.

Теперь на Рисунке 7 обнаруживаются две новых детали: маленький гомункул, обозначающий душу, и облако.

Юнг делает замечание об этом в «Психологии переноса»:

«Психологическая интерпретация данного процесса заводит нас в глубины внутреннего опыта, бросающие

³³ Платон, «Федон», 67с–68b.

вызов возможностям наших научных описаний, какими бы непредвзятыми или даже безжалостными они не были. В такие моменты идея мистерии — сколь бы неуловимой она не была для научного склада ума — неизбежно приходит в голову исследователю, не как прикрытие его невежества, но как признание неспособности перевести свое знание на повседневный язык интеллекта. Поэтому я должен буду удовлетвориться простым упоминанием архетипа, внутренне переживаемого на данной стадии, а именно — рождения «божественного ребенка» или, на языке мистиков, внутреннего человека».³⁴

Таким образом, для Юнга появление фигурки гомункула обозначает рождение божественного ребенка, внутреннего «я». Дитя рождается при смерти тела, означая отмирание конкретного уровня человеческого существования, уровня мистического участия, на который я уже сослался.

Другим элементом, возникающим на Рисунке 7, является облако, что очень важно. Облако было одним из древних символических образов надличностной реальности, оно — проявление нуминозного. Я дам вам несколько примеров, чтобы напомнить. В античные времена Зевса представляли восседающим на облаке. Во времена странствий иудеев по пустыне перед ними шел Яхве, днем в облачном столпе, а ночью — в столпе огненном. В облаке же Яхве явился Моисею на горе Синай:

«И слава Господня осенила гору Синай, и покрывало ее облако шесть дней, а в седьмой день [Господь] воззвал к Моисею из среды облака».³⁵

Когда строительство храма Соломона было окончено, он в буквальном смысле предназначался для жилища Яхве. В храм был помещен Ковчег Завета, и «Облако заполнило Храм Яхве»³⁶.

³⁴ «Практика психотерапии», CW 16, параграф 482.

³⁵ Исх. 24:16.

³⁶ 1 Цар. 8:10, Jerusalem Bible.

Алхимик, молящийся Богу в облаке. Varchusen, Elementa chemiac. 1718

Таким образом, Яхве вошел в свой храм в облаке и занял его, потому что это был его дом.

Облако окутывало Марию во время Благовещения: «Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим»³⁷. И при Преображении Христа: «облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий»³⁸.

В Откровении пришествие апокалиптического Христа описано следующим образом:

«И взглянул я, и вот светлое облако, и на облаке сидит подобный Сыну Человеческому; на голове его золотой венец, и в руке его острый серп».³⁹

Что же, этого достаточно, чтобы продемонстрировать, что облако является выражением божественности. В алхимических

³⁷ Лк. 1:35.

³⁸ Мтф. 17:5.

³⁹ Откр. 14:14.

текстах мы видим изображения алхимика, молящегося на коленях в своей лаборатории, и Бога в облаке, дающего поучения, как продолжить эксперименты.

Все эти ассоциации со значением облака впервые появляются здесь после опыта смерти. Это характерно, поскольку смерть эго является необходимой прелюдией к теофании. Вы должны видеть совпадение с последовательностью смерти и возрождения Духа Года.⁴⁰

Рисунок 8. Капли росы Гедеона из облака

Гомункул уже исчез в облаке, которое все еще присутствует, а мертвое целое тело остается лежать на могильной плите. Появляется новая особенность: из облака начинает капать роса. На предыдущей картине движение шло снизу вверх, от тела до облака. Теперь, когда мы видим росу, движение начинается в обратном направлении — сверху вниз. Это очень важный образ, имеющий глубокое психологическое значение.

Текст, который сопровождает Рисунок 8, называет осадки росой Гедеона, и об этом следует рассказать. Время от времени сновидение говорит нам нечто абсолютно явное. Я обращаюсь к сновидениям, в которых встречаются четко определенные мифологические мотивы. Они особенно важны, поскольку однозначно говорят сновидцу: «Смотри, вот миф, который ты переживаешь».

Эти алхимические тексты совпадают с документированными сновидениями, и здесь мы видим пример: нам говорят, что роса капает из облака, нам говорят, что из облака капает роса Гедеона. Таким образом, послание алхимику, выполняющему этот эксперимент, звучит так: «Вы переживаете миф о Гедеоне». Давайте углубимся в этот миф и посмотрим, что там происходит.

История Гедеона находится в шестой главе Книги Судей. В те времена Израиль был оккупирован мадианитянами, которые навязали народу свою религию и демонстративно приносили жертвы своим богам, дабы подчеркнуть статус завоевателей. И тогда Яхве навел юношу по имени Гедеон:

⁴⁰ См. выше, стр. 38–39.

«возьми тельца из стада отца твоего и другого тельца семилетнего, и разрушь жертвенник Ваала, который у отца твоего, и сруби священное дерево, которое при нем, и поставь жертвенник Господу Богу твоему, [явившемуся тебе] на вершине скалы сей, в порядке, и возьми второго тельца и принеси во всесожжение на дровах дерева, которое срубишь.»⁴¹

Гедеон выполнил все в точности. Я не буду вдаваться в детали — история длинновата, — а перейду к сути.⁴² Дело Гедеона было довольно рискованным, и его чуть не схватили враги. Но это было еще не все. Гедеону удалось избежать расправы, но тогда дух Яхве вновь явился к нему и приказал собирать армию и начинать восстание. Вот что он велел ему делать. Гедеон медлил, так как дело было чрезвычайно опасным. Так он выражал своего рода протест Богу, насколько можно было протестовать в те времена:

«И сказал Гедеон Богу: если Ты спасешь Израиля рукою моею, как говорил Ты, то вот, я расстелю здесь на гумне стриженую шерсть: если роса будет только на шерсти, а на всей земле сухо, то буду знать, что спасешь рукою моею Израиля, как говорил Ты».⁴³

Вспоминая эту историю, Юнг говорит, что роса Гедеона является «признаком божественного вмешательства, влагой, которая возвещает возвращение души».⁴⁴

Вопрос: Роса Гедеона была судьбой?

— Да, правильно. Это — синхроничность.

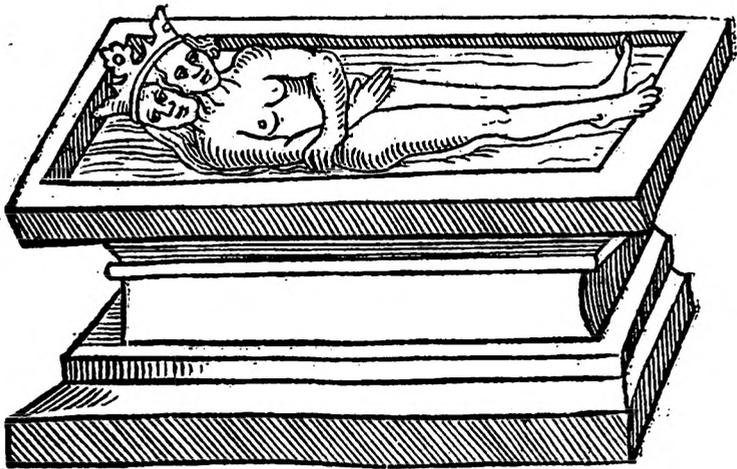
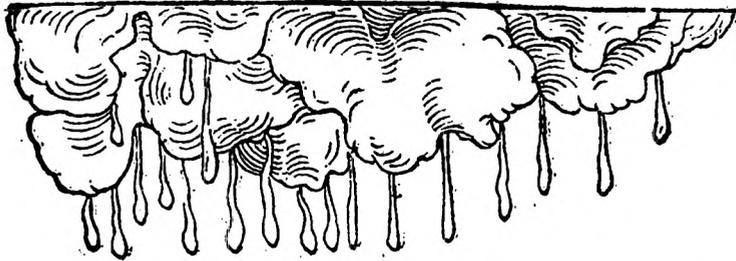
⁴¹ Суд. 6:25–26.

⁴² См. Edinger, «The Bible and the Psyche: Individuation Symbolism in the Old Testament», pp. 69ff.

⁴³ Суд. 6:36–38; см. также: Edinger, «Bible and the Psyche», p. 71.

⁴⁴ «Психология переноса», CW 16, параграф 487.

ABLVTIO VEL
Mundificatio.

**Hie felt der Tauw von Himmel herab/
Vnd wascht den schwarzen leyb im grab ab.**

Здесь падает небесная роса, дабы омыть
Загрязненное черное тело в могиле.

Рисунок 8. Капли росы Гедсона из облака

Вопрос: Как отличить дождь от росы?

— Я думаю, в сновидениях иногда они могут быть одним и тем же. Они спускаются сверху, однако роса обладает более таинственным качеством. Роса падает на землю, но ее внешний вид удивителен. Интересно, откуда она приходит? Я думаю, этот вопрос особенно затрагивает бессознательное и придает росе ее удивительное качество. Дождь столь очевиден, что у него нет такого нюанса, хотя дождь также небесная влага.

Комментарий: Роса отчасти походит на крещение — она появляется как поэзия.

— Я сталкивался с примером подобных образов росы, когда писал работу по роману «Моби Дик» Мелвилла. Во многом это ужасная книга, если рассмотреть ее в психологическом отношении, она дает реальный повод беспокоиться об авторе. Мне действительно было тревожило думать, что человек фактически прошел данный опыт, и я испытал большое облегчение, разыскав определенные материалы и обнаружив, что в конце жизни Мелвилл сумел интегрировать свой разрушительный опыт. Свидетельства нашлись в одном стихотворении, и я прочитаю вам заключительную строфу:

Я славлю, исцелен, безжалостное Море —
Четверку ангелов, властителей пучин;
Целебно даже их жестокое дыханье,
Где свежесть той росы, чье имя — розмарин.
(перевод Топорова, прим. пер.)

Розмарин буквально означает «морскую росу», так образ исцеления для Мелвилла был росой. Здесь вы видите, что может последовать за смертью, отчаянием и безнадежностью, представленных на Рисунках 6 и 7.

Чтобы поощрить вас делать то, что я часто делаю самостоятельно, давайте возьмем образ росы и посмотрим, что Юнг мог бы сказать о ней в компендиуме образов, «Mysterium Coniunctionis». Среди прочего мы обнаружим следующее:

«В древней традиции Луна является дарителем влаги и господином водного знака Рака. Майер говорит, что *umbra solis* [тень солнца] не может быть разрушена, если Солнце не войдет в знак Рака, но этот Рак является „домом Луны, а Луна является повелителем влаги“ (соков плодов, растений и т.п.)... Рахнер в своей „*Mysterium Lunae*“ показывает, насколько активно отцы церкви использовали аллегорию лунной росы при толковании благодати в церковных священных книгах... И снова символизм отцов церкви оказал сильное воздействие на аллегории алхимиков. Луна выделяет росу или сок жизни. „Эта Луна есть сок воды жизни, которая сокрыта в Меркурии“.

Даже греческие алхимики предполагали, что в луне содержался определенный принцип, который Христианос называет „ихором философов“... Связь луны с солнцем, которой в античности уделялось очень большое внимание, прослеживается и в алхимии... Как правило, речь идет о том, что рома приходит с луны, но также и о том, что луна является *aqua mirifica* [чудесной водой], которая извлекает души из тел или дает телам жизнь и душу. Вместе с Меркурием Луна брызгает своей влагой на расчлененного дракона и снова вызывает его к жизни, „дав ему возможность жить, ходить, бегать и менять свой цвет...“ Как омывающая вода, роса падает с небес, очищает тело и подготавливает его к приему души, иными словами, она создает *albedo*, белое состояние невинности, которое, подобно луне и невесте, ожидает жениха».⁴⁵

Итак, вы видите, что данный образ непосредственно относится к нашей теме. Роса опускается, очищает и повторно оживляет труп. Алхимическим термином для этой фазы процесса является *mundificatio* — очищение. Вы помните, что душа была отделена от тела, и теперь, в отделенном состоянии, тело подвергается процессу очищения.

⁴⁵ «*Mysterium*», CW 14, параграф 155.

Также хочу напомнить, что мы должны думать о теле символически, как о представлении психологического явления, а не как о конкретном теле. Это относится скорее к эго. Можно сказать, эго является телом души. И происходит вот что: очищение мертвого эго росой, божественной росой, которая падает на него. Эго должно быть очищено от загрязнения бессознательным.

Хочу прочитать вам параграф, где Юнг обращается к данному процессу:

«Процесс дифференцирования эго от бессознательного, таким образом, имеет своим эквивалентом *tundificatio* [и это то, о чем мы говорим, очищение], и, как оно является необходимым условием возвращения души в тело, так же и тело необходимо, дабы бессознательное не оказало негативного воздействия на эго-сознание, ибо именно тело задает границы личности. Бессознательное может быть интегрировано, только если эго удерживает свою территорию. Следовательно, старания алхимика соединить *corpus mundum*, очищенное тело, с душой — это также и старания психолога, прилагаемые им после того, как он преуспел в высвобождении эго-сознания из контаминации с бессознательным. В алхимии очищение — результат многократной дистилляции. В психологии оно также возникает на основе полного отделения обычной эго-личности от всех инфляционных примесей бессознательного материала. Подобная задача предполагает тщательное самонаблюдение и самообразование, которые могут быть переданы другим, тем, кто уже обладает самодисциплиной. Процесс психологической дифференциации представляет собой нелегкое дело. Для него требуются упорство и терпение алхимика, который должен очистить тело от всего избыточного в жарком огне печи».⁴⁶

Другой аспект очистки эго: мало того, что эго должно быть очищено от загрязнения бессознательным, оно также должно

⁴⁶ «Психология переноса», CW 16, параграф 503.

быть отделено и очищено от загрязнения «вечным человеком». Юнг обращается к данному факту в предыдущем параграфе:

«Чтобы жить в этом мире, рациональный человек должен проводить различие между „собой“ и тем, что мы могли бы назвать „вечным человеком“. Хотя он — уникальная индивидуальность, он также является представителем «человека» как вида, таким образом участвуя во всех движениях коллективного бессознательного. Иными словами, «вечные» истины превращаются в опасные факторы беспокойства, когда они начинают подавлять уникальное эго индивида и жить за его счет».⁴⁷

Юнг имеет в виду, что процесс очищения должен растворить идентичность эго — Самость — так, чтобы эго избавилось от загрязнения вечным человеком. Эго останется связанным с вечным человеком, но не будет отождествлено с ним, и в этом состоит важное различие.

Вопрос: Кажется, предпринимаются попытки не выносить процесс наружу. Все же большая его часть происходит экстравертно. Есть ли какой-нибудь способ увеличить символическое измерение?

— Вы видите все, что происходит, сперва внешне. К психике относится все, что находится на внешней стороне — там, где ее обнаружили алхимики и племенные общества. Первоначально все это на внешней стороне, потому что внешняя сторона и бессознательное представляют одно и то же. Все, что относится к бессознательному, выходит на поверхность или, по крайней мере, становится доступно для экстрериоризации посредством проекций. Таким образом, мы постоянно по всему миру собираем фрагменты собственной вышедшей на поверхность души, забирая проекции, и мы их обнаруживаем по нашим реакциям, положительным или отрицательным. Каждый раз, когда мы сталкиваемся с чем-то, что

⁴⁷ Там же, параграф 502

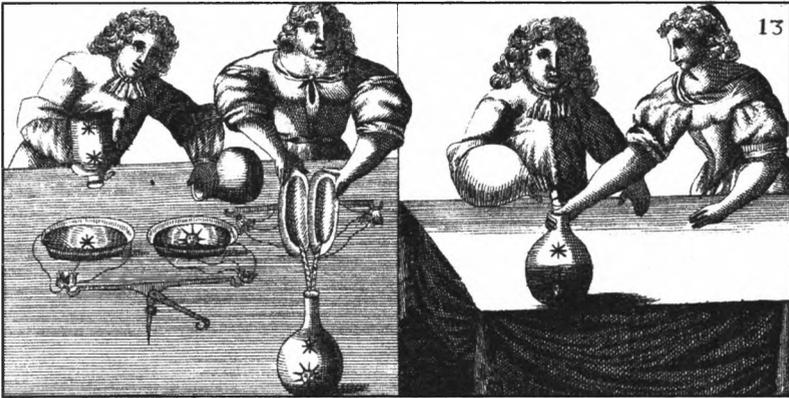
вызывает ответ, это означает, что часть нашей собственной души находится там. Так мы и блуждаем, собирая части в сумки. По крайней мере, я так думаю.

Вопрос: Скажите точно, кто такой вечный человек?

— Самость. Вы видите, что я определяю неизвестное неизвестным.

Вопрос: Это не Бог?

— Это — один возможных терминов для него.

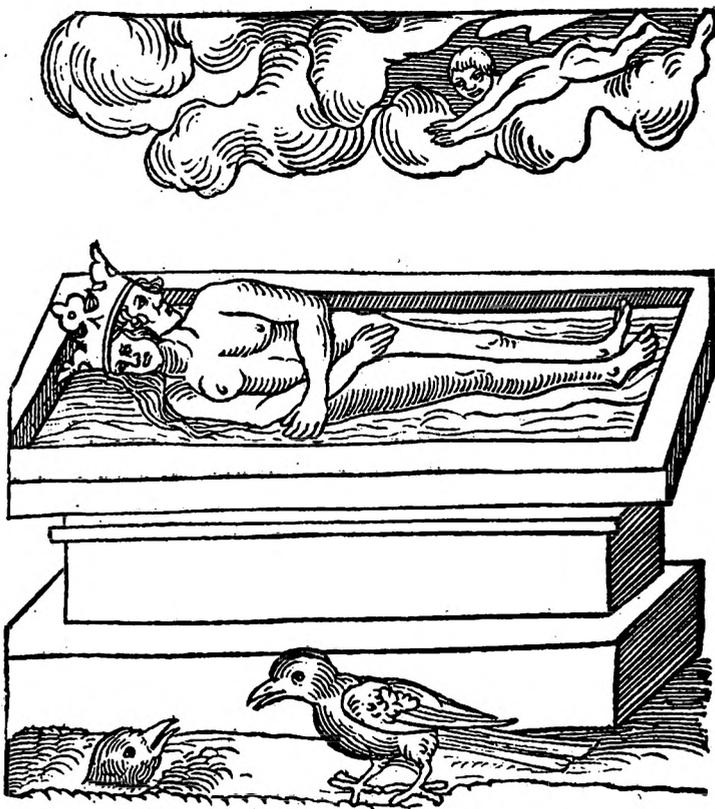
Алхимики за работой. Mutus liber. 1702

Рисунок 9. Воссоединение души и тела

Здесь преобладает та же самая композиция: мертвое единое тело на могильной плите, облако наверху, но гомункул теперь возвращается. Идея состоит в том, что вернуться в тело безопасно, потому что оно очищено. Внизу в основании картины мы видим двух птиц: одна стоит на земле, а другая закопана в землю так, что торчит только голова.

Юнг предполагает, что одна птица оперенная, а другая неоперенная. Я считаю это сниженной версией того события, которое происходит выше — взгляд стоящей птицы на захороненную очень похож на то, как спускающийся гомункул смотрит на труп. Скажем, захороненная птица соответствует трупу и находится

ANIMÆ IVBILATIO SEV
Ortus seu Sublimatio.

Wie schwingt sich die seel hernidder/
Vnd erquicket den gereinigten leychnam wider.

Здесь душа нисходит с высот,
Дабы оживить тело, что мы старались очистить.

Рисунок 9. Воссоединение души и тела

Коронация Девы Марии. «Rosarium philosophorum». 1550

на пути к рождению из погребенного состояния, словно мертвое тело собирается воскреснуть.

Мы видим изображение второй стадии *coniunctio*, о которой я рассказывал ранее. Теперь *unio mentalis* вновь воссоединяется с телом. Вам должна быть знакома замечательная иллюстрация Уильяма Блейка на эту тему. (См. ниже)

Юнг пишет, что текст *Rosarium* под Рисунком 9 содержит цитату из Мориена, известного алхимика: «Не презирай пепел, ибо он — диадема твоего сердца».⁴⁸ Юнг комментирует:

«Пепел — инертный продукт сжигания — указывает на мертвое тело, и приведенное выше увещевание устанавливает своеобразное взаимоотношение между телом и сердцем, в те времена считавшимся реальным местоположением души. Диадема, конечно, указывает на высочайший царственный убор...

Изображение коронации, иллюстрирующее этот текст, показывает, что оживление очищенного тела одновременно представляет собой прославление, поскольку данный процесс уподобляется коронованию Девы»⁴⁹.

Рисунок 9 в «*Rosarium*» сопровождается параллельным изображением: коронацией Девы Марии. В средневековье данный образ был распространен повсеместно, и, скорее всего, составитель «*Rosarium*» счел коронацию Девы аналогом к рисунку.

В данный момент эта параллель не сразу бросается в глаза. Чтобы установить связь, потребуется немного работы, так же, как и вам следует работать над образами сновидений. Если постараться, вы получите откровение, потому что, как говорится в тексте (напомню вам о том, что у меня то и дело вылетает из головы), — эти картины описывают химические процессы, происходящие в алхимической реторте. Чуть было не забыл! Текст содержит напоминание, что мертвое тело на могильной плите является пеплом, который был подвергнут *calcinatio*. Тело было убито, ничего не осталось, кроме мертвого инертного материала на доннышке сосуда.

У пепла как конечного продукта имеются довольно интересные символические ассоциации — то, что алхимики называли «белой землей», которая соответствует очищенной

⁴⁸ Там же, параграф 495.

⁴⁹ Там же, параграфы 495–496.

«Посей свое золото в белую вспаханную землю».

Michael Maier, «Atalanta Fugiens». 1618

земле, очищенному телу. И, несмотря на обычные ассоциации с пеплом (отчаяние, горе и пустота), есть и другой набор ассоциаций, высшей ценности. Они представляют всю цель земного существования.

Например, вспомните только что процитированную строчку: «Не презирай пепел, ибо он — диадема твоего сердца». В другом тексте говорится: «Покрытая белой растительностью земля есть венец хвалы».⁵⁰ А также: «Посей свое золото в белую вспаханную землю».⁵¹ Пепел, таким образом, принимает качество неразрушимого, прославленного тела, которое прошло испытание полным процессом, и то, что осталось, составляет наивысшую ценность.

⁵⁰ Цитируется в «Mysterium Coniunctionis», CW 14, параграф 318, примечание 619.

⁵¹ Michael Maier, «Atalanta Fugiens».

Подобная символика обнаруживается и в Библии. Например, Исайя обещает, что сетующим на Сионе «вместо пепла дастся украшение, вместо плача — елей радости, вместо унылого духа — славная одежда».⁵²

В этих фрагментах мы видим предпосылки к восстановлению прославленного нерушимого тела, которое появляется на Рисунке 10. Возвращение отделенной души в очищенное тело является коронацией. Тело наделяется символом высшей ценности и значимости по возвращению души. Данное событие символически аналогично вознесению и увенчанию Марии, которая представляет землю, материальность и тело.

Таким образом, Мария символизирует собой очищенную белую землю, как и пепел на дне алхимического сосуда. Власть эго получает искупление и славу.

Вопрос: Где находится душа во время ожидания на Рисунках 7 — 9, ведь тело не готово принять душу вплоть до Рисунка 9? Пока мы ждем, душа трансформируется в мертвом теле?

— Я не знаю. Я не могу ответить на ваш вопрос в таких терминах. Вам следует помнить, что к этим символическим образам нельзя подходить с буквальной точностью. Они ускользают при попытке окончательно их зафиксировать, выскальзывают прямо из ваших рук, и приходится допускать определенную двусмысленность. Привыкните к этому, иначе они просто улетучатся.

Вопрос: Но, говоря о клиническом опыте, разве это не является таинственным периодом? Если процесс происходит, но не представляет себя ясно в сновидениях, то сложно получить осознание происходящего.

— Да, эти последние пять рисунков действительно таинственны, и мои замечания о них должны приниматься весьма условно.

⁵² Иса. 61:3.

Уильям Блейк. Воссоединение души и тела

Рисунок 10. Воскрешение соединенного вечного тела

Соединенное тело, связывающее царя и царицу, теперь изображено живым, стоящим на луне, выше земли. В правой руке фигура держит кубок с тремя змеями, или одну змею с тремя головами, причем каждая голова носит корону. Вокруг левой руки обвивается четвертая змея, также с короной. Из земли на левой стороне картины вырастает дерево, которое Юнг называет «древом солнца и луны». Они не вполне очевидны при рассмотрении, но в других алхимических иллюстрациях солнце и луна показаны более ясно. С противоположной стороны мы видим птицу. На предыдущем изображении птиц было две, но здесь всего одна.

Что же все это означает? Здесь я теряю определенность, и должен говорить символами. Не в наших возможностях охватить то, к чему относится данный образ. В самом лучшем случае мы можем получить всего лишь намеки.

С одной стороны, это изображение третьей стадии *coniunctio*. Как вы помните, третья стадия была союзом объединенного духа, души и тела, очищенного и соединенного духа-души-тела с *ipius mundus*. Это был своего рода космический союз, и на рисунке он представлен фигурой, стоящей на луне, а солнце и луна изображены как плоды на дереве. Идея состоит в том, что целый космос представляет собой единый органический процесс. Достаточно редко можно получить проблеск осознания этого факта. Вы его получаете, а затем он снова исчезает, и вы возвращаетесь к повседневной жизни. Я думаю, в этом и заключается значение солнечно-лунного дерева.

Фигура стоит только на Луне, хотя ранее она опиралась ногами как на Солнце, так и на Луну. Я думаю, это соотносится с тем фактом, что основанием соединенного вечного тела служит эго. Почему? Потому что противоположности, Солнце и Луна, несут небесные и земные значения. По сравнению друг с другом, Солнце обозначает небеса, а Луна — землю. В античности Луна считалась первой планетарной сферой, и все, что находилось ниже нее (весь подлунный мир), относилось к земле. Говоря в психологических терминах, этот мир принадлежит эго. То есть,

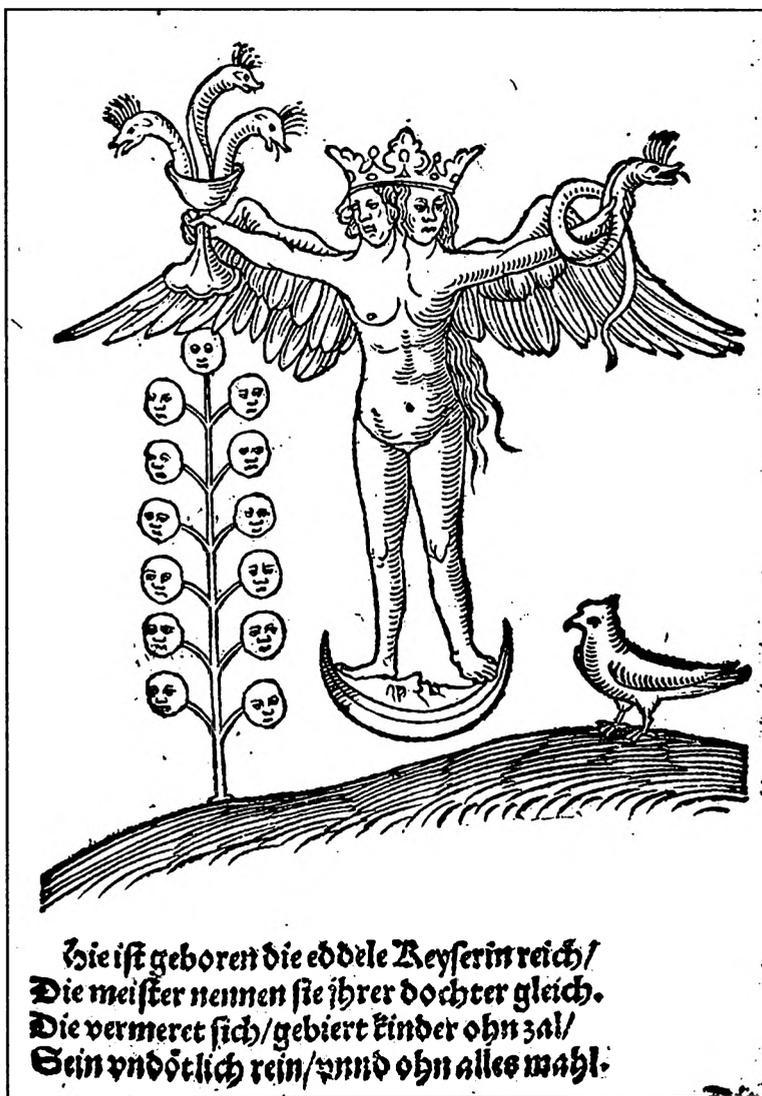
Соединенное тело и древо солнца и луны
(J.D. Mylius, «Philosophia reformatata», 1622).

символически эго находится под эгидой Луны. Луна является первыми воротами, которые эго проходит на пути в планетарные сферы.⁵³ То же относится и к Солнцу, потому что фигура, стоящая на Луне, для меня обозначает наличие эго-материи, телесной материи в ее основании и в качестве отправной точки.

О той птице мне больше сказать нечего. Я не знаю, что она там делает, если только не подумать о возможности, что две птицы с Рисунка 9 слились в одно, как то тело. Но этого я не знаю.

Другая деталь, которую стоит выделить, — змеи. Как вы видите, у нас опять есть образ тройки и единицы или тройки и четверки. Три из них собраны вместе, а одна змея находится отдельно. Однако все они носят короны. Если мы вернемся к Рисунку 1, единственной другой картине, где изображена змея,

⁵³ См. Edinger, «The Mysteries Lectures», p. 101.

Здесь рождается достойная всех почестей Императрица:

Философы именуют ее своей дочерью.

Она множится, рождает детей вновь и вновь;

Они безупречно чисты, без изъяна.

Рисунок 10. Воскрешение соединенного вечного тела

никакой короны мы на ней не увидим. Я думаю, это указывает на трансформацию рептильной души.

Вы знаете, что основание нашего бытия имеет именно такую природу — рептильную. В некоторых случаях она может неожиданно высунуться и броситься, словно настоящая гремучая змея. Следовательно, на Рисунке 10 коронованные змеи, три из которых находятся в сосуде, означают то, что весь процесс *coniunctio*, который достиг данного пункта, привел рептильную душу в столь живую связь с сознанием, что эта душа подверглась трансформации. Я считаю, что это эквивалентно — используя другую символическую терминологию — преображению Бога. В основе лежит та же самая психологическая идея.⁵⁴

Вопрос: Что там позади змеи — крылья?

— На иллюстрации не очень хорошо видно, но крылья принадлежат соединенному телу. Крылья вырастают по обеим сторонам из рук, но крыло слева прорисовано не особо старательно. Крылатая здесь не змея, а рука. Крылатое существо указывает на продукт *sublimatio*. В этом и состоит идея.

Вопрос: Не могли бы вы сказать что-нибудь о sublimatio?

— Сублимация означает восходящее движение, снизу вверх. Она относится к химическому явлению, при котором, если нагревать определенные вещества, — ртуть здесь является выдающимся примером, — вещества испаряются, а затем конденсируются или кристаллизуются на более холодных частях сосуда. Вот это и называется сублимацией или *sublimatio*.⁵⁵

«Rosarium» также включает в себя и другую картину, параллельную Рисунку 10. На ней мы видим Христа, восстающего из могилы, как символ *filius philosophorum*. Это пример

⁵⁴ См. Эдинггер, «Сотворение сознания», гл. 4.

⁵⁵ См. Эдинггер, «Анатомия души», гл. 5, «Sublimatio.»

*Воскресший Христос как символ filius philosophorum.
«Rosarium philosophorum». 1550*

параллели Христа-камня (*Christ-lapis*), что Юнг подробно обсуждает в «Психологии и алхимии».⁵⁶

Я понимаю данный образ и Рисунок 10 как имеющие отношение к созданию психической субстанции, которая существует во вневременном или вечном измерении, обладает своего рода вечной нерушимостью. Перед нами выражение продукта эго, которое испытало процесс индивидуации. Здесь обязательно есть определенное гипотетическое качество, потому что данное

⁵⁶ CW 12, гл. 5.

явление не может быть продемонстрировано никаким однозначным или неопровержимым способом, однако на эту идею указывают очень много образов, и я считаю невинным заявить о ней явно. Можно поиграть с этой мыслью, и посмотреть, почувствовать, как бессознательное отвечает на столь явное заявление.

Идея состоит в том, что если вы живете так, как представлено в нашей последовательности из десяти рисунков, если вы живете алхимической жизнью, то создается продукт. И тот продукт обладает жизнью и качествами, обладает существованием вне времени. Можно отыскать множество признаков, что душа превосходит пространство и время. Мы не знаем, может ли их превзойти чья-то отдельная душа, но мы уверены, что душа на это способна. Есть причины полагать, что плоды трудов эго могут перешагнуть через пространство и время. Поскольку данный продукт достигает безличного качества, мы не говорим о личной душе, совершающей переход, но говорим о результате работы эго.

В заключение я хочу прочитать вам длинное стихотворение, сопровождающее Рисунок 10, в котором соединенное вечное тело описывает само себя. Сначала я прочту вам эту поэму целиком, чтобы дать вам в полной мере почувствовать ее красоту, а затем вернусь к отдельным строкам и сделаю некоторые замечания. Если что-то останется непонятным при первом чтении, то, надеюсь, прояснится потом.

Прочитаем эту поэму:

Здесь рождается достойная всех почестей Императрица;
Философы именуют ее своей дочерью.
Она множится,
рожает детей вновь и вновь;
Они безупречно чисты, без изъяна.
Царица ненавидит смерть и бедность;
Она превосходит собою золото, серебро и каменья
И все лекарства, малые и великие.
Ничто на земле с ней не сравнится.
За что мы и благодарим Бога на небе.
О сила, принуждающая меня, обнаженную жену,

Чье тело было поначалу самым скромным!
И я не становилась матерью
До времени, пока не родилась иною.
Тогда я обрела силу корней и трав
И одержала победу над всеми болезнями.
Тогда я впервые познала своего сына,
И мы вдвоем слились в одно.
От него я понесла и родила,
Растянувшись на голой земле.
Я стала матерью, но осталась девой
И утвердилась в моей природе.
Поэтому мой сын был также и моим отцом
По Божьему велению, согласному с природой.
Я выносила мать, давшую мне рождение,
Мною была она рождена вновь на земле.
Возможность видеть как одно, то, что природа обвенчала
В нашей горе наиболее мастерски сокрыта.
Четыре сходятся в одно
В сем нашем магистерском камне.
И, если шесть рассматривать как троицу,
Она придет к сущностному единству.
Тому, кто верно размышляет об этом,
Бог дает силу обратить в бегство
Все те болезни, что относятся
К металлам и телам людей.
Никто не совершит этого без Божьей помощи
И без прозрения сквозь самого себя.
Из моей земли истекает фонтан,
Разделяющийся затем на два потока.
Один из них течет на Восток,
Другой из них течет на Запад.
Два орла взлетают, их оперенье пылает,
Обнаженными они падают наземь,
Но в полном оперении вскоре вновь восстанут;
Фонтан сей — Господь солнца и луны.
О, Господь Иисус Христос, дающий
Дар благодатью твоего Святого Духа:
Тот, кому подлинно дан сей дар,

Тот целиком разумеет слова мастеров.
Чтобы мысли его сосредоточились на будущей жизни,
Столь совершенно соединены его душа и тело.
Вознести их к царству их отца
Таковы пути искусства среди людей.⁵⁷

Это описание Философского Камня, равно как и описание вечного сознательного тела, которое я попытался обрисовать в общих чертах. А теперь, давайте посмотрим на отдельные строки и оценим их применимость в психологическом отношении.

Философы именуют ее своей дочерью.

Философы и алхимики чаще называют Камень, который является соединенным вечным телом, показанным на Рисунке 10, своим сыном, однако значение не меняется. Дочь кажется здесь более релевантной, не правда ли, так как фигура изображена стоящей на Луне.

Она множится,
рожает детей вновь и вновь;

Данная строка отсылает нас к *multiplicatio*, что является удивительным и важным аспектом Философского Камня.⁵⁸ Идея состоит в том, что, как только Философский Камень создан, он получает силу воспроизводить себя. Если растереть небольшое количество Философского Камня в мельчайший порошок и бросить его на базовую материю, то все, с чем соприкоснется порошок, превратится в Философский Камень. Он преумножает себя. Данный символизм мне представляется очень значительным в психологическом отношении. Каждый раз, когда индивид преуспевает в некоторой степени в достижении связи с Самостью, этот успех имеет тенденцию становиться заразительным, затрагивающим других, чтобы

⁵⁷ «Психология переноса», CW 16, параграф 528.

⁵⁸ См. Эдингер, «Анатомия души», стр. 227–228.

преумножиться. Конечно, чтобы имело место *multiplicatio*, необходима материя, готовая принять Камень, но я вижу, что так и происходит все время.

Они безупречно чисты, без изъяна.

Я понимаю значение этой строки так: вечное тело не загрязнено бессознательным. Символика чистоты в психологических терминах означает, что мы осознаем нашу грязь. Не то чтобы мы были лишены грязи, но грязь очищена, потому что мы это осознаем. Вот такое значение.

Она превосходит ... все лекарства, малые и великие.
Ничто на земле с ней не сравнится.
За что мы и благодарим Бога на небе.

Это относится к способности исцелять, восстанавливать цельность.

И одержала победу над всеми болезнями.

Одним из свойств Философского Камня является «панацея», способность исцелять любые болезни. Что же это значит в психологическом отношении? Разумеется, не то, что контакт с Самостью делает человека неуязвимым для болезней. Я считаю, скорее это означает, что все превратности жизни, включая заболевания, становятся значимыми, переживаются в связи с Самостью и тем самым способствуют приобретению опыта целостности. Они не вызывают диссоциации. Таким образом, человек не становится неподвластен болезни или смерти, вовсе нет. Скорее, события такого рода составляют часть значимого целого, и человек исцеляется от своего недуга.

И мы вдвоем слились в одно.

.....

Поэтому мой сын был также и моим отцом
Я выносила мать, давшую мне рождение.

Эту замечательную строфу я понимаю психологически, в связи с отношениями между эго и Самостью. Самость вначале дает рождение эго: бессознательная Самость рождает эго, которое на какое-то время занимает в сознании главное место. Затем, если эго добросовестно устанавливает связь с бессознательным и далее развивается по типу последовательности, представленной картинами Rosarium, в итоге оно, как дитя бессознательного, становится родителем регенерированной или рожденной заново Самости. Происходит психологический инцест, то самое запретное кровосмешение. Архетип инцеста открыл Фрейд, однако ему удалось понять его лишь персонализировано, а Юнг обнаружил его надличностный уровень.⁵⁹ Философский Камень является продуктом кровосмешения — преступления с обыденной точки зрения и священной тайны на внутреннем психологическом уровне.

Философский Камень произносит довольно странное выражение: «Мой сын был также и моим отцом», — однако оно имеет смысл, если подумать о нем в данном ключе. Эти слова подчеркивают первостепенную важность эго для успеха делания, одну из характерных особенностей всей алхимической работы, уникальной для западной души. Даже когда алхимики утверждают, что опус будет иметь успех лишь при условии *Deo concedente*, с Божьей помощью, и при соответствующем религиозном рвении, тем не менее, вопроса о том, что делание когда-либо будет иметь место отдельно, не возникает. Опусу необходимо наличие алхимика, эго. И действительно, некоторые алхимики всю жизнь являли собой примеры глубочайшего служения и верности работе. Вот почему плоды их трудов надеются правом именоваться сыном или дочерью алхимика.

Никто не совершит этого без Божьей помощи
И без прозрения сквозь самого себя.

Эти две строки поражают своей открытой психологичностью. Для автора книги было совершенно ясно, что самопознание является существенным компонентом делания.

⁵⁹ См. «Символы трансформации», CW 5 (индекс «инцест»).

Два орла взлетают, их оперенье пылает,
Обнаженными они падают наземь.

Два орла с пылающим оперением взлетают, падают на землю, но затем летят ввысь снова, подобно Фениксу, являя собой образ комбинации *sublimatio* и *coagulatio*, что имеет место в последовательности картин. Спускающийся голубь на Рисунках 2, 3 и 4 представляет образ *coagulatio*⁶⁰ — нисхождения и воплощения духа в земном существовании. Растущий гомункул на Рисунке 7 являет образ восходящего движения, *sublimatio*, которое сопровождается новым нисхождением на Рисунках 8 и 9. Вместе все это представляет *circulatio*, повторяющийся круговорот всех аспектов человеческого существования, в котором противоположности постепенно объединяются.⁶¹

Заключительные слова этой исполненной глубокого смысла поэмы таковы:

Тот, кому подлинно дан сей дар,
Тот целиком понимает слова мастеров.
Чтобы мысли его сосредоточились на будущей жизни,
Столь совершенно соединены его душа и тело.
Вознести их к царству их отца
Таковы пути искусства среди людей.

Использование духовных образов, с которыми алхимики были несомненно знакомы, я понимаю как выражение процесса сотворения вечного тела.

«Мысли, сосредоточенные на будущей жизни», отсылают нас к вечному, вневременному измерению, и «пути [плодов усилий] в царство отца» аналогично указывают на перевод нити жизни эго в архетипическое измерение.

Насколько я понимаю, плоды жизни человека, испытавшего данный процесс, способны войти в сокровищницу архетипов, преумножив и обогатив ее. Царство отца, таким образом,

⁶⁰ См. Эдингер, «Анатомия души», гл. 4.

⁶¹ Там же, стр. 142ff.

прирастает алхимическими трудами — процессом индивидуации — отдельного эго.

И эта задача, я уверен, стоит перед каждым из нас.

Алхимики за работой. Mutus liber. 1702

Лоуренс Джефф, интервьюер.

**ИНТЕРВЬЮ
С ЭДВАРДОМ ЭДИНГЕРОМ**

Джефф: Я хочу начать с прочтения отрывка из работ Юнга, отрывка, который вам хорошо знаком:

«Я должен был сознавать, что не могу заставить людей понять, что мне нужно. Я почти одинок. Есть те, которые понимают то и это, но практически никто не видит целого... Я не смог выполнить свою главную задачу: открыть людям глаза на то, что у человека есть душа, и что в ней скрыто сокровище, и что наши религия и философия никуда не годятся».¹

Очевидно, в то время Юнг чувствовал, что мало кто понимает его основное послание. Это было около сорока лет назад. Как вам кажется, сейчас его стали понимать глубже?

Эдингер: Нет. В частности, из-за того, что еще меньше людей — известных мне, по крайней мере — понимает хотя бы самые основы. Это очень грустно наблюдать.

Д: Вы имеете в виду юнгианских аналитиков и кандидатов, которые становятся все более эклектичными и увлеченными теорией объектных отношений, вроде Винникотта?

Э: Они все являются примером этого явления, поскольку не поняли основную идею. Вы слышали все эти разговоры о «постъюнгианцах»; но они — «преюнгианцы».

Д: Да. Безусловно.

Э: Это самонадеянный термин, который режет слух.

¹ Цит. по Г. Адлер «Аспекты личности Юнга».

Д: На последней встрече аналитиков я сказал, что мы не постъюнгианцы, потому что мы еще не поняли Юнга. (Я имел в виду его метапсихологию — его религиозное послание.) На той же встрече аналитики спрашивали, почему есть такие люди, как Нолл, стремящиеся придрататься к Юнгу.

Э: Я скажу вам, почему, Ларри: потому что Юнг нуминозен, потому что он совмещает противоположности. Хотя он очень осторожно проявлял это в своей публичной работе, тем не менее, восприимчивые люди могут уловить, что он находится на таком целостном уровне реальности, о котором они ничего не знают. Это включает и Тень для тех людей, которые не имеют сознательной связи с этим аспектом жизни, поэтому возникают проекции.

Д: И завидуют... и подозревают?

Э: Вполне возможно. Размах Юнга таков, что мы по сравнению с ним карлики. И это может быть очень унижительно. Многие люди не хотят быть униженными, особенно рациональные интеллектуалы.

Д: Вы называли Юнга «человеком эпохи», чья жизнь знаменательна и показательна в культурной истории новой эры. Таким эпохальным человеком был Христос, а Павел играл роль посредника между посланием Христа и остальным миром. Вы верите, что выполняете похожую роль для Юнга?

Э: Ну, в некотором смысле... в минимальном смысле. Шаблон похож, но размах невообразимо иной. Преданность Павла своему делу была просто монументальна и не многие могут с ним сравниться.

Д: Вы уже написали шестнадцать книг, девять из них — начиная с 1990 года, и некоторые из них — лучшие ваши книги...

Э: Еще больше книг, над которыми я работаю.

Д: О, правда? Я не знал об этом. Расскажите мне о них.

Э: Ну, «Душа в античности», которая включает античную философию, гностицизм и раннее христианство, уже на руках Inner City Books. Они сейчас очень заняты; они не думают, что смогут издать ее до 2000 года. Другая, которая ищет издателя, называется «Архетип Апокалипсиса»² и является интерпретацией Откровения Иоанна Богослова.

² «Архетип Апокалипсиса: юнгианское изучение Откровения Иоанна».

Д: Вы однажды сказали, что среди всех ваших книг «Анатомия души» — любимая, и является вашим самым оригинальным вкладом. Вы все еще так думаете?

Э: Ну, трудно составить иерархию собственных книг, потому что они отражают различные мои интересы. Тем не менее, с детства я люблю химию, поэтому химический и алхимический символизм — наиболее важная линия во всей моей жизни, и «Анатомия души» — наиболее значительный и организованный вклад, который я сделал. Очень трудно сказать, какую книгу я люблю больше всех, потому что они все важны, в самом деле. Они — разные грани одного и того же.

Д: После смерти Марии Луизы фон Франц есть ли кто-то, кроме вас, кого вы можете назвать главой юнгианского мира?

Э: Ну, я на самом деле не очень знаком с людьми в Цюрихе. Я знаю Теодора Абта, который кажется подающим надежды парнем. Он протеже фон Франц. Он выступал здесь год назад или около того, я встретился с ним, и он обнадеживает. Посмотрим, что из него получится. Он работает над текстом о египетской алхимии. Это весьма серьезное исследование. Нужно изучать арабский, чтобы заняться этим.

Д: Вы находите что-то общее с Абтом?

Э: Что у нас общего, так это алхимия и любовь к фон Франц. Я не знаю, кого еще она оставила после себя, кто сулит надежды. Я понимаю, что Цюрихский институт в целом, можно сказать, пошел псу под хвост, как Юнг и предполагал.

Д: И группа фон Франц основала собственный, как я понимаю... Что вы можете сказать о работе Джима Хиллмана?

Э: Хиллман — это интересный феномен. Очень умный, образованный, но ничего не понимает в реальности души. Он автор. У него литературная, артистичная ментальность, а не научная, психологическая. Он своего рода интеллектуальный плейбой; ослепляет людей своим блеском, играя с образами и идеями, но он не гениален. Он живой пример того, о чем предупреждал Юнг, а именно — эстетического подхода к душе. Он отбрасывает моральное измерение, этический подход к глубинам. В действительности, он презирает его.

Д: Это земное измерение. Он любит обитать в небесах.

Э: И это тоже. Это другая грань того же. Это ответственность, которую человек обретает с каждой новой усвоенной частицей бессознательного.

Д: Каким вы видите будущее юнгианской психологии?

Э: Ну, в ближайшем будущем я вижу юнгианское общество, Международную Ассоциацию и остальных все более и более теряющими истинную сущность Юнга и становящимися все более и более охваченными персоналистическими аспектами. Знаете, фрейдистская и кейнлианская личностная психология позволяют бесконечное теоретизирование, интеллектуализацию, концептуализацию и помогают избежать более глубоких реальностей. Это то, что сообщество делает с юнгианской психологией. По моему мнению, дела будут идти все хуже и хуже. Возможно, будут небольшие анклавы, маленькие оазисы-группы, которые будут пытаться держаться аутентичного Юнга, и они не будут профессиональными группами. Но это только предположение. У самого Юнга было предчувствие, и некоторые его последователи видели сны, которые указывают, что Юнг будет забыт на несколько сотен лет, а затем вновь открыт. Так может случиться.

Д: Пока настоящее и ближайшее будущее не ясны, у меня немного другой взгляд на вещи, и я хочу услышать ваше мнение. Думаю, я могу говорить от лица аналитиков и кандидатов в Калифорнии, которые обратились к таким людям, как Коут и Винникотт, предлагающим техники, могущие оказаться полезными в исцелении их пациентов. Мне кажется, нам нужно больше, чем учил нас Юнг, стремиться к клинической технике. Самому Юнгу не нужна была техника. Он мог помочь пациенту одним воздействием своего величия.

У нас нет величия Юнга, но я согласен, что главный терапевтический эффект происходит через личность самого терапевта. Иногда я чувствую, что нужны знания того, как, например, комплексы формировались в детстве, как детские травмы могут быть исцелены и как вести терапевтические отношения. Но я не думаю, что интерес к таким техникам делает меня менее юнгианцем.

Э: Действительно, есть много школ психотерапии, и это показательно. Это говорит нам, что есть разные группы людей, которые удовлетворены различными подходами к душе. Это просто факт. Я уважаю все, что окажется полезным и стоящим

в практике или в чем-то развитии, потому что каждый индивидуум должен совершать свои собственные открытия. Вы должны помнить, что Юнг прошел через персоналистическую фазу с Фрейдом и фрейдистским подходом. Он не отрицал это, он просто это превзошел. И я думаю, что это не повод для дискуссий между школами, поскольку мы имеем дело с психологическим опытом, несостоятельность которого доказать невозможно.

Я должен признать, что меня всё время удивляет, как люди, изначально избравшие юнгианскую подготовку и имеющие некоторый опыт в работе Юнга, находят столь удовлетворительным для себя персоналистический подход, а с моей точки зрения, это просто начальная школа. Это не то, чтобы неправильно... все эти подходы связаны с психологическими фактами, иначе они никогда не заслужили бы такого доверия. Поэтому, конечно же, они имеют эмпирическую связь с душой. Но общий взгляд на душу, который порождает персоналистическая школа, настолько мелок для меня, что я удивляюсь, как люди, познакоившиеся с Юнгом, считают такой подход достаточным для себя. Но они считают его таковым, и это тоже нельзя отрицать.

Д: Может быть, у некоторых из них, притянувшихся к Юнгу, юнгианская часть компенсируется поверхностностью персоналистического подхода. Так они обретают и то, и другое.

Э: Я не уверен в этом. Это дело личного восприятия. Я считаю юнговское видение души несовместимым с персоналистическими теориями. Вы, однако, считаете их совместимыми.

Это основная проблема общения между глубинными психологами — различия в сознании индивидуумов и в том, что они видят. Я думаю, для начала нам нужно признать, что все психологические суждения субъективны, и это сделает нас терпимыми.

Д: Что вы думаете о популярности буддизма в свете скептического взгляда Юнга (как я у него читал) на массовое пристрастие к восточным религиям? Многие люди утверждают, что извлекли много пользы из духовных практик той или иной восточной религии.

Э: Во-первых, это признак крушения западного мифа. Когда люди выпадают из тисков традиционной религиозной мифологии, они начинают искать альтернативу.

Буддизм, конечно, имеет дополнительную привлекательность благодаря своей подчеркнутой интровертности, которая уравнивает экстраверсию Запада. Это нормально. Все, что нужно сделать, — это погрузиться в него. За буддизмом стоит длинная история. Вы знаете, конечно, что Юнг думал по поводу растворения людей Запада в восточных религиях: он считал, что это уваливание от собственной судьбы и собственного наследства.

Д: В связи с чем мы поговорим о следующей цитате из Юнга:

«Книга Иова» играет роль парадигмы, определяющей тот способ переживания Бога, который имеет для нашей эпохи столь специфическое значение. Подобного рода переживания охватывают человека и изнутри, и извне, а потому рационально их перетолковывать, тем самым апотропеически ослабляя, не имеет смысла. Лучше признаться себе в наличии аффекта и отдаться под его власть, чем путем всякого рода интеллектуальных трюков или чувственных суждений уйти от себя. И хотя посредством аффекта человек копирует все дурные стороны насилия, а значит, берет на себя все свойственные тому пороки, целью такой коллизии является следующее: она должна проникнуть в него, а он — претерпеть ее воздействие. Стало быть, он будет аффицирован, так как иначе воздействие его не затронет. Однако ему следует знать или, точнее, познакомиться с тем, что его аффицировало, — тем самым слепоту силы и аффекта он превратит в познание».

Когда Юнг говорит об «интеллектуальных трюках» и «чувственных суждениях», как вы думаете, может ли он под этим иметь в виду принятие восточных религий, где вы можете вообразить себя просветленным, пребывающим превыше всего, умиротворенным и так далее?

Э: Приведу пример эмоционального суждения, которое может вывести человек в результате полученного опыта. Уверен, вы знаете тех, кто говорил о холокосте: «Я не верю в Бога, который мог допустить такое». Это пример эмоционального суждения, хотя Богу нет дела, верят в него или нет. Это чрезвычайно инфантильная установка.

Д: Несколько лет назад интервью для газеты «In Touch» вы закончили словами Юнга о том, что «смерть есть цель жизни».

Я плохо понимаю это утверждение, потому что когда мы говорим о цели, мы обычно имеем в виду сознательное устремление, желание эго. Но наше эго, как правило, смерти не желает. Смерть — это конец жизни или её завершение. И в смерти, я считаю, происходит возвращение в бессознательное, из которого мы вышли. Думаю, будет точнее сказать, что смерть — это кульминация жизни. Но Юнг говорит «цель». Что вы можете сказать об этой идее?

Э: Вам не нравится слово «цель», потому что оно предполагает намерение — но это именно то, что я предполагаю. Не только намерение эго, но намерение жизни. Мы устроены так, что рождаемся, проживаем определенный опыт, а затем приходим к концу жизни и умираем. А что происходит потом, мы не знаем.

Вы думаете о том, что родиться — это намерение жизни? Прийти к существованию, пройти через него, а затем покинуть материальный мир.

Д: А вы сами размышляли о смерти, старении, о жизни после смерти?

Э: Да. Я много размышлял.

Д: Не хотите ими поделиться?

Э: Я знаю о том, что происходит после смерти, не больше, чем все остальные. Я думаю, это неизвестная область. Но мой жизненный опыт делает смерть легче из-за все большего возвращения либидо из материальных объектов. Просто больше не интересуюсь ими. Это делает смерть намного аппетитнее. У меня вообще нет мнения о смерти. Я смотрю ей прямо в лицо. Я думаю только о том, что подвергнусь ей, когда достигну ее. Природа может быть очень жестокой в таких случаях, знаете ли. Надеюсь, что палач нанесет один чистый окончательный удар, а не много маленьких ранений, которые причиняют боль, но от которых нельзя умереть. Это беспокоит меня, но я приму все, что бы ни произошло. У меня в любом случае нет выбора. Но перспектива смерти меня вообще не беспокоит.

Д: Вы считаете, что прожили полноценную жизни, когда оглядываетесь назад?

Э: Я очень благодарен за ту жизнь, что была мне дана. В ней было много недостатков, надо сказать, но я чувствую только

глубокую благодарность за то, что мне было позволено прожить эту жизнь.

Д: Я тоже благодарен вам за вашу жизнь и ваши достижения; спасибо вам.

Давайте поговорим о мысли Юнга о том, что наши комплексы идут от Бога. Как вы писали, наши аффекты тоже идут от Бога. Ветхий Завет сообщает нам о том, как эти комплексы формируются и как они определяют наши судьбы. Яхве — это бессознательный Бог, который взваливает на нас наши комплексы. Христос представляет искупительную сторону Бога, которая приносит надежду, обещание, что мы можем исцелиться от наших комплексов или хотя бы не полностью подчиниться им. Если мы проживем нашу жизнь честно и преданно, подобно Христу, мы сможем перерасти свои комплексы хотя бы частично. Мне это видится так: Ветхозаветный бог ранит нас, тогда как Новозаветный бог дает нам надежду на исцеление. Что вы думаете по этому поводу?

Э: Ну, я хочу задать вам несколько вопросов. Где подтверждение того, что Яхве — создатель наших комплексов?

Д: Когда я читал Ветхий Завет, мне казалось, что все в нем о семейных комплексах. Например, он начинается с пары — Адама и Евы — у которой есть дети, которые ненавидят друг друга и сражаются друг с другом. Это напоминает мне мой дом.

Э: Я воспринимаю это не так.

Д: А как вы это воспринимаете?

Э: Вопрос в том, что «это»?

Д: Я рожден евреем, но Новый Завет и образ Христа как Спасителя привлекает меня. Также я считаю себя раненным человеком, особенно в детстве, который некоторым образом, через анализ и с помощью таких людей, как вы и Юнг, смог получить надежду и исцеление, достаточные для того, чтобы прожить эту жизнь. Две стороны Бога, о которых я говорю — это то же, что Климент Александрийский говорил о том, что Бог правит при помощи правой и левой руки. Правая рука Христос, а левая рука Сатана. Я знаю, что Яхве — не то же самое, что Сатана, но это то, что наносит нам раны в детстве, что приводит к комплексам, и есть правая рука Бога, которая предлагает нам возможность спасения и исцеления.

Э: Действительно, в детстве формируются главные комплексы из-за столкновений с родителями, которые связаны с архетипической динамикой. Поэтому глава семьи может идентифицироваться с Яхве. Однако жестокое обращение может вызвать травматические комплексы, которые будут считаться вызванными Яхве. Это на личностном уровне. На уровне библейской драмы встреча с Яхве изображается как имеющая разнообразные эффекты, некоторые из них могут быть охарактеризованы как комплексы (Я не уверен, это нужно подтверждать примерами)³. Исходная точка, я думаю, в том, что Юнг называл «еще не трансформированным богом» в письме к Кошнигу⁴, то, что несет ответственность за межличностные человеческие страдания.

Д: Этим «еще не трансформированным богом» является Яхве?

Э: Да. В этом суть «Ответа Иову»: в том, что встреча Яхве с Иовом заставила его начать собственную трансформацию, и его воплощение в Христе явилось ответом Иову. Это возвращает нас к тому, о чем мы говорили раньше, о том, как личностные психологические теории помогают в клинической практике. Они полезны, только если вы находитесь на определенном уровне, и если индивидуум удовлетворен таким уровнем понимания, то да будет так; но религиозное измерение детского опыта никогда не рассматривается. Даже если сны указывают на него, чтобы получить исцеляющий эффект, человек должен

³ В телефонном сообщении, оставленном на автоответчике Джеффа 31 мая 1998 г. Эдингер добавляет: «Главные комплексы имеют архетипическое ядро, которое связывает их с Самостью. Но я не думаю об архетипе, как о намеренно вызывающем или порождающем комплекс. Вместо этого я считаю, что комплекс появляется в результате столкновения эго и Самости. С другой стороны, вы можете обратиться к примечанию Юнга (которое я цитирую в „Сотворении сознания“, стр. 66), в котором он говорит о том, что у Иосии был странный материнский комплекс. В основном вы правы, я думаю, но меня сбilo с толку то, что я услышал это прямо.»

⁴ См. C.G. Jung, «Letters», vol. 2, pp. 312-16. См. также Edward F. Edinger, «The New God-Image: A Study of Jung's Key Letters Concerning the Evolution of the Western God-Image» (Wilmette, Ill.: Chiron, 1997).

быть достаточно образован, чтобы понять, на что указывает сон, а не истолковать его в персоналистических терминах.

Возвращаясь к тому, что вы говорили о ветхозаветном Боге и христианском, мне кажется, что для вас это два отдельных бога, и в ответ на это я хочу сказать, что они не два отдельных бога; это ересь Маркиона. Есть только один Бог, который претерпевает изменение и трансформацию через встречу с человеческим сознанием в лице Иова⁵.

Д: В «Новом образе Бога» вы обсуждали «раздраженный образ Бога», который описывает ситуацию, когда эго испытывает то, что можно назвать «гневом божьим». Вы предлагаете пример «дорожной ярости», когда водитель, считающий, что с ним обошлись несправедливо, может нанести оскорбления или даже совершить убийство, чтобы «отомстить» за себя. Вы также цитируете вызывающий отрывок из романа Мелвилла «Белая кофта», где моряка подвергли порке за поступок, которого он не совершал. Он получил возможность неожиданно напасть на капитана, и они оба могли упасть с палубы корабля навстречу верной смерти, «и пусть Яхве рассудит нас», как сказал моряк. Это пример зараженности «раздраженным образом Бога». Как человек должен обращаться с несправедливостями?

Э: В этом случае происходит то, о чем говорит Юнг в отрывке, который я взял в качестве эпиграфа к своей маленькой книге «Трансформация Либидо». Это очень важная цитата, в которой Юнг употребляет выражение «атака инстинкта»⁶. Атака инстинкта и одержимость архетипом — одно и то же. Так что когда человек чувствует, что с ним обошлись несправедливо, он испытывает атаку инстинкта, которая может рассматриваться как одержимость Яхве, не допускающего несправедливость и даже вознаградит того бедного моряка (используя его как исполнителя своего правосудия), дав ему возможность

⁵ Этот параграф был добавлен по просьбе Эдингера из расшифровки телефонного сообщения, оставленного на автоответчике Джеффа 16 мая 1998 г.

⁶ C. G. Jung, CW 5, p.338; см. также Edward F. Edinger, «Transformation of Libido: A Seminar on C. G. Jung's „Symbols of Transformation“» (Los Angeles: C. G. Jung Bookstore, 1994)

наказать капитана. В этом случае атака инстинкта — атака архетипической одержимости — это религиозный феномен, очень опасный для индивидуума, если он позволяет ему овладеть собой, поскольку так он становится жертвой, живущей под руководством божественного гнева. В этой ситуации требуется быть осознанным, чтобы бороться с этой атакой инстинкта. Юнг говорит о борении Иакова, который сражался с ангелом — это подходящий образ. Сражаясь с этим, мы отказываемся с ним идентифицироваться. И это значит, что мы не станем жертвенным агентом божественного гнева, но примем то, что должны принять. Это дело сознания; иначе из-за недостатка осознанности мы будем уничтожены.

Д: Ранее вы упомянули «реальность души», и насколько мы знаем, это выражает сущность идей Юнга, хотя о ней трудно постоянно помнить. Есть какой-то способ постоянно пребывать в связи с реальностью души?

Э: Это действительно большая проблема, поскольку дело заключается в том, чтобы видеть это. Это все, что нужно: вам просто нужно видеть это. По-видимому, все мы живем на уровне концепций, потому что все, о чем мы говорим — это интеллектуальные концепции. Это то, что делает мистерию объединения такой трудной. Концептуальное содержание минимально, и душа раскрывается такой, какая она есть. И поскольку нам это совсем не знакомо, мы не знаем, что с этим делать. Даже тот пример на скоростной трассе, когда вы подрезаете разозленного человека, который затем вымещает злость на вас, и то, что это заставляет вас чувствовать — это душа. Мы говорили об этом как о гневe Яхве. Это душа. И если вы вызываете у кого-то такую реакцию, вы чувствуете, будто на вас направлен гнев божий. Это то, что мы вызываем. И, конечно, с людьми часто случается так, что гнев божий рождается в обоих и направляется друг против друга — и это глупо, потому что оба одержимы одной и той же божественной энергией, ищущей «справедливости». И это тоже душа, и такие маленькие примеры мы встречаем повсюду, но, думаю, не распознаем их природу. Это душа, и это трансперсональная душа, и это может быть делом жизни и смерти. Все, что достигает этого уровня — надличностно. Персоналистические категории не опишут это должным образом, пока вы не увидите, что это такое.

Я не знаю, ответ ли это на ваш вопрос, но это, что проходит в голову. Вопрос распознавания реальности души — главный пункт юнгианской психологии. Поэтому Юнг говорит в той цитате, которую вы привели в начале: главная задача в том, чтобы открыть глаза людей на то, что у нас есть душа. Душа реальна.

Д: Видеть реальность души, похоже, наша главная задача. Вы имеете в виду, что когда вы видите ее, вы обретаете ее?

Э: Ну, это постепенный процесс. Но определенный жизненный опыт оставляет глубокое впечатление. Но это постепенный процесс. Многие говорят о реальности души, но мало кто понимает, что это такое. Они говорят об идеях. Идеи — это легко. Вы пользуетесь ими, как хотите.

Реальность сложна и тяжела.

Д: Оглядываясь назад, можете вы назвать нечто в своем окружении, детстве или наследственности, что привело вас к тому, чтобы стать психиатром, учителем, автором и, можно сказать, пророком?

Э: Главное влияние на меня оказала религия моих родителей. Они были Свидетелями Иеговы и были преданны своей апокалиптической точке зрения. А я не мог это принять. Я был потрясен тем отсутствием самокритики, которое они демонстрировали. Но больше всего меня поражала сила их веры. Она определяла их жизнь, она была главным содержанием их жизни. И много позже я осознал, что для того, чтобы спастись от этого упрощенного фундаменталистского подхода, полностью избежать его, я должен сделать больше, чем просто отвергнуть его или найти противоположную точку зрения (что я делал много лет). Я должен проникнуть на тот психический уровень, где эти убеждения возникают и понять их. И я никогда не смог бы этого сделать без Юнга. Юнг дал мне средства для того, чтобы проникнуть на уровень того, что мы называем «религиозными архетипами» и тогда я смог понять в целом религиозный феномен моих родителей, и мне больше не нужно было сражаться; я смог это принять, потому что я понял это. Это была их живая реальность. Возможно, без такого окружения в моем детстве я никогда не смог бы стать юнгианским аналитиком и, вероятно, никогда не смог бы погрузиться в эти бездны. Мы не можем быть уверены, но скорее всего это так.

Д: Опыт ваших родителей, который определял всю их жизнь — вы можете назвать это реальностью души?

Э: Ну, ретроспективно это прекрасный пример реальности души — когда я смог наконец понять это в таких терминах, тогда как раньше мне приходилось с этим сражаться.

Д: Юнг был единственным ребенком около восьми лет, а потом родилась его сестра; вы были единственным ребенком примерно столько же, а потом родился ваш брат. Как вы думаете, есть ли некие семейные особенности, определяющие величие или духовную жизнь или что-то в таком духе?

Э: Не величие. Я говорил об этом где-то, не помню где — о «единорожденном сыне». Я действительно был единственным ребенком. Мой брат родился поздно — я никогда не воспринимал его как угрозу. Так что моя психология была в сущности психологией единственного ребенка, как и у Юнга. В этом были преимущества и недостатки. Преимущество, конечно, в том, что это дает что-то вроде природной тенденции к обожествлению, но с другой стороны, это делает неподготовленным к жизненным крушениям.

Д: Под обожествлением вы имеете в виду что-то вроде почтения себя центром вселенной?

Э: Да, именно.

Д: Вот цитата из Юнга, которую я не очень хорошо понимаю: «Бессознательная целостность кажется мне истинным духовным властелином всех биологических и психических событий.» Он говорит об индивидуации?

Э: Это так при некоторых простых формах жизни, возможно, при жизни в деревне, где архетип целостности проявляется сам и полностью проявлен на биологическом и бессознательном уровне. Я думаю, в этом отрывке он говорит о некоторых старых людях, которые были не особо склонны к психологии, но имели некое чувство внутреннего достоинства, и прожили свои жизни без осознания того, что она значит. Я думаю, основное значение в том, что Самость управляет жизнью более или менее тотально, когда она бессознательна.

Д: Об этой идее стоит поразмышлять. Теперь о чем-нибудь более домашнем: вы интересуетесь компьютерами?

Э: Нет, вообще не интересуюсь.

Д: Кто-то однажды процитировал вас о том, что компьютеры представляют инфляцию эго. Моя жена, работающая в компьютерной индустрии, считает, что это действительно так.

Э: Весь мир сошел с ума на этом уровне инфляции, и я боюсь того, что случится в 2000 году, когда все эти цифры округлятся и эта огромная сеть уничтожится. Я думаю, люди не понимают, насколько уязвимым стал мир благодаря всем этим связям. Это кажется мне крайне опасным.

Мир очень быстро становится замкнутым на себя, на всех уровнях. Это значит, что любой крах не будет локальным. Он будет всеобщим. Мне кажется вполне очевидным, что это произойдет, поскольку такова природа системы. В этой системе, грозящей вызвать бедствие, есть какая-то спесь. Невозможно предугадать, что произойдет в случае столь широко потрясения: коллапс финансовых служб, крушение бирж. Даже обычный запас базовых необходимых для жизни предметов, и тот под угрозой. Кошмарно даже обдумывать это.

Д: Вы обращаете внимание на поп-культуру?

Э: Очень мало.

Д: Вы смотрите телевизор?

Э: Я всегда смотрю канал PBS.

Д: Вы видели эпизод с последней ночью Синфильда (Синфильд — американский комик, снимавшийся в ситуационной комедии с одноименным названием в 1990—1998 гг. — прим. перев.)?

Э: Нет, я ничего об этом не знаю. Я читал об этом в газетах. Мне кажется, тут много шумихи. Я не знаком с этой программой.

Удивительно, не правда ли, как развлечение становится центром современной жизни. Кажется, это началось как чисто американский феномен, но теперь это распространилось по всему миру. Я вижу это как вульгаризацию священной драмы. Это коллективизация, поверхностность, инфантилизация священной драмы и тех функций, которые она выполняла, и это удивительное явление, которое мне кажется подтверждающим, что наша культура находится в руинах.

Д: А что может быть альтернативой развлечению?

Э: Драма, аутентичная драма. Видите ли, проблема с развлечением в том, что оно совершенно поверхностно. Драма является

религиозным феноменом. Она достигает таких глубин, что обретает религиозное измерение. И это было полностью потеряно, так что у нас остались только бледные тени религиозного, нуминозного измерения в виде поклонения поп-звездам. Это поверхностная, вульгарная версия того, что было уникальным религиозным опытом.

Д: А что вы думаете по поводу спортивного опыта, который становится таким важным?

Э: Спорт также был когда-то священными играми.

Д: В спорте проявлен архетип героя.

Э: Состязание.

Д: В каких трудах вы говорите об этом?

Э: Я думаю, вы найдете это в моей книге о греческой мифологии в главе о трагедии и драме⁷. Там я говорю о священной драме и священных играх. С них началась настоящая западная культура.

Д: Последний вопрос, о музыке. Ни Юнг, ни Фрейд, кажется, не увлекались музыкой. А вы? Я заметил у вас дома магнитофон.

Э: Я не думаю, что это так в случае Юнга. У меня осталось другое впечатление. Из того, что я слышал, он был очень чувствителен к музыке, но ему с его уровнем осознанности было трудно слушать исполнителей, поскольку он сразу подмечал, что они не осознают того, что выражают. Я не помню, кто мне это сказал, но, вполне возможно, это была фон Франц. Мое отношение к музыке: я полностью бездарен в музыке. Став взрослым, я приобрел магнитофон и иногда слушал его. Я очень чувствителен к Баху, Моцарту, Бетховену, Брамсу, Шуберту, Шуману. Я не люблю современную музыку. Она вроде современного искусства. Происходит какое-то самоуничтожение. Это отражает состояние нашей коллективной души. В нем мало красоты и глубины.

⁷ «The Eternal Drama: The Inner Meaning of Greek Mythology» (Boston: Shambhala Publications, 1994), pp. 123 ff. Эдингер, в соответствии с Гилбертом Мюрреем, выделяет четыре стадии классической трагедии: агон, или состязание; пафос, или поражение; теренос, или стенание; и теофания, или перерождение.

Д: Оно не успокаивает и не утешает нас, в нем нет ничего спасительного.

Э: Оно не затрагивает глубин.

ЭТО ИНТЕРВЬЮ БЫЛ ПРОВЕДЕНО ПО ТЕЛЕФОНУ
15 МАЯ 1998 ГОДА. ЭТО ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ,
КОТОРОЕ ЭДИНГЕР ДАЛ ПЕРЕД СВОЕЙ СМЕРТЬЮ
17 ИЮЛЯ 1998 ГОДА...

Эдвард ЭДИНГЕР

ОСМЫСЛАЯ ЮНГА

CASTALIA Ж

100 1000

100